

A person wearing a blue hooded cloak stands with their back to the camera in the center of a grand, dark Gothic cathedral. The interior is bathed in a vibrant, ethereal blue light that filters through tall, narrow stained-glass windows and a large rose window at the far end. The floor is a black and white checkered pattern. On either side of the central aisle, there are stone pedestals with winged lion statues. The architecture features high, pointed arches and ribbed vaulting.

НИЛ
СТИВЕНСОН

АНАФЕМ

FANZON

Барочный цикл

Нил Стивенсон

Анафем

«ЭКСМО»

2008

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

Стивенсон Н. Т.

Анафем / Н. Т. Стивенсон — «Эксмо», 2008 — (Барочный цикл)

ISBN 978-5-04-199672-7

Великолепное произведение от автора бестселлеров «Лавина», «Алмазный век», «Криптономикон» и трилогии «Барочного цикла» — масштабная история, которая погружает читателя в причудливо перевернутый, но все еще узнаваемый мир. Премии «Локус», «Портал», «Итоги года» журнала «Мир Фантастики». Номинации на премии «Хьюго», Артура Ч. Кларка, Мемориальную премию Джона Кэмпбелла, премию Британской ассоциации научной фантастики, премию «Индевор». Фраа Эразмас — молодой монах-инак, живущий в конценте (когда-то их называли обителями) святителя Эдхара, убежище математиков и философов. Это монастырь, защищающий ученых от пагубного влияния внешнего светского мира как древними каменными стенами, так и сложными ритуалами и традициями. На протяжении веков за стенами концента возводились и рушились города и государства. Трижды, в самые темные эпохи истории, насилие, порожденное суеверием и невежеством, вторгалось и опустошало замкнутое общество математической науки. Однако монахам-ученым удавалось адаптироваться после катастроф, став более аскетичными и менее зависимыми от технологий и идеологии материализма. Эразмас, однако, не страшится внешнего мира, ведь все эти трагические события превратились в древнюю историю.

Раз в десятилетие наступает день обряда аперт, когда ворота концента широко распахиваются, чтобы пусть внутрь любопытствующих мирян, экстов, и выпустить в мир монахов-инаков. В свой первый аперт Эразмас с нетерпением ждет встречи с родными и близкими, которых он не видел с тех пор, как ушел в концент. Но не пройдет и недели, как и его прежняя жизнь, и та, которую он принял, окажутся на грани опасных перемен. Могущественные силы угрожают мирной и стабильной жизни монахов-ученых. Противостоять им может только хрупкий союз между инаками и экстами. Один за другим коллеги Эразмаса выходят из безопасного концента, в надежде предотвратить глобальную катастрофу. Случайно

взвалив на себя ответственность за судьбу мира, Эразмас оказывается главным действующим лицом в драме, которая определит будущее всего сущего, и отправится в необычное путешествие, которое приведет его в самые опасные и негостеприимные уголки незнакомой планеты... и далеко за ее пределы. «Чтение данного романа — потрясающий опыт». — *Washington Post* «Обширное исследование, которое доставит удовольствие всем тем, кто любит сложные альтернативные миры и понимает иронию». — *Kirkus Reviews* «Бурное и эмоциональное повествование Стивенсона перекликается с классическим “Гимном Лейбовица” Уолтера Миллера, космическими операми Ларри Нивена и философскими размышлениями Дугласа Хофштадтера — пьянящая смесь предшественников, которая обеспечивает множество часов великолепного развлечения». — *Publishers Weekly* «Остроумный и запутанный... Гениальный... Его блеск неоспорим». — *Locus* «Читатель получит удовольствие, угадывая и находя исторических предшественников в философии, науке, математике и искусстве, которые Стивенсон излагает с присущим ему остроумием. Это один из самых умных и увлекательных романов, которые я читал». — *Locus* «Писатель из Сиэтла, который представляет собой нечто среднее между Уильямом Гибсоном и Ричардом Пауэрсом. Он умеет рассказывать истории, исследовать технологии и пересказывать абсолютно все, что попадает ему на глаза». — *The Oregonian* «Захватывающая смесь столкновения культур, дедуктивных рассуждений и экшена». — *Columbus Dispatch* «Роман, которому суждено стать классикой научной фантастики». — *Popular Mechanics* «Он смешивает жанры со вкусом Томаса Пинчона и интеллектом Уильяма Гибсона». — *Winnipeg Free Press* «Коктейль из квантовой физики, философии и других различных увлекательных идей. Энтузиазм автора, с которым он делится своими теориями и объяснениями, заразителен. Представьте “Имя розы”, скрещенное с “Дюной”. Поистине увлекательная пища для ума». — *The Oregonian (Portland)* «Автор пишет извилисто, с двойными поворотами и тупиками, извилистыми ходами и быстротой скоростной трассы. Эта книга в духе Руба Голдберга — запутанная, иногда трудная для понимания, но всегда увлекательная». — *Grand Rapids Press* «В романе прекрасно сочетаются развернутые диалоги о квантовой механике и природе сознания с неожиданностями, высокотехнологичными войнами и отвагой». — *Leicester Mercury* «Это вызов — почувствуйте себя одним из инаков. Станьте ученым и попытайтесь увидеть мир немного по-другому». — *Eugene Weekly* «Стивенсон демонстрирует свою изобретательность в смешении науки, социологии и сатиры в захватывающем приключении». — *Sunday Sun (Великобритания)* «Не впечатлиться романом практически невозможно — в нем просто слишком много эрудиции, остроумия, мастерства и риска». — *San Francisco Chronicle* «В этом романе автор создал религию для скептиков и ботаников». — *Austin American-Statesman* «Это блестящая шутливая

экскурсия по местности, где пересекаются логика, математика, философия и квантовая физика, роман идей высшего качества, который сочетает игру слов и математическую теорию с захватывающим приключением». — London Times «Как и в предыдущих работах автора, сюжет и характеры героев соответствуют самым высоким стандартам фантастики, но еще более привлекательными являются миры, которые он создает. Если есть что-то более увлекательное для читателя, чем “Анафем”, то это, вероятно, должно быть запрещено». — Word «Научный, остроумный, причудливо закрученный, эмоционально сложный, политически пронизательный и часто мрачно смешной... Это дерзкая работа высокоинтеллектуального воображения, восхитительно познавательный текст». — Edmonton Journal «Дерзкий образец научной фантастики. Роман предлагает читателю сочный коктейль из слов, шуток и домыслов». — Boston Globe «Это книга о науке и философии, которая требует полной концентрации читателя. Достойное, умное и захватывающее чтение». — Time Out London «Внезапно романы об идеях снова стали крутыми». — io9 «Мир, созданный автором, богато визуализирован, сложная социальная политика убедительно детализирована, а крутые и конфликтные герои сражаются с захватывающими интеллектуальными головоломками, одновременно испытывая себя в эпических приключениях». — Sla

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-199672-7

© Стивенсон Н. Т., 2008

© Эксмо, 2008

Содержание

Предисловие	8
Часть 1	11
Часть 2	38
Часть 3	90
Часть 4	105
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Нил Стивенсон Анафем

Neal Stephenson ANATHEM

Copyright © 2008 by Neal Stephenson

© Е. Доброхотова-Майкова, перевод на русский язык, 2024

Дизайн Елены Куликовой

Карта 7Narwen

* * *

Моим родителям

Анафем. 1. (протоорт.) Поэтический либо музыкальный гимн Нашей Матери Гилее, со времён Адрахонеса составляющий главную часть ежедневной литургии (отсюда флукское слово «антем»: песнопение, вызывающее сильный эмоциональный отклик, например, желание подпевать). Прим.: это значение устарело и употребляется только в ритуальном контексте, где его трудно спутать с более распространённым вторым значением. 2. (новоорт.) Актал, при котором неисправимого ффраа или сууру выгоняют из матика, а их труды изымают (отсюда флукское «анафема», означающее брань, проклятия). См. отбросить.

«Словарь», 4-е издание, 3000 год от РК.

Предисловие

Если вы привыкли читать фантастику и любите во всём разбираться сами, то пропустите это вступление. Если нет, то знайте, что действие книги происходит не на Земле, а на планете Арб, во многом напоминающей Землю.

«Арб» произносится с коротким призывком в конце, как француз прочёл бы последние две буквы в слове «Arbre», но можно говорить и просто «Арб». Все гласные в именах и названиях следует читать в соответствии с написанием, без редукции, как в словах, заимствованных из греческого языка.

Арбские единицы измерений переведены в земные. Действие книги происходит примерно через тысячу лет после принятия на Арбе общей системы мер и весов, которая теперь воспринимается как очень старая. Соответственно, в книге использованы традиционные земные меры (футы, мили и так далее) вместо современных метрических.

Ортоговорящая культура Арба в книге пользуется лексикой, основанной на арбских прецедентах многовековой давности; в этих случаях я придумывал слова, исходя из древних земных языков. Первый и самый яркий пример – «анафем», составленное из латинского «антем» (гимн, антифон) и греческого «анафема». Орт, классический язык Арба, имеет совершенно другой словарь, и слова для «антем», «анафема» и «анафем» в нём совсем иные, однако составляют такой же ассоциативный ряд. Чтобы не употреблять ортские слова, лишённые для земного читателя всякого смысла и коннотаций, я постарался сочинить приблизительные земные эквиваленты, сохраняя некий аромат ортской терминологии. То же – или примерно то же – проделано и в других местах книги.

Названия некоторых арбских растений и животных переведены земными аналогами. Поэтому герои упоминают морковь, картошку, кошек, собак и тому подобное. Это не значит, что животный и растительный мир Арба идентичен земному. Разумеется, на Арбе свои растения и животные. Грубые земные соответствия подставлены, чтобы избежать длинных отступлений, в которых подробно объяснялось бы, например, чем фенотип арбского аналога моркови отличается от земного.

Далее приведена очень краткая хронология Арба. До прочтения хотя бы части книги она будет совершенно непонятна, но затем может пригодиться как справочный материал.

- С –3400 по –3300: Приблизительное время жизни Кноуса и его дочерей, Деаты и Гилеи.
- 2850: Адрахонес, отец геометрии, основывает Орифенский храм.
- 2700: Диакс изгоняет фанатов, закладывает аксиоматические принципы теоретики и даёт ей теперешнее название.
- 2621: Орифена разрушена извержением вулкана. Начало Периода странствий. Многие уцелевшие теоры стягиваются в город-государство Эфраду.
- С –2600 по –2300: Золотой век Эфрады.
- 2396: Казнь Фелена.
- С –2415 по –2335: Жизнь Протеса.
- 2272: Эфрада насильственно включена в состав Базской империи.
- 2204: Основание базской скинии.
- 2037: Базская скиния становится государственной религией империи.
- 1800: Расцвет Базской империи.
- 1500-е: В результате военных поражений Базская империя резко сокращается в размерах. Теоры отходят от общественной жизни. Светительница Картазия пишет «Секулюм» и кладёт начало Древней матической эпохе.

– 1472: Падение База, сожжение библиотеки. Уцелевшие грамотные люди укрываются в базских монастырях или картазианских матиках.

– 1150: Возвышение мистагогов.

– 600: Эпоха Пробуждения. Изгнание мистагогов. Возвращение книг.

– 500: Рассеяние матической системы. Эпоха исследований, открытие законов динамики, создание современной прикладной теории. Начало эпохи Праксиса.

– 74: Первое предвестие.

– 52: Второе предвестие.

– 43: Проц основывает Круг.

– 38: Халикаарн отвергает труды Проца.

– 12: Третье предвестие.

– 5: Ужасные события.

0: Реконструкция. Первый конвокс. Основание новой матической системы. Вступление в силу «Книги канона» и первое издание «Словаря».

+121: Инаки концента светителя Мункостера делятся на две группы: синтактики и семантики – и основывают процианский и халикаарнийский ордена соответственно. Впоследствии оба ордена расширяются.

С +190 по +210: Инаки концента светительницы Барито, используя синтаксические методы, достигают успехов в управлении ядерным синтезом. Создание новоматерии.

С +211 по +213: Первое разорение.

+214: Последовавший за разорением конвокс запрещает значительную часть форм новоматерии. Вступает в силу «Пересмотренная книга канона». От процианского ордена отделяется фаанитский. От халикаарнийского – эвенедриканский.

+297: Светитель Эдхар учреждает из эвенедриканцев свой собственный орден.

+300: На столетнем аперте выясняется, что за период с 200 г. некоторые центенарские матики слетели с катушек («остолетились»).

+308: Светитель Эдхар основывает одноименный концент.

С +320 по +360: Во многих концентах достигнуты успехи в практике генетических цепочек, преимущественно благодаря сотрудничеству фаанитов и халикаарнийцев.

С +360 по +366: Второе разорение.

+367: Последовавший за разорением конвокс запрещает манипуляции с генетическими цепочками. Усиливается раскол между синтаксическими и семантическими орденами. Фаанитский орден распускается. Вступает в силу «Заново пересмотренная книга канона». Синтаксические устройства изымаются из матического мира. Учреждаются ита: многие бывшие фааниты вступают в их ряды. Для контроля за соблюдением новых правил вводится инквизиция. Во все матики назначают инспекторов; создаётся система иерархов в том виде, в каком она просуществует ещё по меньшей мере три тысячелетия.

+ 1000: Первый тысячелетний конвокс.

С +1107 по +1115: Обнаружение опасного астероида («Большой ком») вынуждает мирскую власть созвать чрезвычайный конвокс.

+2000: Второй тысячелетний конвокс.

+2700: Растущее соперничество между процианским и халикаарнийским орденами порождает мирские легенды об инкантерах и риторах.

+2780: Во время десятилетнего аперта мирская власть узнаёт о необычных праксисах, разработанных инкантерами и риторами.

С +2787 по +2856: В результате Третьего разорения все конценты, за исключением Трёх нерушимых, пустеют.

+2857: Последовавший за разорением конвокс реорганизует конценты. Владения объявлены вне закона. Принимаются различные меры для ограничения «роскоши» матической

жизни. Число орденов сокращается. Оставшиеся ордена перераспределяются для достижения большего «равновесия» между процианской и халикаарнийской тенденциями. Вступает в силу «Вторая заново пересмотренная книга канона».

+3000: Третий тысячелетний конвокс.

+3689: Начинается наш рассказ.

Часть 1

Провенер

Экстрамурос. 1. (староорт.) «Вне стен». Чаще всего подразумевались стены городов-государств того времени. 2. (среднеорт.) Нематический мир; беспорядки и нестроения после падения База. 3. (орт. эпохи Праксиса). Географические области либо социальные классы, ещё не охваченные возрождающейся мудростью матического мира. 4. (новоорт.) Близко ко 2-му значению, но часто используется по отношению к населённым пунктам, лежащим сразу за стенами матика, и подразумевает относительное процветание, стабильность и проч. «Словарь», 4-е издание, 3000 год от РК.

– Сжигают ли ваши соседи друг друга заживо? – так фраа Ороло начал беседу с мастером Флеком.

Мне захотелось провалиться сквозь землю. Стыд ощущался физически, как будто на тебя шмякнули пригоршню тёплой от солнца грязи.

– Ходят ли ваши шаманы на ходулях? – прочёл фраа Ороло по бурому листу, которому я бы навскидку дал столетий пять, если не больше. Затем поднял глаза и пояснил: – Возможно, вы называете их пасторами или знахарями.

Стыд расплзался по голове, мучительно щекоча кожу.

– Когда заболевает ребёнок, вы молитесь? Приносите жертву раскрашенной палке? Или считаете, что во всём виновата старая женщина?

Горячий стыд стекал по лицу, забивал уши, щипал глаза. Я едва слышал вопросы фраа Ороло:

– Считаете ли вы, что встретите своих умерших собак и кошек в некой посмертной жизни?

Ороло попросил меня выступить его скриптором. Слово звучало важно, и я согласился.

Он узнал, что мастера из экстрамуроса пустили в Новую библиотеку чинить подгнившую балку, до которой не доставали наши стремянки; её только что заметили, а мы не успевали до аперта выстроить леса. Ороло хотел задать мастеру вопросы, а меня попросил записывать разговор.

Я сквозь морось слёз смотрел на лист перед собой. Он был так же пуст, как моя башка. Я не справился с порученным делом.

Впрочем, главное было записывать, что скажет мастер, а тот пока не произнёс и слова. В начале разговора он водил недостаточно острым предметом по плоскому камню. Теперь просто тарачился на Ороло.

– Случалось ли, что кого-то, тебе известного, ритуально увечили, потому что застали за чтением книги?

Мастер Флек впервые за долгое время закрыл рот. Я чувствовал, что когда он снова его откроет, то что-нибудь скажет. Я черкнул пером по краю листа, проверяя, не высохли ли чернила. Фраа Ороло молча смотрел на мастера, словно на только что открытую туманность по другую сторону телескопа.

Мастер Флек спросил:

– А чего бы просто не проспилить?

– «Проспилить», – несколько раз повторил фраа Ороло мне, пока я записывал.

Я пояснил – отрывисто, потому что пытался писать и говорить одновременно:

– Когда я сюда пришёл... то есть когда меня собрали... у нас... я хочу сказать, у них... было устройство под названием «спиль»... Мы не говорили «проспилить», мы говорили «катать спиль». – Ради мастера я перешёл на флукский, и моя пьяно спотыкающаяся фраза прозвучала и вполтину не так ужасно, как если бы я говорил на орте. – Это была разновидность...

– Движущихся картин, – догадался Ороло. Он взглянул на мастера и перешёл на флукский: – Мы поняли, что «проспилить» означает прибегнуть к некоему существующему у вас праксису (ты бы сказал технологии) движущихся картин.

– Забавно вы говорите, «движущиеся картины». – Мастер смотрел на окно, как будто там идёт исторический документальный спиль, и трясся от беззвучного хохота.

– Это ортский эпохи Праксиса, и для твоего слуха он непривычен, – признал фраа Ороло.

– А почему не говорить как все?

– Проспилить?

– Да.

– Потому что, когда фраа Эразмас, который нас записывает, пришёл сюда десять лет назад, это называлось «катать спиль», а когда почти тридцать лет назад пришёл я, мы называли то же самое устройство «фарспарк». Инаки, живущие по другую сторону вон той стены и отмечающие аперт лишь раз в столетие, знают его под каким-то другим названием. Я не мог бы с ними объясниться.

Мастер Флек возмутился:

– Фарспарк – совершенно другое дело! Фарспарковский материал нельзя смотреть на спиле, его надо апконвертить и перетолкнуть в формат...

Фраа Ороло про это было так же неинтересно, как мастеру Флеку – про столетников, поэтому разговор на какое-то время заглох, и я успел всё записать. Стыд прошёл, как икота, – я и не заметил когда. Мастер Флек, решив, что беседа окончена, повернулся к лесам, которые его помощники воздвигли под гнилой балкой.

– Отвечая на твой вопрос, – сказал фраа Ороло.

– Какой вопрос?

– Тот, который ты задал минуту назад – если я хочу узнать, что творится в экстрамурсе, почему просто не проспилить.

Мастер тихонько ойкнул, дивясь, как долго фраа Ороло удерживает в памяти всё сказанное. «Я страдаю синдромом избыточного внимания», – часто говорил фраа Ороло, как будто это смешно.

– Во-первых, у нас нет спиль-агрегата.

– Спиль-агрегата?

Фраа Ороло взмахнул рукой, как будто разгоняя туман лингвистической путаницы.

– Предмета, посредством которого вы проспиливаете.

– Если у вас есть старый фарспарковский резонатор, я могу принести деконвертер, у меня валяется в мусоре...

– Фарспарковского резонатора у нас тоже нет, – сказал фраа Ороло.

– А почему вы не купите новый?

Ороло надолго замолчал. Я чувствовал, что в голове у него копятые новые неловкие вопросы: «Считаете ли вы, что у нас есть деньги? Что мирская власть нас охраняет, потому что мы сидим на грудe сокровищ? Что наши милленирии знают, как превращать низшие металлы в золото?» Однако фраа Ороло совладал со своим порывом.

– Мы живём по картазианскому канону, и нам дозволены только мел, чернила и камень, – начал он. – Но есть и другая причина.

– Ну и какая же? – Мастера Флека явно раздражала чудная привычка Ороло объявлять, что он скажет, вместо того чтобы просто сказать.

– Трудно объяснить, но для меня навести на что-либо воспринимающее устройство спила, или фарспарковскую камору, или как вы это называете...

– Спилекаптор.

– ...не есть способ извлечь существенное. Мне нужно, чтобы другие люди вытащили суть посредством всех своих чувств, обработали в голове и перевели в слова.

– В слова, – повторил мастер и пристально оглядел библиотеку. – Завтра вместо меня придёт Кин, – объявил он и добавил, как будто оправдываясь: – Мне надо поставить новые кланексные компенсаторы, а то, на мой взгляд, дерево ветвлений немного зашумлено.

– Я понятия не имею, что это значит, – заметил Ороло.

– Неважно. Ему вы и зададите свои вопросы. У Кина язык хорошо подвешен. – Мастер в третий раз за три минуты посмотрел на экран своей жужулы. Мы велели ему отключить все коммуникативные функции, но жужула по-прежнему могла служить карманными часами. Мастеру, видимо, было невдомёк, что за окном – часы пятьсот футов высотой, смотрят прямо на него.

Я поставил точку в конце предложения и отвернулся к книжному шкафу, боясь, что по моему лицу расплывается улыбка. «Завтра вместо меня придёт Кин» прозвучало так, будто мастер придумал это прямо сейчас. Фраа Ороло наверняка тоже почувствовал враньё. Если бы я неосторожно взглянул сейчас на него, то рассмеялся, а он – нет.

Часы начали отбивать провенер.

– Мне пора, – сказал я и пояснил мастеру: – Простите, я должен идти заводить часы.

– Я хотел спросить. – Мастер порылся в ящике, извлёк полипак, сдул опилки, открыл застёжку (я таких раньше не видел) и вытащил серебристую трубочку размером с палец. Потом с надеждой взглянул на фраа Ороло.

– Я не знаю, что это такое, и не понимаю, чего вы хотите, – сказал фраа Ороло.

– Спилекаптор!

– А. Ты слышал о провенере и, раз уж попал сюда, хотел бы его увидеть и сделать движущуюся картину?

Мастер кивнул.

– Это допустимо, при условии, что ты встанешь там, где тебе скажут. Не включай! – Фраа Ороло поднял руки и приготовился отвести взгляд. – Мать-инспектриса узнает и наложит на меня епитимью! Я направлю тебя к ита. Они покажут тебе, куда идти.

И так далее в том же духе, поскольку канон включает много правил, и мы, на взгляд мастера Флека, нарушили их уже тем, что пустили его в деценарский матик.

Клуатр. 1. (староорт.) Всякое ограниченное, замкнутое пространство. (Фелена перед казнью держали в К., но тогда это слово не несло матических коннотаций значений 2 и др. (см. ниже), что часто сбивает с толку младших фидов.) **2.** (раннесреднеорт.) Матик в целом. **3.** (позднесреднеорт.) Сад или дом, окружённый строениями и считающийся центром или сердцем матика. **4.** (новоорт.) Всякое тихое, пригодное для раздумий место, ограждённое от лишних впечатлений и помех.

«Словарь», 4-е издание, 3000 год от РК.

Я поднял сферу, на время разговора с мастером заменявшую мне табурет, и движением пальцев против часовой стрелки уменьшил её так, чтобы помещалась в ладони. Пока я сидел, стла сбилась; лавируя ко входу в скрипторий между столами, стульями, глобусами и неспешно ступающими фраа, я подтянул её и расправил складки. В скриптории, сразу за аркой, сильно пахло чернилами. Возможно, потому что престарелый фраа и двое его фидов переписывали сейчас книги. Но я гадал, за какое время выветрился бы чернильный дух, даже если бы здесь

не писали вовсе; в этом помещении израсходовали столько чернил, что всё пропиталось их влажным запахом.

Маленькая дверь в дальнем конце вела в Старую библиотеку, одну из самых ранних построек концента. Каменный пол, на две тысячи триста лет старше, чем в Новой библиотеке, был такой гладкий, что я почти не чувствовал его ступнями. Я мог бы идти с закрытыми глазами, позволяя ногам читать память, втёртую в плиты теми, кто проходил здесь раньше.

Старая библиотека непосредственно примыкала к клуатру: крытой аркаде по периметру прямоугольного сада. С внутренней стороны ничто не защищало его от ветра, кроме колонн, поддерживающих свод. С внешней стороны аркаду загораживала стена с дверями в Старую библиотеку, трапезную и калькорию.

Всё, что я видел: резные книжные шкафы, каменный пол, оконные переплёты, кованые дверные петли и ручной работы гвозди, на которых они держались, капители колонн, дорожки и клумбы сада – обрело форму стараниями древних умельцев. На некоторые вещи (например, двери Старой библиотеки) ушла целая жизнь. Другие выглядели так, будто их играючи смастерили за вечер, но по такому снизрению, что они продолжали радовать глаз сотни и тысячи лет спустя. Одни были основаны на простых и чистых геометрических формах. Другие восхищали своей сложностью, заставляя ломать голову, подчиняется ли их конфигурация хоть какому-нибудь закону. Третьи являли собой изображения реальных людей, живших и думавших интересные вещи в ту или иную эпоху, либо общих типов: богопоклонник, физиолог, бюргер, пен. Если бы меня спросили, я сумел бы объяснить четверть того, что вижу. Когда-нибудь смогу объяснить всё.

Солнце било в сад клуатра, где трава и дорожки перемежались клумбами, грядами, кустами и редкими деревьями. Я потянулся через плечо, поймал кромочный край стлы и накрыл голову. Потом оттянул нижнюю часть, болтающуюся под хордой, чтобы бахромчатый край мёл по земле и закрывал ноги. Руки я спрятал в складки на груди, над хордой, и ступил на траву. Она была желтоватая и колкая, потому что дни стояли жаркие. Выйдя на открытое место, я взглянул на южный циферблат часов. Ещё десять минут.

– Фраа Лио, – сказал я. – Не думаю, что буряника входит в число ста шестидесяти четырёх.

Я имел в виду перечень растений, дозволенных к выращиванию «Второй заново пересмотренной книгой канона».

Лио был плечистее меня. Из пухлого мальчика он за последние годы превратился в крепкого юношу. Сейчас он сидел в тени яблони на сфере, уменьшенной до размеров человеческой головы, и, покачиваясь взад-вперёд, замороженно смотрел на разрытую землю. Кромочный край стлы Лио обмотал вокруг пояса и пропустил между ног, более или менее прикрыв срам, остальное свернул в тугой цилиндр, стянул по краям хордой и закинул за плечо наискосок, как скатку. Эту обмотку Лио изобрёл сам; желающих следовать его примеру не нашлось. Я должен был признать, что в жаркий день она удобна, хоть и выглядит по-дурацки.

– Фраа Лио! – позвал я снова. Но Лио немного чудной и не всегда воспринимает слова. Плеть буряники перегораживала мне путь. Я отыскал отрезок без колючек длиной в несколько дюймов, ухватился, выдернул плеть с корнем и махнул ею так, чтобы цветки задели ершистую голову Лио.

– Башка репейная! – крикнул я.

Лио опрокинулся назад, как будто я ударил его палкой. Его ноги взлетели вверх, опустились и упёрлись в яблоневые корни. Он вскочил: колени напружинены, подбородок прижат к шее. С потной спины посыпались комья грязи. Сфера откатилась и застряла в куче выполотых сорняков.

– Ты меня слышишь?

– Буряника не входит в число ста шестидесяти четырёх, верно. Но она и не включена в одиннадцать. То есть я не обязан сжечь её, как увижу, и внести это в хронику. Она подождёт.

– Чего? Чем ты занят?

Он указал на землю.

Я нагнулся и посмотрел. Не каждый рискнул бы так поступить. За краем стлы я не видел фраа Лио периферическим зрением. Считалось, что за фраа Лио всегда надо приглядывать краешком глаза, потому что никто не знает, когда ему придёт желание побороться. Мне больше, чем кому-либо, досталось от Лио бросков через спину, захватов, подсечек и подножек, а также ссадин от столкновения с его головой. Однако я знал, что он на меня не нападёт, поскольку я проявил уважение к тому, что его заинтересовало.

Нас с Лио новособрали восьмилетними, десять лет назад, как и весь наш подрост из тридцати двух мальчиков и девочек. Первые года два мы наблюдали, как четвёрка фраа постарше заводит часы. Команда из восьми суур звонила в колокола. Потом нас с Лио и ещё двумя сильными мальчиками отобрали в команду, которой отныне поручалось заводить часы. Точно так же восемь девочек из нашего подростка начали обучать колокольному искусству, для которого нужно меньше сил, но больше прилежания, поскольку некоторые звоны длятся часами и требуют неослабной сосредоточенности. Уже больше семи лет моя команда заводила часы каждый день, если не считать дни, когда Лио забывал прийти и нам приходилось справляться втроём. Последний раз такое случилось две недели назад, и суура Трестана, мать-инспектриса, назначила ему епитимью: полоть грядки в самое жаркое время года.

Оставалось восемь минут, но без толку было напоминать Лио о времени, пока мы не обсудим то, о чём он хотел поговорить.

– Муравьи, – сказал я, потом, зная Лио, добавил: – Муравьиное искводо?

Он хмыкнул.

– Два цвета муравьёв, фраа Раз. У них война. Как ни печально, вызвал её я.

Он поворошил ногой груды выдернутых плетей буряники.

– Война или бессмысленная беготня?

– Вот это я и пытаюсь выяснить, – ответил он. – На войне есть стратегия и тактика. Например, атака с фланга. Могут ли муравьи атаковать с фланга?

Я еле-еле сообразил, что он имеет в виду «нападать сбоку». Лио выдёргивал такие словечки из старых книг по искводо – искусству долины, – как зубы из окаменелой драконьей челюсти.

– Наверное, муравьи могут атаковать с фланга, – сказал я, хоть и понимал, что вопрос содержит в себе ловушку и Лио атакует меня с фланга посредством слов. – А что?

– Да, могут! Ты смотришь на них сверху и говоришь: «похоже на атаку с фланга». Но как они совершают скоординированные манёвры, если на поле боя нет командира, направляющего их действия?

– Немного похоже на вопрос светителя Таунги, – заметил я. («Может ли достаточно большое поле клеточных автоматов мыслить?»)

– Так что?

– Я видел, как муравьи сообща уносят часть моего обеда, и знаю отсюда, что они могут координировать свои действия.

– Если я – один из ста муравьёв, толкающих изюмину, я чувствую, как она движется, верно? То есть они обмениваются информацией через изюмину. Но если я – одинокий муравей на поле боя...

– Репей, провеноер сейчас начнётся.

– Ладно.

Лио повернулся ко мне спиной и зашагал прочь. Именно эта привычка обрывать разговор на полуслове, как и некоторые другие странности, создали ему репутацию слегка тронутого.

Сферу свою он опять забыл. Я поднял её и бросил в Лио. Она отскочила от его затылка и подлетела вертикально вверх. Лио, почти не глядя, поймал её в падении. Я обошёл поле боя, не желая набрать на ноги бойцов, живых или мёртвых, и припустил за Лио.

Он гораздо раньше меня добрался до угла клуатра и юркнул наперерез толпе степенных пожилых суур: очень грубо, но так комично, что сууры только рассмеялись. Тут они влились в арку, загородив мне путь. Я позвал фраа Лио, чтобы тот не опоздал, а в итоге сам опаздывал с риском схлопотать нагоняй.

Актал. 1. (прото- и древнеорт.) Действие, сознательно предпринимаемое кем-либо, чаще индивидуумом. **2.** (средн. и более поздн. орт.) Церемония, обычно проводимая коллективом инаков, в ходе которой матик или концент как целое совершает некое торжественное общее действие, сопровождаемое исполнением гимнов, кодифицированными движениями и другим ритуальным поведением.

«Словарь», 4-е издание, 3000 год от РК.

В определённом смысле часы – и весь собор, и его фундамент. Однако, говоря «часы», обычно подразумевают четыре циферблата, укрепленные высоко на стенах президия – центральной башни собора. Циферблаты были созданы в разные эпохи, и каждый показывал время по-своему, однако все четыре были связаны с одним и тем же внутренним механизмом. Каждый сообщал время, день недели, месяц, фазу луны, год и (для тех, кто умеет их читать) много других космографических сведений.

Президий стоял на четырёх колоннах и почти по всей своей высоте имел квадратное сечение. Впрочем, чуть выше циферблатов углы квадрата были срезаны, так что получился восьмиугольник, ещё чуть выше восьмиугольник превращался в шестнадцатиугольник, а затем – в круг. Крыша президия представляла собой диск, точнее, сплюснутую полусферу, поскольку середина у неё была слегка приподнята для стока дождевой воды. На крыше размещались менгиры, купола и башенки звёздокруга, который управлял часовым механизмом и, в свою очередь, управлялся им.

За ажурной каменной резьбой под циферблатами прятались звонницы. Ниже от башни отходили аркбутаны; они упирались в верхушки четырёх башен, более приземистых, чем президий, но выстроенных по тому же общему плану. Система арок и ажурной каменной резьбы, соединяющая башни между собой, скрывала нижнюю часть президия и образовывала широкий внешний контур собора.

Над высоким каменным сводом было настелено плоское перекрытие. На нём стояла горняя дефендора. Её внутренний двор, окружающий президий, был закрыт сверху, обнесён стеной и поделён на кладовые и административные помещения; вдоль внешней стороны тянулся карниз, по которому часовые дефендората могли за несколько минут обойти собор и обозреть всю местность до самого горизонта (кроме тех участков, где её закрывали аркбутаны, колонны и башенки). Карниз опирался на десятки близко расположенных дугообразных опор, отходящих от стены внизу. На конце каждой опоры несли вечный дозор горгульи. Половина их (горгульи дефендора) смотрели наружу, половина (горгульи инспектора), выгнув чешуйчатые шеи, направляли острые уши и глаза-щёлочки на концент внизу. Между опорами, в низких матических арках под карнизом располагались окна инспектората. Редкий уголок в конценте не просматривался хотя бы из одного. Разумеется, все эти уголки мы знали назубок.

Светитель. (новоорт.) Почётное звание, присваиваемое великим мыслителям, как правило, посмертно. Прим.: этот термин был принят только на тысячелетнем конвоксе 3000 г. от РК, а до тех пор считался искажённой формой слова «просветитель». На камне, где буквы выбивать трудно, О часто заменялось точкой. Так появилась форма ПР.СВЕТИТЕЛЬ, либо, если

резчику не хватало места, ПР.СВЕТ или даже ПР.СВ («проблема ленивого резчика»). В десятилетия после Третьего разорения, когда грамотность упала, «пр.» стало восприниматься как сокращение от «праведный», «профессор» или «преподобный», что привело к появлению формы «светитель» (теперь общепринятой) и даже «светой» (по-прежнему рассматриваемой как нежелательная). На письме во всех случаях используется сокращение «св». В некоторых наиболее традиционалистских орденах сохраняется форма «просветитель»; вероятно, так же говорят милленарии.
«Словарь», 4-е издание, 3000 год от РК.

Собор был выстроен на выровненном останце горного отрога. В тумане на востоке угадывался утёс милленарского матика. На юге и на западе лежали остальные матики и связанные с ними постройки. Тот, в котором жил я вместе с другими десятилетниками, отстоял от собора на четверть мили. К нашему входу в собор вела крытая галерея, состоящая из семи соединённых площадками лестниц. Этим путём и шли почти все деценарии.

Чтобы не дожидаться, пока толпа пожилых суур пройдёт через арку, я бегом вернулся в зал капитула, который на самом деле представлял собой просто расширение окружающей клуатр галереи, а оттуда через заднюю дверь попал в коридор между калькориями и мастерскими. Вдоль стен тянулись ниши, куда мы складывали текущую работу. Края и углы неоконченных рукописей торчали наружу, желтея и скручиваясь. Из-за этого проход казался ещё уже.

Добежав до его конца и нырнув в узкую арку, я оказался на лугу перед основанием собора – буфером между нами и матиком центенариев. Шестнадцатифутовая каменная стена делила луг пополам. Столетники разводили по свою сторону всякую домашнюю живность.

Когда меня собрали, по нашу сторону стены хранилось сено. Несколько лет назад, под осень, фраа Лио и фраа Джекзри по поручению старших отправились туда с тямками, посмотреть, не выросло ли там что-нибудь из одиннадцати. И впрямь, они нашли нечто, похожее на раданицу, выпололи, сложили в кучу посреди луга и подожгли.

К вечеру весь луг с нашей стороны являл собой дымящееся гарево, а звуки, долетающие из-за стены, наводили на мысль, что ветер занёс искры к столетникам. По границе между лугом и клустами, на которых мы выращивали почти всю свою еду, до самой реки выстроилась боевая шеренга фраа и суур. Передавая полные вёдра по цепочке и пустые обратно, мы заливали те клусты, которые были ближе всего к огню. Если вы видели ухоженный клуст в конце лета, то поймёте почему: количество биомассы огромно, а в это время года она уже довольно сухая и легко вспыхивает.

Дежурный заминспектора провёл расследование и сообщил, что из-за дыма не смог точно установить, что же сделали Лио и Джекзри. Происшествие занесли в хронику как несчастный случай, и ребята избежали епитимьи. Однако я знал (потому что Джекзри мне потом рассказал), что когда огонь от раданицы перекинулся на траву, Лио, вместо того чтобы его затоптать, предложил противопоставить огню огонь и победить его посредством огненного исквода. Попытки пустить встречный пал только ухудшили дело. Джекзри оттащил Лио в безопасное место, когда тот намеревался против-противопалами сдерживать систему противопоалов, которые должны были остановить первоначальный пожар, но вышли из-под контроля. Джекзри тащил Лио двумя руками, поэтому вынужден был бросить сферу; после того дня она стала с одной стороны жёсткой и не прозрачна до конца. Зато пожар дал повод осуществить дело, о котором мы говорили целую вечность: засадить луг клевером и завести пчёл. Расчёт был простой: когда в экстратуроесе есть экономика, мёд можно продавать на торговых лотках у дневных ворот, а на вырученные деньги покупать то, что трудно изготовить в конценте. А если снаружи постапокалипсис, мёдом можно питаться.

Когда я трусил к собору, каменная стена была от меня справа. Клусты – теперь такие же спелые, как перед пожаром, – сзади и слева. Передо мной уходили вверх семь лестниц,

запруженных инаками. По сравнению с другими фраа в их длинных стлах, полуголый Лио, движущийся в два раза быстрее, казался муравьём не того цвета.

Алтарь, сердце собора, был восьмиугольным в плане (или, как выражались теоры, обладал симметрией корней восьмой степени из единицы). Его восемь стен образовывала плотная ажурная резьба, частью каменная, частью деревянная. Мы называли их экранами, что могло бы сбить с толку жителей экстрамураса, для которых экран – то, на чём смотришь спиль или играешь в игру. Для нас экран – стена с множеством отверстий, преграда, через которую можно видеть, слышать и обонять.

От основания собора отходили четыре нефа, ориентированные по странам света. Если вы когда-нибудь бывали на свадьбе или на похоронах в скинии богопоклонников, то представляете себе неф: широкое место, где посетители сидят, стоят, преклоняют колени, бичуют себя, катаются по полу или чем уж они там занимаются. Алтарь в таком случае соответствует месту, где стоит священник. Когда вы смотрите на собор издали и видите его широкое основание, это как раз и есть нефы.

Посетителям из экстрамураса, таким, как мастер Флек, если они были не очень заразные и в целом прилично себя вели, разрешали входить в дневные ворота и смотреть акты из северного нефа. Такой порядок более или менее соблюдался в последние полтора столетия. Если вы попадали в концент через дневные ворота, то проходили в портал северного фасада в неф и по его центральному проходу к экрану в дальнем конце. Вы вполне естественно могли вообразить, что весь собор состоит из одного нефа и восьмиугольного пространства за экраном. Однако находящиеся в восточном, южном и западном нефах легко могли впасть в ту же ошибку. Экраны были тёмные со стороны нефов и светлые со стороны алтаря, так что легко было заглянуть через них в алтарь, но невозможно – за них. Это порождало иллюзию, будто каждый неф – один-единственный и алтарь принадлежит ему.

Восточный неф практически всегда пустовал. Мы спрашивали старых фраа и суур почему, а те отмахивались и «объясняли», что это парадный вход. Видимо, такой парадный, что им никто не пользовался. Когда-то там стоял духовой оргán, но во время Второго разорения его уничтожили, а затем, по новым поправкам в каноне, музыкальные инструменты и вовсе попали под запрет. Когда мой подрост был младше, Ороло пудрил нам мозги, будто здесь планируется место для десятитысячелетних фраа, если концент светителя Эдхара когда-нибудь сподобится построить для таких матик. «Предложение было подано миллениариям шестьсот восемьдесят девять лет назад, – говорил он, – и ответ ожидается через триста одиннадцать лет».

Южный неф занимали центенарии, которые попадали туда через свой луг. Для них помещение было чересчур просторным. Мы, десятилетники, вынужденные жаться в тесном закутке сразу за стеной от центенарского нефа, злились на это вот уже больше трёх тысяч лет.

Западный неф украшали витражные окна и тончайшая каменная резьба, поскольку он принадлежал унарскому, самому процветающему из всех матиков. В этом нефе места тоже было много, но он почти всегда заполнялся целиком, и тут мы несправедливости не видели.

Оставались ещё четыре экрана – северо-восточный, юго-восточный, юго-западный и северо-западный. Они были такого же размера и формы, как ориентированные по странам света, но не сообщались с нефами. За тёмными сторонами этих экранов лежали четыре угла собора, загромождённые конструктивными элементами, неудобными для людей, однако необходимыми для устойчивости здания. Наш угол, юго-западный, был самым из них запруженным, поскольку десятилетников насчитывалось около трёхсот. Его дополнительно расширили за счёт двух башен, выступающих из стены собора и придающих ему асимметрию.

Северо-западный угол прилегал к территории примаса и служил для самого примаса, его гостей, дефендора, инспектора и прочих иерархов, так что там было свободно. В юго-восточном углу размещались тысячетники – сюда вела их выбитая в отвесной скале головокружительная лестница.

Северо-западный угол был отведён ита. Они попадали сюда из своего крытого гетто, занимавшего пространство между собором и естественным скальным обрывом, который с этой стороны служил внешней стеной концента. Считалось, что там есть туннель к подземному механизму часов, доверенному их заботам. Но эти сведения, как почти всё, что мы знали об ита, относились скорее к области фольклора.

Таким образом, если считать официальные порталы, у собора было восемь входов. Однако уж в чём в чём, а в сложности матической архитектуре не откажешь, так что имелось ещё много входов поменьше, редко используемых и не известных почти никому, кроме любителей фидов.

Я шёл через клевер, внимательно глядя под ноги, чтобы не наступать на пчёл, но всё равно двигался куда быстрее толпы на лестницах и скоро оказался у двери, закрывавшей выбитую в скале арку, и по каменной лестнице выбрался на основной уровень собора. Я пробежал через несколько кладовок, где хранились не используемые в это время года облачения и церемониальная утварь, и очутился в той архитектурной каше, которая заменяла нам, десятилетникам, неф. Входящие фраа и сууры загораживали мне путь, но там, где вид заслоняли колонны, оставались свободные коридоры. В одном из них, прямо под колонной, была наша раздевалка. Почти всё её содержимое валялось на полу. Фраа Джебри и фраа Арсибальт стояли рядом, уже облачённые в алое и сердитые. Фраа Лио рылся в шелках, ища свою любимую мантию. Я плюхнулся на одно колено, нашёл мантию подходящего размера среди тех, что отверг Лио, быстро накинул её, подвязал, проверил, что она не путается в ногах, и пристроился за Джебри и Арсибальтом. Через мгновение Лио вскочил и встал впритирку ко мне. Мы вышли из-за колонны и через толпу двинулись к экрану, предводительствуемые Джебри, который не стеснялся работать локтями. Однако народу было не так и много. Пришла лишь примерно половина десятилетников; остальные готовились к аперту. Наши фраа и сууры сидели перед экраном ярусами. Ближайшие к нему – на полу. Следующий ряд – на сферах размером с голову. Те, кто за ними, увеличили свои сферы сильнее. В последнем ряду сферы, раздутые, как огромные воздушные шары, были больше тех, кто на них сидел, и не раскатывались, роняя людей на каменный пол, только потому, что были зажаты между стенами, как яйца в коробке.

Прафраа Ментаксенес открыл дверь в нашем экране. Прафраа был очень старенький, и мы чувствовали, что только эта ежедневная обязанность и поддерживает в нём жизнь. Мы наступили в лоток с растёртой канифолью, чтобы ноги плотнее упирались в пол.

Затем мы вступили в алтарь и, словно крупинки сахара в кружке с чаем, растворились в его огромности. Что-то в конструкции алтаря делало его цистерной, которая хранила весь свет, когда-либо попадавший в концент.

Глядя вверх с места сразу за экраном, можно было увидеть примерно двумястами футами выше сводчатый потолок собора, озарённый светом из сплошного ряда витражных окон – клерестория. Тысячелетники, спустившиеся на провенер по своей крытой лестнице, видели через экран нас, но не видели мастера Флека в его жёлтой футболке и со спилекаптором в руках. Равным образом мастер Флек не видел из северного нефа тысячелетников. Однако и он, и они могли наблюдать провенер, который происходил в алтаре точно так же, как одну, две, три тысячи лет назад.

Президий поддерживали четыре ребристые колонны, уходящие в каменную середину алтаря и, как я подозревал, дальше в подземелье, где ита присматривали за своим хозяйством. Мы миновали одну из них. Опоры были не круглые в сечении, а вытянутые, почти как стабилизаторы древней ракеты, хоть и куда более толстые, чем подразумевает это сравнение.

Итак, мы оказались в центральном колодце собора. Отсюда, глядя вверх, мы видели на вдвое большую высоту, до самой крыши президия, на которой располагался звёздокруг. Мы заняли свои места, угадываемые по ямкам со следами канифоли.

Открылась дверь в экране примаса, и вышел человек в мантии более сложного покроя, чем наши, и пурпурного цвета – знак, что он иерарх. Видимо, примас был сегодня занят – тоже, наверное, готовился к аперту – и прислал вместо себя заместителя. Другие иерархи выступили следом за ним. Фраа Делрахонес, дефендор, сел по левую руку от кресла примаса, суура Трестана, инспектриса, по правую.

Пятнадцать фраа и суур в зелёных мантиях – три сопрано, три альты, три тенора, три баритона и три баса – вышли из-за унарского экрана. Сегодня был их черёд петь. Это значило, что нам, скорее всего, предстоит выслушать довольно слабое исполнение, хотя они и упражнялись в нём уже почти год.

Иерарх произнёс первые слова актала и перевёл рычаг в режим провенера.

Как сказали бы вам часы, если вы умеете их читать, сегодняшний день, как и два последующих, были ординарными. Не отмечалось никаких особых праздников, и литургия не посвящалась какой-то отдельной теме, а состояла из медленного, фрагментарного изложения истории того, как мы получили свои знания. В первую половину года рассказывалось о событиях до Реконструкции, во вторую – после. Сегодняшняя литургия повествовала о возникновении теории конечных групп: как её родоначальника, светителя Блая, отбросили из матика, и как он до конца дней жил на холме в окружении пенов, почитавших его как бога. Он даже убедил их отказаться от раданицы, в итоге они впали в угнетённое психическое состояние, убили светителя Блая и съели его печень из ложного убеждения, будто ею-то он и думал. Если вы живёте в конценте, то можете подробнее прочитать в хронике. Если нет, то знайте, что у нас таких историй ещё много, так что можно участвовать в провенере каждый день до конца жизни, и ни одну не услышать дважды.

Четыре колонны президия я уже упомянул. Точно посередине, по центральной оси собора, висела цепь с гирей. Цепь уходила так далеко ввысь, что таяла в пыльной дымке.

Гиря представляла собой металлическую глыбу, губчатую, как будто источенную червями: четырёхмиллиардолетний железоникелевый метеорит, состоящий из того же вещества, что и сердце Арба. За без малого двадцать четыре часа с прошлого провенера гиря опустилась совсем низко: мы почти могли достать до неё рукой. Она равномерно снижалась почти всё время, поскольку служила двигателем для часов, но на рассвете и на закате, когда должна была обеспечить энергией дневные ворота, падала так стремительно, что случайные наблюдатели, бывало, разбегались прочь.

На четырёх других цепях висели ещё четыре гири. Они были не так заметны, поскольку располагались не посередине, и почти не двигались. Они перемещались вдоль направляющих, закреплённых на четырёх колоннах президия. Каждая гиря имела правильную геометрическую форму: куб, октаэдр, додекаэдр и икосаэдр. Все были вытесаны из чёрного вулканического камня, добытого на склонах Экбы, и доставлены санными поездами через Северный полюс. Каждая немного поднималась всякий раз, как заводили часы. Куб падал раз в год, открывая годовые ворота, октаэдр – раз в десять лет, открывая десятилетние, так что оба сейчас были близки к своей наивысшей точке. Додекаэдр и икосаэдр открывали вековые и тысячелетние ворота соответственно. Первый был примерно на девяти десятых пути к вершине, второй примерно на семи десятых. Так что, просто глядя на них, можно было догадаться, что сейчас примерно 3689 год.

Гораздо выше, в верхней части хронобездны – огромного пространства между циферблатами, где сходились все часовые механизмы, – в герметически запечатанной каменной камере помещалась шестая гиря: серый металлический шар, который мог подниматься и опускаться по вертикальному винту. Благодаря этой гире часы продолжали тикать, пока мы их заводили. В остальное время она могла двинуться, только если метеорит коснётся пола – то есть если мы не справим ежедневный актал провенера. Тогда часы отключат почти всю свою машинерию, чтобы сберечь энергию, и продолжат работать в ждущем режиме за счёт медленного спуска

шара, пока их не заведут снова. Такое случалось лишь во время разорений либо когда все иначе настолько тяжело болели, что некому было завести часы. Никто не знал, сколько они могут пробыть в ждущем режиме, но считалось, что порядка ста лет. Мы знали, что они продолжали работать после Третьего разорения, когда тысячелетники укрылись на своём утёсе, а остальной концент на семь десятилетий совершенно обезлюдел.

Все цепи уходили в хронобездну, где были намотаны на шестерни валов, находящихся в сцеплении с зубчатыми передачами и регуляторами, которые периодически осматривали и смазывали ита. Главная приводная цепь, на которой висел метеорит, соединялась с передаточным механизмом, искусно спрятанным в колоннах президия и уходящим в сводчатый подвал у нас под ногами. Единственным, что видели из него не-ита, была приземистая ступица в центре алтаря, похожая на круглый жертвенник. На высоте плеча от неё, как спицы, отходили восьмифутовые рукояти. В положенный момент службы Джезри, Арсибальт, Лио и я подошли и взяли за рукояти. На определённом такте анафема мы налегли каждый на свою, как матросы, выбирающие якорную цепь с помощью шпиля. Однако ничто не сдвинулось, кроме моей правой ноги, которая заскользила по полу и проехала несколько дюймов. Не в наших силах было преодолеть трение покоя множества шестерён между нами и валом сотнями футов выше. Когда они начнут крутиться, наших общих усилий хватит, чтобы поддерживать их ход, но, чтобы система стронулась, нужен был сильный толчок (если бы мы выбрали грубую силу) либо (если действовать с умом) лёгкая встряска – незначительная вибрация. Разные праксисы позволяют решить задачу по-разному. Мы в конценте светителя Эдхара делали это с помощью голоса.

В древности, когда на чёрных камнях Экбы ещё стояли мраморные колонны Орифенского храма, все теоры мира перед полуднем собирались под огромным куполом. Их предводитель (сперва сам Адрахонес, затем Диакс или другой фид первосветителя) вставал на аналемму и ждал, пока его коснётся луч света из окулюса – окна в вершине купола. Это главное событие дня отмечалось исполнением анафема Нашей Матери Гилее, принесшей нам свет своего отца Кноуса. Когда Орифена погибла, а уцелевшие теоры пустились в странствия, актал пришёл в забвение. Много позже светильница Картазия положила его в основу литургии, совершавшейся на протяжении всей Древней матической эпохи. Во время от Рассеяния и Нового периклиния до последовавшей эпохи Праксиса он был вновь забыт, а после Ужасных событий и Реконструкции возрождён в новой форме, связанной с заводкой часов.

Анафем Гилее теперь существовал в тысячах версий, поскольку каждый инак-композитор хоть раз попробовал в нём свои силы. У всех были одни слова и одна структура, однако они различались, как облака на небе. В самых древних – монофонических – каждый голос длил только одну ноту. Мы в Эдхаре исполняли полифоническую версию: каждый голос выводил свою тему, и все они сплетались гармонически. Однолетки в зелёных мантиях вели свои партии, остальные голоса звучали из-за экранов. По традиции самые низкие ноты тянули тысячелетники. Поговаривали, будто у них есть особые упражнения для голосовых связок, и я в это верил; во всяком случае, никто в нашем матике не мог брать ноты, которые доносились из нефа милленариев.

Анафем начался просто, затем достиг сложности, практически выходящей за грань восприятия. Когда у нас был оргán, для исполнения анафема требовались четыре органиста, каждый играл обеими руками и обеими ногами. В древнем актале эта часть изображала хаос несистематической мысли до Кноуса. Композитор передал его почти слишком хорошо: ухо едва вычленяло отдельные голоса. Потом, примерно как если смотришь на непонятную геометрическую фигуру, и вдруг чуть-чуть повернёшь и грани, ребра и вершины разом обретут смысл, все голоса постепенно слились в одну чистую ноту, которая отдавалась в световом колодце наших часов и заставляла всё вибрировать в резонанс. То ли по счастливой случайности, то ли благодаря хитростям праксиса, вибрации как раз хватило, чтобы привести ось в движение. Лио, Арсибальт, Джезри и я знали, что это произойдёт, и всё равно чуть не упали, когда сту-

пища повернулась. Миг спустя, когда кончился холостой ход передаточного механизма, метеорит у нас над головами пополз вверх. Через двенадцать тактов нам на головы с высоты сотен футов должны были посыпаться скопившиеся за сутки пыль и помёт летучих мышей.

В древней литургии этот момент символизировал свет, озаривший сознание Кноуса. Единая мелодия разделилась на две соперничающие: одна изображала Гилею, другая Деату, дочерей Кноуса. Мы в ритме анафема двигались ровным шагом, вращая втулку против часовой стрелки. Метеорит поднимался со скоростью два дюйма в секунду; до того мига, когда он достигнет наивысшей точки, оставалось минут двадцать. В то же время барабаны, на которые были намотаны четыре другие цепи, тоже начали поворачиваться, только гораздо медленнее. Куб за время актала поднимался примерно на фут, октаэдр – примерно на дюйм и так далее. А высоко под потолком шар медленно опускался, чтобы часы шли, пока мы их заводим.

Я должен оговорить, что часам – даже огромным – на двадцать четыре часа не нужно столько энергии, сколько мы в них вкладывали! Почти вся она предназначалась для дополнительных устройств – звонниц, ворот, Большого планетария у дневных ворот, малых планетариев и телескопов звёздокруга.

Ничего этого не было у меня в голове, когда я круг за кругом толкал свою рукоять. Да, в первые несколько минут я припомнил основные сведения о часах, пытаюсь представить, как бы объяснил это всё мастеру Флеку, если бы тот стоял рядом и задал мне вопрос. Но к тому времени, как мы вошли в ритм, сердце начало тяжело стучать, а по носу потёк пот, я забыл о мастере Флеке. Однолетки пели вполне сносно – не так плохо, чтобы это обращало на себя внимание. Минуты две я размышлял о светителе Блае, потом всё больше о своём месте в жизни. Эгоистично думать о себе во время актала, однако непрощенные мысли труднее всего прогнать. Возможно, вы сочтёте, что я зря про такое рассказываю. Что я подаю дурной пример другим фидам, которые могут когда-нибудь вытащить из ниши мою рукопись. И всё же мои тогдашние мысли – часть этой истории.

Заводя часы в тот день, я воображал, что будет, если забраться на карниз дефендората и прыгнуть вниз.

Если вам непонятно, как можно такое думать, вы, наверное, не иначе. Гены растений, которые вы употребляете в пищу, содержат цепочки хорошина или чего посильнее. Вас никогда не посещает уныние, а если и посещает, вы легко можете его прогнать. Я не мог. И я устал жить с такими мыслями. Было два способа избавиться от них навсегда. Первый: выйти через неделю из десятилетних ворот, вернуться в биологическую семью (если она меня примет) и есть то же, что мои родственники. Для второго надо было подняться по лестнице, уходящей вверх от нашего угла собора.

Мистагог. 1. (раннесреднеорт.) Теор, сосредоточивший своё внимание на нерешённых задачах, особенно приобщающий к ним фидов. **2.** (позднесреднеорт.) Представитель сувины, доминировавшей в матиках с минус двадцатого века до эпохи Пробуждения. Эта сувина утверждала, что больше никаких теорических задач нельзя разрешить, препятствовала теорическим исследованиям, закрывала библиотеки, возвела в ранг культа загадки и парадоксы. **3.** (орт. эпохи Праксиса и позже) Бранное слово для лица, напоминающего М. во 2-м значении.

«Словарь», 4-е издание, 3000 год от РК.

– Умирают ли люди от голода? Или болеют от ожирения?

Мастер Кин почесал бороду и задумался.

– Вы о пенах, да?

Фраа Ороло пожал плечами.

Мастеру Кину стало смешно. В отличие от мастера Флека он не стеснялся смеяться в голос.

– Да вроде как и то, и то, – признал он после недолгой паузы.

– Отлично, – произнёс фраа Ороло тоном, означавшим: «ну наконец-то мы стронулись с места», и посмотрел на меня, записываю ли я.

После беседы с Флеком я спросил фраа Ороло:

– Па, чего ради ты вытащил пятивековой давности опросник? Ведь бред же!

– Это восьмивековой давности копия одиннадцативекового опросника, – поправил он.

– Ладно бы ты был столетник! Но разве может всё так измениться за какие-то десять лет?

Фраа Ороло ответил, что с Реконструкции было сорок восемь случаев, когда за десять лет происходили кардинальные перемены. Два из них закончились разорениями. Однако десять лет – довольно большой срок; люди в экстрамуресе, занятые повседневными делами, могут и не заметить перемен. Поэтому деценарий, читающий мастеру одиннадцативековой опросник, может оказать услугу экстрамуросу (если там кто-нибудь прислушается). Это отчасти объясняет, почему мирская власть нас не только терпит, но и защищает (когда защищает).

– Человек, который каждый вечер, бреясь, видит родинку у себя на лбу, может и не заметить, что она изменилась. Врач, осматривающий его раз в год, легко диагностирует рак.

– Прекрасно, – сказал я. – Но тебя никогда прежде не заботила мирская власть. Так в чём истинная причина?

Ороло сделал удивлённое лицо, потом, поняв, что я не отстану, пожал плечами.

– Это рутинная проверка на предмет РПСО.

– РПСО?

– Разрыв причинно-следственных областей.

Стало ясно, что Ороло меня дразнит. Но иногда он делает это не просто так.

Поправка: он ничего не делает просто так. Бывает, что я даже понимаю, куда он клонит.

Поэтому я подпёр голову руками и сказал:

– Ладно. Открывай шлюзы.

– Причинно-следственная область – это просто набор вещей, объединённых причинно-следственными связями.

– Но разве не все вещи во вселенной так связаны?

– Зависит от расположения их световых конусов. Мы не можем влиять на своё прошлое.

Некоторые предметы так далеко, что просто не могут сколько-нибудь существенно нас затрагивать.

– И всё же нельзя провести чёткие границы между причинно-следственными областями.

– В общем случае нельзя. Но ты куда теснее причинно связан со мной, чем с инопланетянином в далёкой галактике. С определённой степенью точности можно сказать, что мы принадлежим к одной области, а инопланетянин – к другой.

– Ладно, – сказал я. – А какая степень точности устраивает тебя, па Ороло?

– Весь смысл замкнутого матика в том, чтобы свести причинные отношения с экстрамуросом к минимуму, верно?

– Социальные, да. Культурные, да. И даже экологические. Однако мы дышим с ними одним воздухом, у нас за стеной грохочут их мобы – на чисто теорическом уровне никакого причинного разделения нет!

Ороло как будто меня не слышал.

– Если существует вселенная, совершенно изолированная от нашей, – никаких причинных связей между вселенными А и Б, – одинаково ли течёт в них время?

Я задумался, потом ответил:

– Вопрос бессмысленный.

– Забавно. А на мой взгляд, вполне осмысленный, – сказал Ороло немного сердито.

– Ладно. Это зависит от того, как измерять время.

Он ждал.

– Зависит от того, что такое время! – Несколько минут я перебирал возможные пути к объяснению, но все они заводили в тупик.

– Ладно, – сдался я наконец. – Догадываюсь, что надо применить весы. Если у меня нет серьёзных доводов в пользу какого-либо из ответов, я должен выбрать более простой. И самый простой ответ: во вселенных А и Б время течёт независимо.

– Потому что это разные причинно-следственные области.

– Да.

Ороло сказал:

– Что, если две вселенные – каждая такая же большая, сложная и древняя, как наша, полностью обособлены, но из А в Б как-то попал один протон. Довольно ли этого, чтобы на веки вечные обеспечить полное сцепление времени А с временем Б?

Я вздохнул, как всегда, когда попадался в расставленный Ороло капкан.

– Или, – продолжал он, – возможна пробуксовка времени – разрыв между причинно-следственными областями?

– Итак, возвращаясь к твоей беседе с мастером Флеком. Ты хочешь меня убедить, будто проверял, не прошла ли по ту сторону тысяча лет за наши десять?!

– А почему бы и не проверить? – Тут у него стало такое лицо, будто он хочет что-то сказать. Хитроватое. Я не стал дожидаться и спросил сам:

– О. Это как-то связано с твоими рассказками про бродячий десятитысячелетний матик?

Когда мы были совсем юными фидами, Ороло как-то поведал, будто прочёл в хронике такую историю: однажды где-то в земле открылись ворота, вышел инак и объявил себя десятитысячелетником, отмечающим аперт. Это было смешно, потому что иначество в нынешней форме существовало (на тот момент) три тысячи шестьсот восемьдесят два года. Мы решили, что Ороло рассказал свою байку с единственной целью: проверить, слушаем ли мы урок. Однако, возможно, он подводил нас к чему-то более глубокому.

– За десять тысяч лет, если взяться, можно многое успеть, – заметил Ороло. – Что, если ты нашёл способ разорвать всякую причинную связь с экстратуросом?

– Но это, прости, полная чушь! Ты их чуть ли не в инкантеры записал.

– И всё же, в таком случае матик становится обособленной вселенной и время в нём больше не синхронизировано с остальным миром. И тогда возможен разрыв причинно-следственных областей...

– Отличный мысленный эксперимент. Я понял. Спасибо за кальк. Только скажи: ты ведь на самом деле не ждёшь увидеть признаки РПСО, когда ворота откроются?

– К тому, чего не ждёшь, – отвечал он, – надо быть особенно внимательным.

– Есть ли в ваших вигвамах, шатрах, небоскрёбах или в чём там вы живёте...

– По большей части в трейлерах без колёс, – сказал мастер Кин.

– Отлично. Есть ли в них вещи, которые умеют думать, хоть и не люди?

– Когда-то были, потом они перестали работать, и мы их выкинули.

– Умеешь ли ты читать? Именно читать, а не просто разбирать логотипы.

– Ими больше не пользуются, – сказал Кин. – Вы ведь про значки? Не стирать в отбеливателе и всё такое? Ну, на трусах.

– У нас нет трусов. И отбеливателей. Только стла, хорда и сфера. – Фраа Ороло похлопал рукой по ткани у себя на голове, верёвке у себя на поясе и шару у себя под задом. Убогая шутка на наш счёт, призванная успокоить мастера Кина.

Кин встал и тряхнул плечами, сбрасывая куртку. Тело у него было худощавое, но жилистое от работы. Он развернул куртку изнанкой к Ороло и показал пришитые под воротом ярлыки. Я узнал фирменную эмблему, которую последний раз видел десять лет назад, только её с тех пор упростили. Под ней шла полоска из движущихся картинок.

– Кинаграммы. Они вытеснили логотипы.

Я почувствовал себя старым. Новое для меня чувство.

Ороло встрепенулся было, но при виде кинаграмм сразу потерял интерес.

– А, – вежливо произнёс он. – Ты говоришь прехню.

Я смутился. Кин опешил. Затем лицо его побагровело. Он явно себя накручивал, считая, что должен разозлиться.

– Фраа Ороло сказал не то, что ты подумал! – Я постарался хохотнуть, но вышел скорее всхлип. – Это древнее ортское слово.

– А похоже на...

– Знаю! Но фраа Ороло совершенно забыл про то слово, о котором ты подумал. Он совсем другое имел в виду.

– И что же?

Фраа Ороло увлечённо наблюдал, как мы с Кином обсуждаем его, словно отсутствующего.

– Он хотел сказать, что настоящей разницы между кинаграммами и логотипами нет.

– Как же так! Они несовместимы! – Лицо Кина уже приобрело обычный оттенок. Он глубоко вздохнул, задумался на минуту, потом пожал плечами. – Но я понял, о чём ты. Мы вполне могли бы и дальше пользоваться логотипами.

– Тогда зачем, по-твоему, от них отказались?

– Чтобы люди, которые сделали для нас кинаграммы, увеличили свою рыночную долю.

Ороло нахмурился и обдумывал услышанное.

– Это тоже похоже на прехню.

– Чтобы они заработали деньги.

– Хорошо. И как эти люди добились своей цели?

– Они старались, чтобы пользоваться логотипами было всё труднее и труднее, а кинаграммами – всё легче и легче.

– Как неприятно. Почему вы не подняли восстание?

– Со временем мы поверили, что кинаграммы и впрямь лучше. Так что, думаю, вы правы. Всё правда пре... – Он осёкся.

– Можешь говорить. Это не плохое слово.

– Мне кажется неправильным произносить его здесь.

– Как пожелаешь, мастер Кин.

– Так о чём мы? – спросил Кин и сам ответил на свой вопрос: – Ты хотел знать, умею ли я читать, не это, а неподвижные буквы, которыми пишут по-ортски.

Он кивнул на мой лист, быстро покрывавшийся как раз такими письменами.

– Да.

– Мог бы, потому что родители заставляли меня их учить, но не читаю, потому что незачем, – сказал Кин. – Вот мой сын – другое дело.

– Отец заставил его выучиться? – спросил Ороло.

Кин улыбнулся.

– Да.

– Он читает книги?

– Постоянно.

– Сколько ему? – слова были явно не из опросника.

– Одиннадцать. И его ещё не сожгли на костре. – Кин сказал это самым серьёзным тоном. Я так и не понял, догадался ли фраа Ороло, что мастер над ним подтрунивает.

– У вас есть преступники?

– Конечно.

Однако само то, как Кин ответил, заставило Ороло схватить новый лист опросника.

– Откуда ты знаешь?

– Что?!

– Ты говоришь, «конечно», но как ты узнаёшь, преступник перед тобой или нет? Их клеймят? Тагуируют? Сажают под замок? Кто определяет, что такой-то – преступник? Женщина со сбритыми бровями говорит: «Ты преступник» и звонит в серебряный колокольчик? Или мужчина в парике ударяет молотком по деревяшке? Протаскиваете ли вы обвиняемого через магнит в форме бублика? Или у вас есть раздвоенная палка, которая дрожит, если её подносят к злодею? Протягивает ли император с трона свой вердикт, написанный алыми чернилами и запечатанный чёрным воском, или обвиняемый должен пройти босиком по раскалённому железу? Может, есть вездесущий праксис движущихся картин – то, что вы называете спилекапторами, – видящих всё, но их тайны известны только совету евнухов, каждый из которых заучил наизусть длинное число? Или толпа сбегается и забрасывает подозреваемого камнями?

– Я не могу поверить, что вы всерьёз, – сказал Кин. – Вы пробывали в конценте всего, наверное, лет тридцать?

Фраа Ороло вздохнул и посмотрел на меня.

– Двадцать девять лет одиннадцать месяцев три недели шесть дней.

– И понятно, что вы готовитесь к аперту. Но не можете же вы думать, что всё так сильно изменилось!

Ещё один взгляд в мою сторону.

– Мастер Кин, – сказал фраа Ороло, выдержав паузу, чтобы слова его действовали сильнее, – сейчас три тысячи шестьсот восемьдесят девятый год от Реконструкции.

– Мой календарь тоже так говорит, – подтвердил Кин.

– Завтра наступит три тысячи шестьсот девяностый. Не только унарский матик, но и мы, деценарии, будем отмечать аперт. Согласно древним установлениям, наши ворота распахнутся. В течение десяти дней мы сможем выходить наружу, а гости, такие, как вы, посещать наш матик. Так вот, через десять лет в первый и, вероятно, в последний раз за мою жизнь распахнутся вековые ворота.

– А когда они закроются, по какую сторону будете вы? – спросил Кин.

Я опять смутился, потому что не смел задать этот вопрос. Однако я втайне порадовался, что Кин его задал.

– Если меня сочтут достойным, я бы очень хотел оказаться внутри. – Фраа Ороло весело посмотрел на меня, как будто угадал мои мысли. – Суть же в том, что примерно через девять лет меня могут вызвать в верхний лабиринт, отделяющий мой матик от матика центенариев. Я войду в тёмную комнату, разделённую решёткой, а по другую сторону будет столетник (если к этому времени они не вымрут, не исчезнут и не превратятся во что-нибудь иное). И вопросы, которые он задаст, покажутся мне такими же странными, как тебе – мои. Столетники будут готовиться к своему аперту. В их книгах записаны все юридические практики, о которых они или другие инаки в других концентах слышали за последние тридцать семь с лишним веков. Список, которым я тряс перед тобой минуту назад, – лишь один абзац из книги толщиной в мою руку. Поэтому, даже если беседа кажется тебе нелепой, я бы очень просил тебя просто рассказать мне, как вы выбираете преступников.

– А мой ответ запишут в эту книгу?

– Если он будет новым, да.

– Ну, у нас по-прежнему есть окружные санаторы, которые прибывают на новолуние в запечатанных фиолетовых ящиках...

– Да, их я помню.

– Но они появлялись не так часто, как надо. Власти плохо их защищали и некоторых пустили под откос. Тогда власти поставили ещё спилекапторы.

Фраа Ороло взял другой лист.

– Кто имеет к ним доступ?

– Мы не знаем.

Ороло принялся искать другой лист, но, прежде чем он нашёл, Кин продолжил:

– Если кто-нибудь совершает серьёзное преступление, власти шлёпают ему на хребет такую штуку, что он на какое-то время становится вроде калеки. Потом она отваливается, и всё проходит.

– Это больно?

– Нет.

Новая страница.

– Когда вы видите человека с таким устройством, вам ясно, какое преступление он совершил?

– Да, там прямо так и написано, кинаграммами.

– Воровство, насилие, вымогательство?

– Само собой.

– Крамола?

Кин долго молчал, прежде чем ответить:

– Такого никогда не видел.

– Ересь?

– Это, наверное, по части небесного эмиссара.

Фраа Ороло воздел руки с такой силой, что стла упала с его головы и даже одна подмышка оголилась, потом резко закрыл лицо. Этот иронический жест он частенько проделывал в калькории, когда кто-нибудь из фидов демонстрировал непроходимую тупость. Кин явно правильно всё понял и засмутился. Он поёрзал на стуле, задрал подбородок, снова опустил его и посмотрел на окно, которое пришёл чинить. Однако был в выпрещенном жесте Ороло какой-то комизм, и Кин чувствовал, что ничего плохого не произошло.

– Ладно, – сказал он наконец. – Я никогда так об этом не думал, но на самом деле у нас есть три системы.

– Ящики, нашлёпки на хребет и что-то новенькое, ни мне, ни фраа Эразмасу незнакомое. Некто, называемый небесным эмиссаром. – Фраа Ороло принялся искать что-то в стопке листьев, в самом её низу.

– Я о нём не упомянул, потому что думал, вы знаете!

– Потому что... – фраа Ороло отыскал нужный лист и теперь скользил по нему глазами, – он утверждает, что пришёл из концента, чтобы принести немногим избранным свет матического мира.

– Да. А что, неправда?

– Неправда. – Видя, как растерялся Кин, Ороло продолжил: – Такое случается каждые несколько веков. Некий шарлатан претендует на светскую власть, ссылаясь на мнимую связь с матическим миром.

Я знал ответ на свой следующий вопрос раньше, чем выпалил:

– Мастер Флек – он что, его последователь?

Кин и Ороло разом посмотрели на меня, одинаково взволнованные, но по разным причинам.

– Да, – отвечал Кин. – Он слушает за работой их передачи.

– Потому-то он и снял провенор на спилекаптор, – сказал я. – Небесный эмиссар выдаёт себя за одного из нас. Если в матике есть что-то таинственное или... ну, величественное, это прибавит небесному эмиссару значимости. И мастер Флек, как его последователь, считает это в какой-то мере и своим достоянием.

Ороло молчал. Я сперва смутился и лишь много позже задним числом понял, что ему и не надо было ничего говорить: так очевидна была правильность моих слов.

У Кина лицо стало немного растерянное.

– Флек ничего не заспилил.

– То есть как? – удивился я.

Фраа Ороло по-прежнему думал о небесном эмиссаре и слушал вполуха.

– Ему не разрешили. Его спилекаптор слишком хорош, – объявил Кин.

Старый и мудрый Ороло напрягся и закусил губу. Я, молодой и глупый, пёр напролом:

– И как это понимать?

Фраа Ороло положил руку мне на запястье, чтобы я дальше не записывал. Сильно подозреваю, что ему хотелось другой зажать Кину рот.

Мастер ответил:

– Глазalmaz, антидрожь и диназум – со всем этим он мог заглянуть в другие части вашего собора, даже за экраны. По крайней мере, так сказали ему...

– Мастер Кин! – провозгласил фраа Ороло столь зычно, что все в библиотеке подняли головы. Затем он понизил голос почти до шёпота: – Боюсь, ты хочешь пересказать нам что-то, что твой друг Флек услышал от ита. Должен напомнить, что нашим канонам это запрещено.

– Простите, – сказал Кин. – Тут так легко запутаться.

– Да, знаю.

– Ясно. Не будем о спилекапторе. Простите ещё раз. Так о чём мы?

– Мы говорили о небесном эмиссаре. – Фраа Ороло немного успокоился и выпустил наконец мою руку. – Меня, собственно, интересует одно: отброс он, подавшийся в мистагоги, или бутылкотряс, поскольку первые бывают опасны.

Кефедокл. 1. Фид Орифенского храма, переживший извержение Экбы и ставший одним из сорока малых странников. В старости он будто бы объявился на периклинии, хотя некоторые исследователи считают, что это был сын или тезка орифенянина. Фигурирует в качестве второстепенного участника в нескольких великих диалогах, особенно в «Уралоабе», где его своевременное вмешательство дало Фелену время оправиться от ехидных выпадов оппонента, сменить тему и приступить к последовательному уничтожению сфенической мысли, которое составило заключительную треть диалога и привело к публичному самоубийству заглавного участника. От страннического периода жизни К. сохранились три диалога, от периклинического – восемь. Человек, безусловно, одарённый, он тем не менее производил впечатление педанта и резонёра, отсюда 2-е значение. **2.** Педант и резонёр; зануда.

«Словарь», 4-е издание, 3000 год от РК.

– «Отброс, подавшийся в мистагоги» – более или менее понятно, – сказал я фраа Ороло позже. Мы были в кухне трапезной: я резал морковку, Ороло её ел. – И я догадываюсь, что они опасны, поскольку озлоблены, хотят вернуться туда, где их предали анафему, и отомстить.

– Да. Потому-то мы с мастером Кином провели всю вторую половину дня у дефендора...

– А что значит «бутылкотряс»?

– Вообрази знахаря в обществе, не знающем стекла. Море выносит на берег бутылку – вещь с поразительными свойствами. Он надевает её на палку, трясёт ею и убеждает всех, будто сам приобрёл часть этих поразительных свойств.

– Так они не опасны?

– Да. Они слишком внушаемы и потому быстро пугаются.

– А как насчёт пенев, которые съели печень светителя Блая? Не сказать, чтобы они так уж его боялись.

Чтобы спрятать улыбку, фраа Ороло сделал вид, будто разглядывает картофелину.

– Верно подмечено. Но вспомни: светитель Блай жил один на холме. Самый факт, что его отбросили, разлучил светителя с артефактами и акталами, которые на общество, способное порождать бутылкотрясов, воздействуют сильнее всего.

– Так что вы с дефендором решили?

Фраа Ороло огляделся, давая понять, что о таком не следует вопить во всю глотку.

– Ожидать ббльших предосторожностей во время аперта.

Я понизил голос:

– Так мирская власть пришлёт... ну, не знаю...

– Роботов с парализаторами? Эшелоны конных лучников? Баллоны с усыпляющим газом?

– Ну да, в таком духе.

– Зависит от того, насколько небесный эмиссар стакнулся с бонзами, – сказал фраа Ороло. (Он всегда называл так мирскую власть.) – И это нам очень трудно установить. Мне так точно. Для того и учреждена должность дефендора. Не сомневаюсь, что фраа Делрахонес уже этим вопросом занимается.

– Может ли это привести к... ну, знаешь...

– Разорению? Локальному или всеобщему? Насчёт всеобщего – думаю, вряд ли. Фраа Делрахонес уже что-нибудь бы услышал от других дефендоров. Я не исключаю безобразий в Десятую ночь, но потому-то мы накануне аперта и перенесли всё по-настоящему для нас ценное в лабиринт.

– Ты сказал Кину, что кардинальные перемены в экстрамуресе дважды приводили к разорениям, – напомнил я.

– Неужели? – И раньше, чем я успел ответить, Ороло скорчил эту самую гримасу весёлого фраа, будто собирался насмешить полный калькорий замученных теорикой фидов. – Ты что, четвёртого разорения боишься?

Я предал смерти морковину и трижды вполголоса помянул грабли Диакса.

– Три глобальных разорения за три тысячи семьсот лет – не так уж и страшно, – заметил Ороло. – У мирян статистика куда более мрачная.

– Немножко боюсь, – отвечал я, – но совсем другое хотел спросить, пока ты не начал кефедоклить.

Ороло не ответил, возможно, потому что в руке у меня был большой нож. Я устал и злился. Чуть раньше я вмял сферу внутрь, чтобы получилась корзина, и пошёл к ближайшим клустам. Оказалось, их обобрали; пришлось тащиться на другой берег реки и добывать овощи для рагу там.

Я схватил доставшуюся таким трудом морковку и указал ею вверх.

– Ты меня учил больше насчёт звёзд. Историю мне преподавали другие – в основном фраа Корландин.

– Он, наверное, говорил, что в разорениях виноваты мы сами, – сказал Ороло. Я отметил, что он употребил слово «мы» очень растяжимо, в смысле «каждый инак начиная с ма Картазии».

У Репья была милая привычка – за разговором ни с того ни с сего легонько ткнуть меня в ключицу. Я машинально вскидывал руки, понимая, что от второго тычка полечу на землю. Таким образом Лио давал понять, что я стою не так, как советуют его книги по искусству долины. Я считал, что это чушь, но моё тело, видимо, соглашалось с Лио, потому что реагировало чересчур сильно. Раз, пытаюсь восстановить равновесие, я потянул какую-то мышцу в спине, и она потом три недели болела.

Так же подействовала на меня фраза Ороло. Я отреагировал чересчур сильно. Лицо вспыхнуло, сердце застучало. Я почувствовал себя собеседником Фелена, которого тот спровоцировал на глупость и сейчас начнёт шинковать, как морковку на доске.

– За каждым разорением и впрямь следовали реформы, ведь так? – выпалил я.

– Давай пройдёмся по твоей фразе граблями и скажем, что каждое разорение вело к переменам в матиках, наблюдаемым по сей день.

То, что Ороло заговорил в такой манере, подтверждало: мы с ним в диалоге. Другие фраа бросили чистить картошку или резать зелень и собрались вокруг смотреть, как меня площат.

– Хорошо, называй как хочешь, – сказал я и тут же засопел, понимая, что подставляюсь. Как будто фраа Лио меня ткнул, а я с размаху плюхнулся на пятую точку. Не надо было мне вспоминать Кефедокла.

Я невольно покосился на окно. Кухня смотрела на юг, на грядки с зеленью, тянувшиеся до ближайших клустов (их обрабатывали самые старые фраа и сууры, которым трудно далеко ходить). Чтобы солнце не грело стену и в кухне не получалась совсем уж духовка, кровля с этой стороны здания сильно выдавалась вперёд, образуя навес. В его тени, сразу под окном, суура Тулия и суура Ала резали мобные покрышки на сандалии. Я не хотел, чтобы Тулия слышала, как меня площат, потому что она мне нравилась, и не хотел, чтобы слышала Ала, потому что ей бы это доставило слишком много удовольствия. На счастье, они, как всегда, что-то друг дружке втолковывали и не обращали на нас внимания.

– Называй как хочешь? Странные вещи ты говоришь, фраа Эразмас, – сказал Ороло. – А могу ли я назвать их морковками или плитками?

Смешки порскнули разом, как воробьи со звонницы.

– Нет, па Ороло, неправильно говорить, что за каждым разорением следовала морковка.

– Почему, фид Эразмас?

– Потому что слово «морковка» не означает «реформы» или «перемены в матиках».

– То есть из-за того, что слова обладают занятным свойством нести конкретный смысл, мы должны употреблять их по делу? Это верное изложение того, что ты сказал, или я ошибаюсь?

– Верное, па Ороло.

– Может быть, другие, столькому научившиеся у Нового круга и реформированных старофаанитов, заметили ошибку и хотели бы нас поправить? – Фраа Ороло обвёл слушателей безмятежным взглядом гадюки, пробующей языком воздух.

Никто не шелохнулся.

– Никто не хочет поддержать оригинальные гипотезы светителя Проца. Прекрасно. Мы можем продолжать, исходя из допущения, что слова что-то означают. В чём разница между высказываниями: «разорения привели к реформам» и «разорения привели к переменам в матиках»?

– Полагаю, это связано с коннотациями слова «реформа». – Я уже сдался и хотел, чтобы меня уплощили. Не потому, что мне это нравилось, просто уж очень редко фраа Ороло излагал свои взгляды на что-нибудь, кроме звёзд и планет.

– Может быть, ты объяснишь подробнее? Я не так чуток к словам, как ты, фраа Эразмас, и будет жаль, если я неверно пойму твой довод.

– Хорошо. Сказать «перемены» – значит выразиться более диаксиански – выгрести граблями всё субъективно-оценочное. Говоря «реформы», мы создаём впечатление, будто в прежнем устройстве матиков что-то было не так и...

– ...мы заслуживали разорения? Бонзы должны были прийти и нас выправить?

– Когда ты так говоришь, па Ороло, таким тоном, ты как будто намекаешь, что перемены были не нужны... что мирская власть их нам навязала. – Я запинался от волнения, потому что увидел, как загнать Ороло в угол. Эти реформы (или перемены) были также фундаментальны для устройства матиков, как ежедневный провенер. Против них Ороло возразить не мог.

Однако он только грустно покачал головой, словно дивясь, что нас в калькориях пичкают такой ерундой.

– Тебе надо перечитать «Секулюм» светительницы Картазии.

У инаков, подолгу смотрящих в телескоп, иногда развиваются очень странные взгляды на историю, поэтому я не хмыкнул. Кое-кто весело переглянулся.

– Па Ороло, я читал его в прошлом году.

– Ты, скорее всего, читал выдержки из перевода на среднеортский. Многие тогдашние переводы окрашены своего рода протопроцианством, возобладавшем в Древнюю матическую эпоху незадолго перед возвышением мистагогов. Ты хихикаешь, но когда-нибудь ты начнёшь это замечать. Некоторые куски переведены плохо, потому что переводчики были не согласны с их смыслом. Настолько плохо, что при выборе отрывков их просто выкинули. Не пожалей сил: прочти Картазию в оригинале. Староортский совсем не так труден, как некоторые думают.

– И что я должен оттуда узнать?

– Это документ, заложивший основы матического мира. Светительница Картазия подчёркивала – мы должны не приспособливаться к секулюму, а противостоять ему. Создать ему противовес.

– «Мой матик – моя крепость»? – поддразнил кто-то из слушателей.

– Мне такое определение не по душе, – заметил Ороло, – но если я буду говорить дальше, рагу не приготовится никогда, и скоро двести девяносто пять голодных инаков захотят оторвать нам голову. Довольно сказать, фраа Эразмас, что светительница Картазия никогда не согласилась бы с утверждением, будто светские власти могут или должны реформировать матики. Однако она бы признала, что у них есть средства производить в нашей жизни перемены.

Проц, метатеорик поздней эпохи Праксиса, вероятно, убитый во время Ужасных событий. Во время короткого окошка стабильности между Вторым и Третьим предвестиями Проц был ведущей фигурой в группе единомышленников, называемой Круг и утверждавшей, что символы вообще не имеют смысла, а всякое языковое общение – не более чем игра с синтаксисом, то есть правилами нанизывания символов. После Реконструкции был объявлен патроном синтаксической группы концента св. Мункостера. В таком качестве считается родоначальником всех орденов, восходящих к этой группе, в противоположность орденам, берущим начало от семантической группы, чей патрон – св. Халикаарн.

«Словарь», 4-е издание, 3000 год от РК.

– Мне сказали, кого-то сегодня площили на кухне?

– Поверь, дело не стоило чернил или даже мела.

Фраа Корландин, пе-эр (первый среди равных) Нового круга, сидел напротив меня за столом.

Предыдущие девять с половиной лет моей жизни в матике он не обращал на меня внимания, кроме как в калькории, по обязанности, а в последнее время вёл себя так, будто мы друзья. Впрочем, ничего удивительного. Ожидалось, что во время аперта к нам присоединятся трид-

цать-сорок новых инаков. Их незримое присутствие уже ощущалось вокруг, и по контрасту я казался более взрослым.

Вскоре после аперта, если всё пойдёт положенным чередом, колокола призовут нас на элигер, и все десятилетники соберутся смотреть, как я принесу обет тому или иному ордену.

Одиннадцать из моего подраста пришли в матик из экстрамураса. Остальные двадцать один прежде вступили в унарский матик и прожили по тамошнему канону как минимум год, прежде чем перевестись к десятилетникам; они в основном были старше собранных. Весь сбор и почти все переводы происходили в аперт. Правда, если однолетка выказывал исключительные способности, он мог пройти через лабиринт, соединяющий унарский и деценарский матики. За то время, что я здесь прожил, такое случалось всего трижды. Полная схема, как инаки приходят из экстрамураса или из мелких вспомогательных матиков в округе и как они перемещаются из матика в матик, слишком сложна и не стоит того, чтобы её подробно излагать. Довольно сказать, что для поддержания численности в триста инаков нам, десятилетникам, нужно было принять в аперт примерно сорок новичков. Сколько-то (точного числа мы не знали) придёт из унарского матика. Недостающее число должны были восполнить сбор и брошенные младенцы, которых мы выискивали по больницам и приютам.

Когда с этим будет покончено, я окажусь перед выбором. Фраа Корландин прощупывал меня и даже, возможно, вербовал в Новый круг.

Я всегда считался фидом Ороло и немногих других эдхарианцев, помогавших ему в теорике. Они целые дни проводили в крохотных калькориях; потом я пробирался туда и рассматривал их записи на грифельных досках, спутанные клубки уравнений, в которых понимал от силы один символ из двадцати. Сейчас я должен был работать над заданием, которое дал мне Ороло: фотомнемонической табулой с изображением туманности светителя Танкреда. Мне предстояло ответить на некоторые вопросы об образовании тяжёлых атомных ядер в недрах звёзд. Задача явно не для Нового круга. Так с какой стати Новый круг вообразил, будто я во время элигера его выберу?

– Ороло – крайне интересный теор, – продолжал фраа Корландин. – Жаль, что я мало у него сувинился.

Нелогичность его слов была видна невооружённым глазом. Скорее всего Корландину предстояло провести с Ороло в одном матике лет шестьдесят – семьдесят. Если он говорил искренне, почему бы не взять свою миску и не пройти через трапезную к столу Ороло?

По счастью, рот у меня был набит хлебом, и я не подверг фраа Корландина сокрушительному феленическому анализу. Пока я жевал, до меня дошло, что он просто поддерживает вежливый разговор. Эдхарианцы так не говорят. Я проводил всё время с эдхарианцами и разучился это делать.

Я постарался расшевелить те части мозга, которые отвечают за вежливую болтовню: перед апертом так и так стоило освежить социальные навыки.

– Если хочешь, чтобы Ороло тебя посувинил, нет ничего проще: сядь рядом и скажи что-нибудь неправильное.

Фраа Корландин хохотнул.

– Боюсь, я слишком мало знаю о звёздах, и даже неправильного о них ничего сказать не могу.

– Ну, сегодня он говорил не о звёздах.

– Да, мне сказали. Кто бы мог подумать, что наш космограф – такой фанат мёртвых языков?

Фраза скользнула мимо моего сознания, как иногда случайно проскакивает в горло непрожёванный ломтик груши или яблока из компота. Я наконец-то свободно почувствовал себя в светской беседе, поэтому тоже хохотнул. Не успел я обдумать слова Корландина, как

Лио и Деззри вскочили и понесли свои миски в кухню. Ещё двое фидов торопливо последовали их примеру.

Проследив взгляды других фидов, я увидел, что прасуура Тамура стоит в дверях, сложив руки на груди.

Она резко повернула голову, словно я через полный калькорий запулил в неё шариком из жёваной бумаги, и сверкнула глазами. По-прежнему не понимая, что происходит, я встал и пошёл на кухню. Семеро фидов торопливо мыли свои миски, но и они понимали не больше моего.

Инкантер, легендарная фигура, ассоциирующаяся в мирском сознании с магическим миром и якобы способная изменять физическую реальность произнесением кодовых слов или фраз. Представление восходит к исследованиям, проводившимся в магическом мире накануне Третьего разорения, и было чудовищно раздуто массовой культурой, в которой вымышленные И. (предположительно связанные с халикаарнийской традицией) эффектно сражались со своими непримиримыми врагами риторамы (процианами). Влиятельная историческая сувина утверждает, что именно неспособность многих мирян отличать подобные развлекательные выдумки от реальности в значительной степени стала причиной Третьего разорения.

«Словарь», 4-е издание, 3000 год от РК.

Через несколько минут все тридцать два фиды и прасуура Тамура были в калькории светителя Грода, рассчитанном на восемнадцать человек. «Не перейти ли нам в светителя Венстера, там места больше?» – спросила суура Ала, самоназначенная староста звонщиц и вообще всех, кто оказывался в поле зрения её глаз-прожекторов. За спиной у Алы поговаривали, что из нашего подростка у неё больше всего шансов стать следующей инспектрисой.

Прасуура Тамура сделала вид, будто не услышала. Она прожила здесь семьдесят два года и отлично знала вместимость всех калькориев. Раз она выбрала этот, значит, так захотела, возможно, потому что в тесном помещении труднее скрыть незнание или отсутствие интереса. Места, чтобы сидеть на сферах, не было, так что мы держали их уменьшенными под стлами.

Я заметил, что некоторые сууры сбились чересчур тесно и всхлипывают, уткнувшись друг дружке в плечо, в том числе Тулия, которая мне очень нравилась. Мне было восемнадцать, Тулии – меньше. Последнее время я мечтал завести с ней отношения, когда она достигнет совершеннолетия. В общем, я смотрел на Тулию куда чаще, чем надо. Иногда она тоже на меня поглядывала. Однако сейчас, когда я на неё посмотрел, она демонстративно отвела покрасневшие глаза и уставилась на витраж над доской. Поскольку: а) снаружи было темно, б) витраж изображал, как светителя Грода и его ассистентов избивают резиновыми шлангами в застенках какого-то контрразведывательного управления эпохи Праксиса, в) Тулия так и так провела в этом калькории примерно четверть жизни, я решил, что дело не в витраже.

При всей своей тупости я наконец сообразил, что наш подросток из тридцати двух фидов последний раз собрался вместе. Девочки с их невероятной чуткостью к таким вещам отреагировали слезами, мы по нашей столь же феноменальной толстокожести понимали только, что девчонки, которые нам нравятся, плачут.

Прасуура Тамура собрала нас явно не из сентиментальных соображений.

– Наша тема: сущность и происхождение иконографий, – объявила она. – Если я увижу, что вы достаточно знаете и понимаете материал, вам разрешат во время аперта свободно посещать экстрамурос. В противном случае вы должны будете ради собственной безопасности оставаться в клуатре. Фид Эразмас, что такое иконографии и чем они для нас важны?

Почему прасуура Тамура начала с меня? Возможно, потому что я записывал беседы фраа Ороло с мастерами и был подготовлен лучше других. Я решил сформулировать ответ соответственно:

– Эксы...

– Миряне, – поправила Тамура.

– Миряне знают, что мы есть, но не знают, как нас понимать. Истина слишком сложна и не укладывается в их сознании. Вместо истины у них есть упрощённые понятия – карикатуры на нас. Эти понятия рождаются и умирают со времён Фелена. Однако, если сравнить их все, обнаружатся устойчивые шаблоны вроде... вроде аттракторов в хаотической системе.

Прасуура Тамура закатила глаза.

– Пожалуйста, без поэзии, – сказала она.

Послышались смешки. Я заставил себя не смотреть на Тулию.

– Инаки, изучающие экстрамурос, давным-давно систематизировали эти шаблоны. Они называются иконографиями. Они важны, потому что, если мы знаем, какая иконография у конкретного экс... простите, у конкретного мирянина в голове, мы примерно представляем, что он о нас думает и чего от него ждать.

Прасуура Тамура никак не показала, устроил ли её мой ответ. Во всяком случае, она отвела от меня взгляд – максимум, на что я мог надеяться.

– Фид Остабон. – Теперь она смотрела на двадцатидвухлетнего фраа с жидкой бородёнкой. – Что такое темнестрова иконография?

– Она самая старая, – начал он.

– Я не спрашивала, сколько ей лет.

– Она из древней комедии...

– Я не спрашивала, откуда она.

– Темнестрова иконография... – сделал он третий заход.

– Я знаю, как она называется. В чём она состоит?

– Она изображает нас клоунами, – сказал фраа Остабон немного резким тоном. – Но... клоунами жутковатыми. Это двухфазная иконография. Вначале мы, скажем, ловим сачками бабочек, высматриваем формы в облаках...

– Разговариваем с пауками, – вставил кто-то. Поскольку прасуура Тамура его не одёрнула, со всех концов посыпалось: – Держим книжку вверх ногами... Собираем свою мочу в пробирки...

– Поначалу это вроде бы смешно, – продолжал фраа Остабон уже уверенней. – Во второй фазе проявляется тёмная сторона. Впечатлительный юноша попадает в сети хитрецов, достойная мать теряет рассудок, политика толкают к безумным и безответственным действиям...

– Таким образом, в пороках общества оказываемся виновны мы, – сказала прасуура Тамура. – Происхождение этой иконографии? Фид Дульен?

– «Ткач облаков», сатира эфрадского комедиографа Темнестра, которая высмеивала Фелена и фигурировала в качестве свидетельства на его суде.

– Как вы определите, что ваш собеседник привержен этой иконографии? Фид Ольф?

– Вероятно, он будет вежлив, пока разговор идёт о вещах ему понятных, но выкажет странную враждебность, как только мы коснёмся абстракций...

– Абстракций?

– Ну... чего-нибудь, что мы получили от Нашей Матери Гилеи.

– Уровень опасности по десятибалльной шкале?

– Учитывая, что случилось с Феленом, я бы сказал, десять.

Прасууру Тамуру ответ не устроил.

– Я не осуждаю, когда вы переоцениваете опасность, и всё же...

– Фелена казнила мирская власть по приговору суда. Это не было спонтанное возмущение толпы, – подал голос Лио. – Толпа менее предсказуема и от неё труднее уберечься.

– Отлично, – сказала прасуура Тамура, явно удивлённая столь логичным ответом из уст Лио. – Итак, оценим уровень опасности в восемь баллов. Фид Халак, каково происхождение доксовой иконографии?

– Многосерийная движущаяся картина эпохи Праксиса. Приключенческая драма о военном космическом корабле, отправленном в далёкие части галактики для борьбы с враждебными инопланетянами и потерявшем управление в результате повреждения гипердвигателя. Капитан корабля – человек страстный и порывистый. Его помощник – Докс, теорик, гениальный, но холодный и начисто лишённый эмоций.

– Фид Джемри, что говорит о нас доксова иконография?

– Что мы полезны мирской власти. Что наши таланты достойны всяческих похвал. Но что мы слепы или ущербны в силу... э...

– Тех же качеств, которые делают нас ценными, – подсказала фид Тулия. Вот почему я никак не мог выкинуть её из головы: только что она распускала нюни, а тут раз и оказалась умнее всех.

– Как отличить человека, находящегося под влиянием доксовой иконографии? Фид Тулия, продолжай.

– Он будет относиться к нам с интересом, уважая наши знания, но слегка покровительственно, поскольку считает, что нами должны руководить люди, прочнее стоящие на земле и слушающие голос своего сердца.

– Уровень опасности? Фид Бранш?

– Я бы оценил как очень низкий. По сути, эта иконография довольно точно отражает истинное положение дел.

Все захихикали. Прасуура Тамура явно не одобрила наш смех.

– Фид Ала. Что общего у йорровой иконографии с доксовой?

Суура Ала на минуту задумалась.

– Тоже из развлекательного сериала эпохи Праксиса? Только это, кажется, была иллюстрированная книжка?

– Позже по ней сделали движущуюся картину, – вставил фраа Лио.

Кто-то шепнул Але подсказку, и она всё вспомнила.

– Да. Йорр выведен как теорик, но, если посмотреть на его занятия, он больше праксист. Из-за работы с химикатами он позеленел, и на затылке у него выросло щупальце. Всегда ходит в белом лабораторном халате. Опасный безумец. Вечно вынашивает планы захватить мир.

– Фраа Арсибальт, какая иконография связана с риториками?

Он ответил без запинки, как по писаному.

– Риторы исключительно ловко выворачивают слова наизнанку, злокозненно сбивая с толку мирян или, что хуже, влияя на них внешне незаметным образом. Используют унарские матики, чтобы вербовать и воспитывать сторонников, которых засылают в секулярный мир, где те пробиваются на влиятельные должности под видом бургеров, хотя на самом деле они – марионетки всемирного заговора риторов.

– Что ж, по крайней мере придумано не на пустом месте! – воскликнул фид Ольф.

Все повернулись к нему, надеясь, что это шутка.

– Кажется, мы знаем, в какой орден ты метишь! – с досадой произнесла одна из суур. Все знали, что она собирается в Новый круг.

– Потому что он ненавидит проциан? Или просто потому, что не умеет себя вести? – спросила её подруга негромко, но так, что слышали все.

– Довольно! – оборвала прасуура Тамура. – Миряне не видят разницы между нашими орденами, так что иконография, которую изложил фраа Арсибальт, опасна для всех нас, не только для проциан. Продолжим.

И мы продолжили. Мункостерова иконография: чудаковатый, встрепанный, рассеянный теорик, хочет как лучше. Пендартова: дёрганные всезнайки фраа, бесконечно далёкие от реальности, но постоянно лезущие не в своё дело; они трусоваты, поэтому всегда проигрывают более мужественным мирянам. Клевова иконография: теор как старый и невероятно мудрый государственный деятель, способный разрешить все проблемы секулярного мира. Баудова иконография: мы – циничные жулики, купающиеся в роскоши за счёт простых людей. Пентаброва: мы – хранители древних мистических тайн мироздания, переданных нам самим Кноусом, а все разговоры о теорике – дымовая завеса, чтобы скрыть от невежественной черни нашу истинную мощь.

Всего прасуура Тамура обсудила с нами двенадцать иконографий. Я слышал обо всех, но не осознавал, как их много, пока она не заставила нас разобрать каждую. Особенно интересно было ранжировать их по степени опасности. После долгой сортировки мы пришли к выводу, что самая опасная не йоррова, как может показаться вначале, а мошианская – гибрид клевова и пентабровой. Она утверждает, что мы когда-нибудь выйдем из ворот, чтобы принести миру свет и положить начало новой эпохе. Её вспышки случаются на исходе каждого века и особенно тысячелетия, перед открытием центенальных и милленальных ворот. Она опасна, потому что доводит чаяния мирян до истерического безумия, собирает толпы паломников и привлекает лишнее внимание.

Из разговора Ороло с мастером Кином я вынес, что мошианская иконография сейчас на подъёме и представлена так называемым небесным эмиссаром. Наши иерархи об этом узнали. Видимо, потому-то отец-дефендор и попросил прасууру Тамуру провести с нами обсуждение.

Наконец она дала всем разрешение выходить в экстрамурос во время аперта, чему никто не удивился. Мы понимали, что, обещая запереть кого-то в клуатре, нас просто припугнули, чтобы не расслаблялись.

Дискуссия вышла очень интересная и закончилась только к отбою. Канон запрещает нам две ночи подряд спать в одной келье. Кто куда отправится, писали каждый вечер на доске в трапезной. Надо было идти смотреть списки. Мы всей толпой двинулись в клуатр, смеясь и болтая о Йорре, Доксе и других нелепых персонажах, которых экссы выдумали в попытках нас понять. Старшие фраа и сууры сидели на скамейках в галерее и мастерили сандалиии, недовольно поглядывая на нас, потому что обычно это была наша работа.

Я старался не встретиться ни с кем из них глазами, поэтому смотрел в другую сторону и увидел, как фраа Ороло выходит из калькория со стопкой исписанных листьев под мышкой. Он двинулся было вперёд, потом, заметив нашу компанию, свернул в сад и зашагал по направлению к собору. Мне стало чуточку не по себе, потому что некая табула с туманностью светителя Танкреда собирала пыль на столе в рабочей комнате звёздокруга. Табулой были придавлены два листа с моими исчёрканными писульками. Фраа Ороло заметит, что я не работал несколько дней.

Через несколько минут мы с двумя другими фраа были в келье, которую нам предстояло делить этой ночью. Я завернулся в стлу и сделал из сферы подушку. Казалось бы, засыпая, я должен был думать про иконографии и близкий аперт. Однако встреча с фраа Ороло в клуатре заставила меня вспомнить двусмысленную фразу Корландина. В первый момент я её проглотил, не расчувствовав. Теперь она превратилась в одну из тех непрошенных мыслей, от которых я не умею избавляться.

«Мне сказали» – с этих слов фраа Корландин начал разговор. Но наш с Ороло диалог состоялся всего за час до обеда. Кто из слушателей побежал докладывать о нём в капитул Нового круга? И зачем?

До прошлого года у фраа Корландина были отношения с суурой Трестаной, тоже из Нового круга. Затем однажды колокола начали вызванивать регред. Это значило, что кто-то уходит на покой. Мы собрались в соборе, и примас назвал имя нашего отца-инспектора. Несмотря на все епитимьи, которые он на нас за эти годы накладывал, мы выводили песнопения актала с искренней грустью, потому что он был человек мудрый и справедливый.

Затем Стато – примас – провозгласил сууру Трестану нашей новой матерью-инспектрисой. Это было несколько неожиданно из-за её молодости; впрочем, все знали, насколько она умна, так что удивление скоро прошло. Суура Трестана перебралась на территорию примаса, где у неё теперь была своя келья. Столовалась она тоже с другими иерархами. Однако слух гласил, что её отношения с фраа Корландином продолжаются. Некоторые инаки считали, что у иерархов по всему конценту расставлены устройства, позволяющие им слушать наши разговоры. Мода на подозрительность усиливалась и слабела в зависимости от степени нелюбви к иерархам. Она заметно укрепилась с назначением сууры Трестаны. Сейчас я не мог про это не подумать. Может, инспектриса услышала наш с Ороло диалог и передала Корландину.

С другой стороны (спорила часть моего мозга, хотевшая прогнать эти мысли), меня самого удивило, что Ороло вдруг заинтересовался ошибками в переводах со староортского.

«Кто бы мог подумать, что наш космограф – такой фанат мёртвых языков?» «Фанат» – одно из тех неистребимых слов, которые почти без изменений перешли из протоортского в новый и даже попали во флукский. По-флукски оно означает просто человека, который что-то очень любит; сперва я подумал, что Корландин употребил его именно в этом смысле. А вот в староортском оно весьма нелестно по отношению к фраа, особенно к теору вроде Ороло. «Мёртвые языки» – тоже интересный выбор слов. Мёртвый ли язык, если Ороло на нём читает? А если Ороло прав насчёт ошибок, то, говоря «мёртвые», не намекает ли на что-то Корландин, причём исподтишка, не предпринимая усилий к тому, чтобы привести доказательства?

Я пролежал в мучительных раздумьях, как мне показалось, несколько часов, и наконец у меня случилось снизрение. Я понял: что бы ни говорил фраа Ороло, даже если слова его меня смущали или ранили, они никогда не заставляли меня ворочаться ночами, как слова фраа Корландина. Отсюда я сделал вывод, что лучше мне всё-таки идти к эдхарианцам.

Если они меня примут, в чём я совсем не был уверен. Я схватывал чистую теорику куда хуже некоторых других фидов. Наверняка это заметили. Почему прасуура Тамура задала мне первый, самый лёгкий вопрос? Может, считала, что с более трудными мне не справиться? Почему Ороло посадил меня записывать разговоры вместо того, чтобы заниматься теорикой? Почему Корландин заманивает меня в Новый круг? Сложив одно с другим, я решил: все знают, что я не гожусь для эдхарианского ордена, и кое-кто старается подстелить мне соломки.

Часть 2

Аперт

Ита. 1. (орт. поздн. эпохи Праксиса) Акроним (в древних текстах встречается написание «ИТА»); точная этимология утрачена вместе с прочей скверно заархивированной информацией во время Предвестий и Ужасных событий. По мнению большинства, первые две буквы происходят от выражения «информационная технология», коммерческой прехни эпохи Праксиса, служащей для обозначения синтаксических устройств. Значение третьей буквы спорно и в различных гипотезах расшифровывается как авторитет, ассоциация, администрация, архив, агрегатор, альянс, аналитик, агентство и ассистент. Каждая из гипотез подразумевает разные роли, отводимые И. до Реконструкции, и продвигается различными сувинами. 2. (ранненовоорт., вплоть до Второго разорения) Группа внутри концента, занимающаяся праксисом синтаксических устройств. 3. (поздненовоорт.) Табуированная каста мастеров, присутствие которой допущено в тридцати семи концентах, построенных вокруг Великих часов. Само существование часов противоречит букве реформ Второго разорения, поскольку в их подсистемах используются синтаксические устройства. И. должны управлять этими подсистемами и поддерживать их в рабочем состоянии, избегая всяких контактов с инаками.

«Словарь», 4-е издание, 3000 год от РК.

В последнюю ночь 3689 года мне приснилось, что фраа Ороло чем-то озабочен, и все это видят, но ни он, ни остальные не хотят говорить открыто. Хранят тайну. Впрочем, тайна известна всем: планеты отклоняются от орбит, и часы идут неправильно. Ведь в часах есть планетарий, механическая модель Солнечной системы, где отображается теперешнее положение планет и большей части спутников. Планетарий находится в притворе – помещении между дневными воротами и северным нефом. Тридцать четыре века система работала точно, а теперь разладилась. Мраморные, хрустальные, стальные и лазуритовые шары, символизирующие планеты, сдвинулись совсем не так, как на небе, и фраа Ороло ясно видел разницу даже в самый слабый телескоп. Во сне этого не говорилось, но я как будто знал, что проблема связана с ита, потому что планетарий – одна из подсистем, которые управляются их устройствами из сводчатого подвала под собором.

Ходили слухи, будто та же самая система незаметно подправляет ход самих часов. Если ошибку в подвале не исправить, возникнут огрехи, очевидные для всех: например, полуденные колокола зазвонят, когда солнце ещё не в зените, или дневные ворота откроются не точно с рассветом.

Во вселенной, управляемой нормальной логикой, эти ошибки проявились бы позже, чем мелкие расхождения между движением планет в планетарии и на небе, но по логике сна всё случилось одновременно: фраа Ороло был расстроен, планетарий неправильно показывал фазу луны, бюргеры заходили в дневные ворота среди ночи. И всё же больше всего меня беспокоила колокольня: колокола отбивали неправильную мелодию...

Я открыл глаза под звон аперта – по крайней мере другие фраа в келье вслух обсуждали, что это аперт. Точно сказать можно было, только если несколько минут внимательно вслушиваться. Механизм колокольни играл заготовленные мелодии, например для обозначения часов; для объявления акталов и других событий наши звонщицы отключали механизм и играли дру-

гой звон. Мелодия представляла собой код, который нас научили разбирать. Видимо, его придумали для передачи сигналов всему конценту так, чтобы в экстрамуресе никто ничего не понял.

Правда, аперт – не такая уж тайна. Наступил первый день три тысячи шестьсот девяностого года, значит, на восходе солнца откроются не только дневные ворота, но и годовые, и десятилетние. Любой экс, заглянувший в календарь, понимал это не хуже нас. И всё равно нам троим не хотелось начинать день, не услышав правильную последовательность звуков: мелодию, особым образом обращённую вспять, перевёрнутую вверх ногами и отражённую зеркально.

Мы сидели нагишом в холодной келье, а наши стлы, хорды и сферы в беспорядке валялись на лежанках. В торжественный день полагалась формальная обмотка, которую трудно сделать самому. Фраа Хольбейн первым ступил на пол, я наклонился и нашарил в его тёплой скомканной стле бахромчатый край. Фраа Арсибальт, наш третий, продрал глаза последним. После нескольких крепких словечек от меня и Хольбейна он наконец взялся за другой край. Мы вышли в коридор и растянули стлу, которую фраа Хольбейн вечером укоротил, сделал для тепла толстой и пушистой.

Мы с Арсибальтом собрали стлу гармошкой, а потом разошлись, чтобы Хольбейн сделал её раза в три длиннее и гораздо тоньше. Зажав в руке сложенную хорду, он подполз под стлу и подставил левое плечо. Потом он начал крутиться туда-сюда, иногда опуская и поднимая руки, пока мы с Арсибальтом двигались вокруг, словно планеты в планетарии, то расправляя ткань, то собирая в складки. Мы знали, как легко вся конструкция может рассыпаться, и с минуту придерживали её, пока Хольбейн обматывался шнуром и завязывал основные узлы. Потом он встал в пару с Арсибальтом, чтобы обмотать меня, и, наконец, мы с Хольбейном помогли Арсибальту. Арсибальт любил заворачиваться последним, когда мы уже натренировались. И не из тщеславия: из всего нашего подростка он был лучше всех приспособлен к жизни в матике. Крупный, даже грузный, он старался отрастить бороду, чтобы хоть немножко напоминать почтенного фраа, которым рано или поздно станет. Однако, в отличие от того же фраа Лио, который постоянно изобретал новые способы заматывать стлу, Арсибальт чтит традицию.

Одевшись, мы какое-то время обвязывались хордами и складывали ткань вокруг лица – в этой обмотке показать индивидуальность можно было разве что формой капюшона.

Перед выходом из келий лежала куча готовых сандалий. Я разгрёб их ногой в поисках достаточно большой пары. Канон создали люди, жившие в тёплом климате. Каждому инаку позволялось владеть стлой, хордой и сферой, а вот обувь предусмотрена не была. Летом нас это не слишком беспокоило, чего не скажешь о более холодных временах года. К тому же во время аперта мы выходили на городские улицы, где полно битого стекла и других опасностей. Инаки конценты светителя Эдхара позволили себе некоторое послабление: во время аперта носили сандалии из покрышек, а зимой – бахилы на мягкой подошве. Мы делали так довольно долго, и, поскольку инквизиция на нас до сих пор не ополчилась, вольность вроде бы сошла нам с рук. Я присвоил себе пару сандалий и завязал тесёмки.

Наконец мы взяли свои сферы и сжали до размеров кулака. По дороге к собору мы обвязали их хордами, как сеткой, надули и увеличили, чтобы сетка натянулась. Потом приказали сферам засиять приглушённым малиновым светом. Свет помогал смотреть под ноги, а цвет отличал нас как десятилетников, ведь вскоре мы окажемся вместе с однолетками.

Теперь у каждого из двухсот инаков, сходящихся к собору, на правом боку болталась сфера. В темноте это выглядело завораживающе. Если хочешь притвориться памятником светителю, можно взять сферу в одну руку и поглаживать другой, устремив взор вдаль, к Свету Кноуса.

Сорок инаков встали раньше других и уже собрались в алтаре. Они встретили нас гимном деценального аперта. Эту мелодию я не слышал десять лет, с тех пор как оказался на восходе

за десятилетними воротами и увидел, как створки из стали и камня съезжаются и отрезают меня от всего, что я когда-либо знал. Сейчас песня проникла в мой мозг настолько глубоко, что в буквальном смысле сшибла с ног, и я опёрся о другого фраа – Лио. Тот даже не стал бросать меня через бедро на землю, просто тычком возвратил в прямостоящее положение, словно накренившуюся статую, и вернулся к акталу.

Пение синхронизировалось с часами, которые выступали одновременно метрономом и дирижёром. Так продолжалось четверть часа: никаких слов и поучений, только музыка.

Небо было ясным, и в момент восхода из кварцевой призмы на вершине звёздокруга хлынул свет. Пение смолкло, и мы потушили сферы. Мне показалось, что свет сначала был изумрудным, но это мог быть обман зрения. Когда я сморгнул, луч стал цвета ладони, если в тёмной келье поднести её к пламени свечи. Настал мучительный миг тишины: все боялись, что (как в моём сне) часы идут неправильно и ничего не будет.

Начала опускаться центральная гиря. Это случалось каждый день, на рассвете, когда открывали дневные ворота. Но сегодня это было знаком, чтобы все задрали головы и посмотрели туда, где колонны президия касались свода собора. Сначала мы слышали звук, потом увидели движение. Работает! Две гири спускались, съезжали вниз по направляющим, чтобы открыть годовые и десятилетние ворота.

Мы радостно заахали и закричали; у некоторых по лицам текли слёзы. Даже тысячники зашевелились за своим экраном. Куб и октаэдр опустились совсем низко. Зрители взревели и зааплодировали им, будто знаменитостям на церемонии награждения. Когда гири приблизились к алтарному полу, мы притихли, словно боялись, что они врежутся в каменные плиты. Постепенно гири замедлили ход и, наконец, встали всего в ладони от пола. Все облегчённо рассмеялись.

Казалось бы, абсурд. Ведь часы – всего лишь механизм. Гири должны были упасть. И всё-таки тем, кто этого не пережил, не понять наши чувства. Хористы, вместо того чтобы разразиться ликующей полифонией, едва взяли ноты. Зато в их нестройных голосах слышалась своя музыка.

Сквозь пение мы различали, как журчит за стеной вода.

Инак, лицо, давшее обет блюсти картазианский канон в течение года или более; фраа или суура.
«Словарь», 4-е издание, 3000 год от РК.

«Нет идеального способа построить часы», – часто повторял фраа Корландин, учивший нас новейшей (то бишь постреконструкционной) истории. Этаким вежливым намёк, что древние праксисты концента светителя Эдхара были немножко с приветом.

Наш концент гнезвился в излучине реки у гряды скал – самого краешка горной цепи, которая тянулась на сотни миль к северо-востоку и питала ледниковой водой нашу реку. Чуть выше по течению были водопады, мы слышали их ночью, если пены не слишком шумно буйнили. После водопадов река, словно переводя дух, текла спокойно и тихо через травянистую равнину. Часть равнины вместе с полутора милями реки принадлежала конценту.

У водопада через реку было легко перебросить мост, поэтому поселение обычно оставалось там. В одни эпохи оно подступало вплотную к конценту, и офисные работники смотрели из небоскрёбов на наши бастионы, в другие – съёживалось до крошечной автозаправки или огневой позиции на переправе. Из реки торчали изъеденные ржавчиной балки и замшелые глыбы искусственного камня – обломки мостов, которые когда-то стояли над рекой, а потом рушились в воду.

Почти все наши постройки находились с внутренней стороны излучины, но мы застолбили узкую полосу земли на противоположном берегу и выстроили на ней укрепления: стены вдоль реки, где она текла прямо, бастионы – где изгибалась. В трёх бастионах были ворота:

унарские, деценарские, центенарские (ворота тысячников стояли на горе и были устроены по-другому). Каждые представляли собой пару створок, которые должны были открываться и закрываться в определённое время. Отсюда возникла проблема для первых строителей: ворота оказались не просто далеко от часового механизма, а ещё и через реку.

Праксисты применили силу самой воды. Далеко за пределами концента, над водопадом – то есть заведомо выше наших голов – в каменном русле выдолбили бассейн, вроде открытой цистерны, и провели от него акведук в обход водопада, моста и излучины. Местность тут была пересечённая, поэтому на части пути пришлось пробить короткий туннель, на части – возвести каменные опоры. Преодолев таким образом полмили, вода ныряла под землю и проходила по трубе под теперешним поселением бюргеров. Перед дневными воротами она под напором была из двух отверстий, наполняя пруд. Через середину пруда, точно между фонтанами, шла дамба, соединяющая центральную площадь бюргерского поселения на севере с нашими дневными воротами на юге.

Пруд находился выше уровня реки. В его дне были устроены стоки с огромными шаровыми клапанами из полированного гранита. Один сток снабжал водой пруды, каналы и фонтаны на территории примаса, а ниже по течению разграничивал унарский и деценарский матики. Ещё три переходили в целую систему труб, сифонов и акведуков, ведущих к годовым, десятилетним и вековым воротам. Воду в них пускали только на аперт, как теперь, когда гири часов открыли два клапана и направили её в годичную и десятилетнюю системы.

Метод, возможно, и впрямь несколько чудной, к тому же не очень надёжный. Зато у него было одно преимущество, которое я обнаружил только сегодня. Система заполнялась медленно, поэтому, когда церемония закончилась, мы высыпали из собора и быстрым шагом двинулись вслед за водой, которая хлынула в акведук, идущий вдоль семи лестниц, мимо клуатра и дальше к реке.

Здесь через неё был перекинут каменный мост. На ближнем к нам берегу он кончался круглой башенкой, на дальнем – бастионом внешней стены концента. В башне была цистерна, которая сейчас наполнялась водой из акведука. Над лопастью водяного колеса завис её изогнутый край, похожий на носик кувшина. Почти все мы успели как раз к тому моменту, когда цистерна переполнилась и колесо начало проворачиваться под давлением струи. При помощи нержавеющей шестерён колесо приводило в движение вал толщиной с мою ногу (если не знать, для чего эта штука, можно было принять её за очень толстый поручень моста). На том берегу, в бастионе, вал соединялся через ещё одну передачу с шарнирами ворот.

Услышав скрип петель, мы поспешили к воротам, но потом невольно притормозили, потому что не знали, чего ждать дальше.

Ну... не совсем так. Мы вполне представляли, что увидим. Правда, я по молодости ещё иногда позволял себе забыть о граблях Диакса, если увлекусь какой-нибудь идеей. История Ороло о матике, который дрейфует во времени по разрыву причинно-следственных областей, запала мне в душу. Так что на несколько секунд я дал волю воображению и притворился, будто живу в таком матике и действительно не знаю, что окажется за воротами: нажевавшиеся дурнопли пены с вилами или бутылками зажигательной смеси; голодные, обессиленные пены, приползшие, чтобы выковырять из земли последнюю картошку. Паломники-мошианцы, которые хотят взглянуть в лицо очередному богу. Горы трупов до горизонта. Девственный лес. Самое интересное будет, думал я, когда ворота приоткроются настолько, чтобы в них прошёл один человек. Кто это будет – мужчина или женщина, старик или юноша, с автоматом, младенцем, сундуком золота или бомбой в ранце?

Двери продолжали открываться. Вскоре мы увидели десятка три мирян, пришедших посмотреть аперт. Некоторые замерли перед воротами в одной и той же странной позе. До меня не сразу дошло, что они снимают нас спилекапторами или жужулами, а потом пересы-

лают картинки тем, кто далеко. На плечах у одного мужчины сидела маленькая девочка. Она скучала и ёрзала, но отец не опускал её, а крутился и шипел сквозь зубы, чтобы она ещё минуту подождала. Под присмотром одной женщины рядом стояли восемь одинаково одетых детей – наверное, из бургерской сувини. К воротам медленно двинулась очень печальная женщина: она выглядела так, словно пережила стихийное бедствие, которое коснулось только её. В руках у женщины был свёрток – скорее всего младенец. С полдюжины людей столпились вокруг какого-то дымящегося артефакта, окружённого большими, ярко окрашенными коробками. Часть людей сидела на них, чтобы было удобнее поесть огромные, истекающие соком бутерброды. Мне пришли на ум полузабытые флукские слова: барбекю, лимонад, чизбург.

Один тип занял пяточок свободного пространства – или просто остальные его избегали? – и размахивал куском ткани на шесте – флагом мирской власти. Вид у него был вызывающий и довольный одновременно. Другой что-то кричал в устройство, усиливающее его голос. Наверное, какой-то богопоклонник, который хотел залучить нас в свою скинию.

Первыми в ворота вошли мужчина и женщина, одетые так, как обычно одеваются в экстратуресе, если идут на свадьбу или важную деловую встречу, и трое детей в миниатюрных версиях таких же нарядов. Мужчина тянул за собой красную тележку с горшком, из которого росло маленькое деревце. Дети рукой придерживали горшок, чтобы тот не опрокинулся, когда колёса тележки подпрыгивали на камнях мостовой. Женщина, которая ничего за собой не тянула, шла быстрее, но какой-то очень странной походкой – вернее, казавшейся мне очень странной, пока я не вспомнил, что женщины за стеной носят такую особую обувь, из-за которой меняется походка. Улыбаясь и утирая слезы, она направилась к прасууре Ильме, которую явно узнала, и начала объяснять, что её отец, умерший три года назад, активно выступал за концерт и ходил в дневные ворота на лекции и за книгами. Когда он умер, его внуки посадили дерево и теперь надеются, что его пересадят в подходящее место на нашей территории. Прасуура Ильма сказала, что это возможно, если дерево входит в Сто шестьдесят четыре. Бургерша завершила Ильму, что, зная наши правила, они постарались всё проверить. Тем временем её муж рыскал кругом и снимал разговор на жужулу.

Видя, что мы не растерзали семью бургеров и не воткнули им зонды во все отверстия, в ворота вошёл юный помощник человека со звукоусиливающим устройством и принялся раздавать нам листочки с письменами. К сожалению, это были кинаграммы, которые мы читать не умели. Нас предупредили, что в таких случаях лучше всего вежливо брать листки и говорить, что прочитаем позже, а не вступать с подобными лицами в феленический диалог.

Молодой человек заметил печальную женщину, догадался, что она хочет оставить ребёнка нам, и принялся её отговаривать, пересыпая свой флукский уличными словечками. Она отпрянула; потом, сообразив, что ей вряд ли что-нибудь угрожает, начала обзывать. Полдюжины суур вышли вперёд и окружили её. Богопоклонник разозлился так, что казалось, вот-вот кого-нибудь ударит. Я только сейчас заметил фраа Делрахонеса, который пристально наблюдал за богопоклонником и поглядывал на нескольких мускулистых фраа, незаметно подхихивавших ближе. Тут человек со звуковым устройством прочирикал какое-то слово, видимо, имя молодого. Когда ему удалось привлечь внимание помощника, он поднял глаза к небу («Власти предержавшие на нас смотрят, придурок!»), потом перевёл сердитый взгляд на него («Успокойся и раздавай душеспасительную литературу!»).

Ко мне двинулся высокий мужчина – мастер Кин – в сопровождении собственной копии, только ниже и без бороды.

– Доброго аперта, фраа Эразмас, – сказал Кин.

– Доброго аперта, мастер Кин, – отозвался я и повернулся к его сыну. Тот смотрел на мою левую ногу. Его взгляд быстро поднялся до капюшона, однако на лице не задержался, словно оно было не примечательнее, чем складка на моей стле.

– Доброго... – начал я, но он меня оборвал:

– Этот мост построен по принципу арки.

– Барб, фраа желает тебе доброго аперта. – Кин протянул руку в моём направлении. Барб как ни в чём не бывало опустил его руку, чтобы не загоразивала мост.

– У моста катенарный изгиб из-за векторов, – продолжал он.

– Да, катенарный. Это от ортского слова... – начал я.

– От ортского слова «цепь», – заявил Барб. – Та же кривая, какую образует висящая цепь, только перевёрнутая. Но вал, открывающий ворота, должен быть прямой. Если он не из новоматерии. – Мальчик отыскал глазами мою сферу и несколько секунд её разглядывал. – Только это невозможно, потому что концент светителя Эдхара построили после Первого разорения. Значит, вал из староматерии. – Он перевёл взгляд на вал, который на равных расстояниях проходил через резные каменные блоки, как бы повторяя изгиб моста.

– В этих каменных штуках должны быть шарнирные муфты, – заключил он.

– Так и есть, – ответил я. – Вал...

– Вал состоит из восьми прямых кусков, соединённых шарнирными муфтами в основании этих статуй. Основание статуи называется «постамент».

И Барб быстро двинулся дальше – первый экс, который перешёл мост в матик. Кин бросил в мою сторону не очень понятный взгляд и поспешил за сыном.

Между печальной женщиной и суурами возникла перепалка. Судя по всему, какой-то невежественный человек сказал ей, что мы заплатим за ребёнка деньги. Сууры очень вежливо объяснили, что она заблуждается.

Тем временем в ворота прошли ещё человек пять эксов: в основном мужчины, в одежде нарядной, но недорогой. Они завязали разговор с группой пожилых инаков. Тот, кто выступал первым, был обмотан толстым ярким канатом с шаром на конце. Я решил, что это священник какой-нибудь новоиспечённой контрбазиянской секты. Священник обратился к фраа Халигастрему – крупному, лысому и бородатому инаку, будто только с периклиния после оживлённой онтологической дискуссии с Феленом. Он был теорическим геологом и пе-эром эдхаринского ордена. Халигастрем вежливо слушал, а сам бросал многозначительные взгляды на двух иерархов в пурпурных стлах, которые стояли чуть в сторонке: Делрахонеса, дефендора, и Стато, примаса.

Обходя их, я невольно подслушал другой разговор, посетительницы и фраа Джекери. Я решил, что ей около тридцати, хотя определить возраст экстрамурских женщин сложнее из-за того, что они делают со своими волосами и лицами. Поразмыслив, я решил, что ей всё-таки не больше двадцати пяти. Она очень внимательно слушала Джекери и задавала вопросы о жизни в матике.

Когда мне наконец удалось привлечь внимание Джекери, тот вежливо сказал женщине, что обещал сопровождать меня в экстрамурос. Она смерила меня взглядом, что мне даже понравилось. Тут её жужула запищала, женщина извинилась и поднесла трубку к уху.

Пен. 1. (флук. позд. эпохи Праксиса – начала Реконструкции) Разговорное слово, образованное усечением термина, обозначающего «деклассированный элемент». **2.** Житель экстрамуроса без образования, особых навыков, устремлений или желания ими обзавестись. **3.** Уничижительное обозначение недалёкого или неотёсанного человека, особенно гордящегося этими качествами. Прим.: не рекомендуется употреблять в значении 3, так как оно подразумевает, что П. таковы в силу врождённых недостатков либо собственных неправильных решений. Предпочтительно значение 2, не несущее подобных коннотаций.
«Словарь», 4-е издание, 3000 год от РК.

Мы с Джекери вышли наружу впервые за десять лет.

Первым делом я заметил, что с внешней стороны к нашим стенам наприклоняли всякого хлама. К воротам наверняка тоже, но накануне аперта кто-то расчистил подход. В настоящую эпоху у деценальных ворот располагались преимущественно мастерские, поэтому у стены скопились доски, трубы, куски кабеля и проводов, инструменты с длинными ручками. Сначала мы просто шли и смотрели по сторонам, однако неожиданно быстро освоились и забыли, что мы ффраа.

– Как ты думаешь, эта женщина хотела вступить с тобой в отношения? – спросил я.

– Эти... как их...

– Атланические.

Название произошло от имени деценария, жившего в семнадцатом веке от РК. Он виделся со своей возлюбленной по десять дней раз в десять лет, всё остальное время писал ей стихи и тайком переправлял в экстрамурос. Стихи были неплохие, кое-где их даже выбили на камне.

– С чего ей такого хотеть? – задумчиво спросил Джемри.

– Ну, если твой партнёр – ффраа, нет риска забеременеть, – заметил я.

– Иногда это важно, но, по-моему, в настоящую эпоху контрацепция вполне доступна.

– Я вроде как шутил.

– А-а. Прости. Ну... может, её интересует мой интеллект.

– Или духовные качества.

– Чего? Думаешь, она богопоклонница?

– Ты разве не видел, с кем она пришла?

– С какой-то... делегацией или как это называется.

– Спорим, это люди небесного эмиссара. Их главарь намотал на себя какую-то имитацию хорды.

Десятилетние ворота скрылись за поворотом. Я поднял взгляд на президий и по менгирам звёздокруга определил север и юг. Перед нами, более или менее параллельно реке, тянулась широкая дорога. Если бы мы пересекли её и пошли вперёд, то скоро оказались бы среди больших бургерских домов. Справа начинался деловой квартал; направившись туда, мы описали бы дугу и в конечном счёте пришли к дневным воротам. Слева лежали предместья, где я провёл первые восемь лет жизни.

– Чем раньше отделаемся, тем лучше, – сказал я и повернул налево.

Не прошли мы и десяти шагов, как Джемри спросил:

– Ещё раз? – Он всегда так говорил, когда хотел уточнить услышанное, и меня это страшно бесило. – Небесный эмиссар?

– Мошианство. – И я рассказал о беседах ффраа Ороло с Флеком и Кином.

Мы шли, и город менялся: мастерских становилось меньше, складов – больше. Здесь по реке могли ходить баржи, поэтому склады устраивали ближе к воде. Транспортных средств тоже стало больше: много грузотоннов, в том числе десяти- и даже двенадцатиколёсных. Они были такие же, как в моём детстве. Мимо пронеслось несколько кузовилей с более лёгкими грузами. Обычно такие машины заводят себе мастера, и было заметно, что они много времени тратят на то, чтобы изменить форму и цвет машин – по всей видимости, просто для собственного развлечения. Или это было что-то вроде соревнования, как яркое оперение у птиц. В любом случае мода очень изменилась, и мы с Джемри замолкали и пялились на каждый особенно странный или яркий проезжающий кузовиль. А водители пялились на нас.

– В общем, я понятия не имел обо всей этой истории с небесным эмиссаром, – заключил Джемри. – Я последнее время сижу над расчётами для группы Ороло.

– А что ты подумал, когда Тамура нас вчера вечером натаскивала? – спросил я.

– Ничего, – ответил Джемри. – Могу только сказать, хорошо, что ты на такое обращаешь внимание. Ты не задумывался о том, чтобы...

– Вступить в Новый круг? Пробиться в иерархи?
– Угу.
– Нет. Зачем мне задумываться, если остальные всё решили за меня?
– Прости, Раз! – сказал Джекзри без тени раскаяния – скорее его злило, что я злюсь. С ним вообще нелегко, и я раньше месяцами его избегал, пока не понял, что ради дружбы с Джекзри можно многое стерпеть.

– Проехали, – сказал я. – Так чем занимается группа Ороло?
– Понятия не имею. Я просто делаю расчёты. Орбитальная механика.
– Теорическая или...
– Абсолютно практическая.
– Думаешь, космографы нашли планету ещё у какой-нибудь звезды?
– Каким образом? Для этого нужно сравнивать данные от других телескопов. А к нам за десять лет, понятно, ничего не пришло.
– Значит, что-то поближе, – сказал я. – Что можно рассмотреть в наши телескопы.
– Это астероид. – Джекзри надоело ждать, пока я догадаюсь.
– Большой ком?
– Тогда Ороло бы куда больше взволновался.

Шутка была бородатая. Бонзы в нас почти не нуждались, и чуть ли не единственное, что могло изменить ситуацию, – открытие большого астероида, который вот-вот врежется в Арб. Такое чуть не случилось в 1107-м. Тысячи инаков собрали на конвокс, те построили космический корабль, чтобы сбить астероид с орбиты. Однако к моменту запуска корабля в 1115 году космографы рассчитали, что астероид всё-таки в нас не врежется, и полёт превратился в исследовательскую миссию. Лаборатория, в которой построили корабль, стала концентром светителя Реба в честь космографа, открывшего астероид.

Справа холм, на котором жили бюргеры, переходил в понижение. Оттуда вытекала речка – приток основной реки. Через неё был перекинут древний стальной мост: построенный, брошенный, пришедший в полную негодность и, наконец, залатанный новоматерией. Пунктирная линия, стёртая почти до невидимости, намекала водителям, что, может быть, стоит проявить немного вежливости к пешеходам, идущим между крайней правой полосой и перилами. Разворачиваться было поздно, да и по мосту толкал тележку, нагруженную полипакетами, другой пешеход. Мы юркнули за ним, надеясь, что грузотоны, кузовили и мобы не задавят нас насмерть. Слева приток вился по своей пойме, а в миле от нас впадал в реку. В моём детстве здесь были болотце и лес, но теперь берега укрепили, а участок застроили. Самым заметным сооружением был большой открытый стадион на несколько тысяч мест.

– Может, сходим на матч? – спросил фраа Джекзри. Я не мог понять, в шутку он или всерьёз. Из нас четверых Джекзри был самый азартный. В атлетические игры играл нечасто, но если уж играл, то с решимостью и злостью, и, несмотря на отсутствие опыта, часто побеждал.

– Думаю, туда без денег не пустят.
– Можем продать мёд.
– Мёда у нас тоже нет. Давай в другой раз.

Джекзри мой ответ не очень понравился.

– И вообще, так рано матчей не устраивают, – добавил я.

Через минуту он загорелся новой идеей:

– А давай подерёмся с пенами!

Мы добрались почти до конца моста. Только что мы увернулись от кузовила: водитель, парень приблизительно наших лет, одной рукой переключал кнопки управления, другой прижимал к щеке жужулу и вообще вёл машину так, словно нажавался дурнопли. Мы были возбуждены и часто дышали, потому в идее завязать драку мне почудился даже некоторый резон. Я улыбнулся и прикинул. Мы с Джекзри были крепкими, потому что заводили часы, а многие

эксы – в отвратительной форме. Мне вспомнилось, как Кин сказал, что они одновременно умирают от голода и страдают от ожирения.

Но когда я посмотрел на Джекзри, тот нахмурился и отвернулся. На самом деле он не хотел ввязываться в драку с пенами.

К этому времени мы уже вошли в моё родное предместье. Целый квартал занимало здание, похожее на гипермаркет, но явно принадлежащее некой контрбазиланской скинии. На газоне перед ним стояла пятидесятифутовая белая статуя какого-то бородатого пророка: в одной руке он держал лопату, в другой – фонарь.

В придорожных канавах из-под наслоений выброшенных обёрток росли дурнопля и буряника; под серой плёнкой сконденсированных выхлопных газов ворошились, словно черви в мусорном пакете, выцветшие кинаграммы. Сами кинаграммы, логотипы, названия товаров были мне незнакомы, но по сути оставались теми же.

Теперь я понял, почему Джекзри так по-свински себя ведёт.

– Сплошное разочарование, – сказал я.

– Угу, – отозвался Джекзри.

– Столько лет читать хронику, каждый день на провенера слушать удивительные истории... Всё это как-то...

– Заставило ожидать большего.

– Ага. – Мне пришла в голову новая мысль. – Ороло когда-нибудь говорил с тобой о десятилетиях?

– Разрыв причинно-следственных областей и всё такое? – Джекзри странно посмотрел на меня. Удивился, что Ороло удостоил меня такой беседы.

Я кивнул.

– Классический пример дерьма, которым нас кормят, чтобы всё это казалось интереснее, чем на самом деле.

Однако я чувствовал, что Джекзри пришёл к такому выводу только сейчас. Если Ороло говорит про РПСО *всем* фидам, что тут особенного?

– Нас не кормят дерьмом, Джекзри. Просто мы живём в скучное время.

Он сделал новый заход:

– Это стратегия привлечения. Точнее, удержания.

– То есть?

– У нас одна радость – ждать очередного аперта. Посмотреть, что там снаружи, когда ворота откроются. Когда там оказывается то же дерьмо, только гаже, что нам делать? Только записаться ещё на десять лет и посмотреть, не изменится ли что-нибудь к следующему разу?

– Или пойти дальше.

– Стать столетником? А ты не думал, что нам это бесполезно?

– Потому что их следующий аперт совпадает с нашим, – сказал я.

– А до последующего мы не протянем.

– Ну, многие доживают до ста тридцати, – возразил я. Лучше бы промолчал: сразу стало ясно, что я прикинул в уме то же самое и пришёл к тем же выводам, что и Джекзри.

Он фыркнул.

– Мы с тобой родились слишком рано, чтобы стать столетниками, и слишком поздно, чтобы стать тысячами. Родись мы на пару лет раньше, мы могли бы оказаться подкидышами и попасть прямым ходом на утёс.

– И тогда мы бы оба умерли, не увидев ни одного аперта, – сказал я. – К тому же меня, может, ещё и могли подкинуть, но тебя, судя по тому, что ты говорил о своей биологической семье, вряд ли.

– Скоро увидим, – сказал он.

С милю мы шли в молчании. Хоть мы ничего и не говорили, мы были в диалоге: странническом, когда два равных на прогулке пытаются что-то понять, в противоположность сувиническому, в котором наставник учит фида, или периклиническому, по сути, состязанию. Дорога влилась в более широкую. Магазины ширпотреба для пенов чередовались здесь с казино – промышленного вида кубами без окон, подсвеченными разноцветными огнями. Раньше, когда машин было больше, всю ширину улицы занимала расчерченная на полосы проезжая часть. Теперь было много пешеходов, людей на самокатах, досках с колёсиками и педальных устройствах. Однако вместо того чтобы двигаться по прямой, они (и мы тоже) лавировали по бетонным плитам, окружавшим магазины, словно море – цепочку островов. Дурнопля, пробивающаяся в узкие, извилистые трещины, как сито, собирала из ветра грязь и обёртки. Вскоре после рассвета солнце затянулось тучами, но теперь выглянуло снова. Мы зашли под навес, где продавали разноцветные шины для молодых мужчин, желающих украсить свои кузовили и оттюнингованные мобы, и за минуту растянули стлы так, чтобы прикрыть головы.

– Ты чего-то хочешь, – сказал я. – И у тебя плохое настроение, потому что ты ещё не получил желаемого. Думаю, хочешь ты не вещь, потому что не обращаешь внимания на всю эту ерунду. – Я кивнул на флуоресцентные шины из новоматерии. На колёсах возникали и пропадали изображения голых женщин с надутыми грудями.

Джезри какое-то время смотрел на одну из движущихся картин. Потом пожал плечами.

– Я бы, пожалуй, мог уйти в мир и научиться такое воспринимать. Если честно, пока я вижу один идиотизм. Наверное, чтобы втянуться, надо есть то же, что они.

Мы двинулись дальше.

– Слушай, – сказал я, – ещё в эпоху Праксиса поняли, что если в крови достаточно хорошина, мозг будет сотней разных способов уверять тебя, что всё замечательно...

– А если хорошина недостаточно, будешь, как мы с тобой, – ответил Джезри.

Я хотел было разозлиться, но не выдержал и хохотнул.

– Ладно, пусть так. Минуту назад мы видели куст раданицы на разделительной полосе...

– Ага. И ещё один у магазина бэушной порнопродукции.

– Тот выглядел посвежее. Можем нарвать листьев и пожевать. Уровень хорошина у нас в крови поднимется, и мы сможем жить здесь или где угодно и чувствовать себя счастливыми. А можем вернуться в концент и попытаться достичь счастья честным путём.

– Ты веришь всему, что тебе скажут, – заявил он.

– Это ты надежда эдхарианцев, – возразил я, – значит, ты и должен верить в такое без вопросов. Честно говоря, я удивлён.

– А сам ты теперь кто, Раз? Циничный процианин?

– Так все решили.

– Слушай. Я вижу, как трудятся старшие инаки. Те, кого озарил Свет Кноуса... – последние слова Джезри произнёс с издёвкой. От досады он то замедлял, то ускорял шаг, сообразно тому, как развивалась его мысль, – ...занимаются теорикой. Менее одарённые отпадают, становятся каменотёсами или пасечниками. Самые несчастные уходят или бросаются вниз с собора. Остальные выглядят счастливыми, что бы это ни значило.

– Уж точно счастливее, чем здешний народец.

– Не согласен. Они не менее счастливы, чем тот же фраа Ороло. У них есть то, что им нужно, – колёса с голыми дамочками. У него есть то, что нужно ему, – снизарения о тайнах вселенной.

– Тогда давай конкретнее: чего хочешь ты?

– Чтобы что-нибудь случилось. Мне почти всё равно что.

– Если ты сделаешь большой прорыв в теорике, это сгодится?

– Конечно. Но каковы мои шансы?

– Зависит от данных, которые приходят из обсерваторий.

– Точно. То есть от меня ничего не зависит. И что мне делать, пока я жду?

– Изучать теорику, которая тебе так хорошо даётся. Пить пиво. Заводить тивические отношения со всеми суурами, каких сумеешь уговорить. Чем плохо?

Джезри с подозрительной сосредоточенностью пинал камешек и смотрел, как тот прыгает по тротуару.

– Я вот всё рассматриваю околenceв на витражах.

– Кого-кого?

– Ну, сам знаешь. Есть витражи в честь светителей. Самих светителей всегда изображают большими. Почти на всё окно. Но если приглядеться, можно увидеть крошечные фигурки в стлах и хордах...

– Которые жмутся на уровне их коленей.

– Ага. И смотрят на светителя с обожанием. Помощники. Фиды. Второй сорт. Те, кто доказал лемму или на каком-то этапе прочёл черновик. Никто не помнит их имён, кроме разве что ворчливого старого фраа, который протирает витраж.

– Ты не хочешь быть околenceм.

– Верно. Как так выходит? Почему у одних получается, у других – нет?

– То есть ты хочешь персональный витраж?

– Это бы значило, что со мной случилось что-то интересное, – ответил Джезри, – что-то интереснее, чем сейчас.

– А если выбрать между этим и высоким уровнем хорошина в крови?

Мы подождали, пока большой составной грузотон задом выедет с нашего пути. Джезри всё это время молча думал.

– Наконец-то ты задал интересный вопрос, – сказал он.

После чего стал вполне приятным собеседником.

Через полчаса я объявил, что мы заблудились. Джезри воспринял новость с воодушевлением, будто потеряться лучше, чем найтись.

Мимо прокатило транспортное средство, похожее на коробку.

– Уже третий автобус с детьми, – заметил Джезри. – В твоём районе есть сувина?

– В таких районах нет сувин, – напомнил ему я. – Тут стабилы.

– Ах да. Это от старого флукского... э-э... культурные...

– Стабилизационные центры. Но так лучше не говорить, потому что их никто так не называет уже три тысячи лет.

– Понял. Стабилы так стабилы.

Мы повернули следом за автобусом. Что-то между нами как будто хрустнуло и надломилось. В матике не имело значения, что Джезри по рождению бюргер, а я – пен. Однако стоило нам выйти из десятилетних ворот, этот факт вспух пузырём болотного газа в тёмной воде. Пока мы шли по городу, пузырь рос и минуту назад взорвался пламенем и вонью.

Мой старый стабиль показался мне неряшливым макетом в половину прежней величины. Некоторые классы были заколочены досками – а в моё время там было некуда ступить. Значит, численность населения действительно снижается. Возможно, к тому времени, как я стану прафраа, здесь вырастет молодой лесок.

От здания отъехал пустой автобус. Прежде чем ему на смену подкатил следующий, я успел заметить, как толпа детей, шатаясь под весом огромных рюкзаков, входит в каньон ядовито-яркого света: крытый проход с орущими автоматами для продажи сладостей и напитков. Оттуда они понесут свой завтрак в классы, которые мы с Джезри видели через окна: в некоторых все дети смотрели одну и ту же программу на большом экране, в других у каждого была своя панель. В дальнем конце бухала низкочастотными ритмами спортивной программы глухая стена физкультурного зала. Ритм я узнал. Он ничуть не изменился с моих времён.

Мы с Джезри не видели движущихся картин десять лет и несколько минут стояли, как загнипнотизированные. Но теперь я сориентировался и, как только сумел растолкать Джезри, повёл его по улицам, где ходил в детстве. Здешние люди любили модернизировать свои дома не меньше, чем кузовили: даже если я узнавал какую-нибудь постройку, над старой крышей оказывалась новая, на подпорках, или к модулям, которые мне иногда снились, были прилеплены новые. Зато теперь квартал был вдвое меньше, чем я его помнил.

Мы нашли место, где я жил до того, как меня собрали: два жилых модуля, соединённые в форме буквы L, и ещё одна L из металлической сетки образовывали клуатр вокруг заросшего бурьяном участка, где стоял сломанный моб и два сломанных кузоваля: самый старый ещё я помогал ставить на кирпичи. На воротах красовались четыре разновозрастные таблички с обещанием убить любого, кто войдёт. Мне подумалось, что одна такая табличка выглядела бы более устрашающе. Из забитого водостока росло деревце высотой в мой локоть. Видимо, семечко занёс ветер. Или птица. Интересно, подумал я, сколько лет ему понадобится, чтобы вырасти и разорвать водосток. В доме по спилю шла громкая движущаяся картина, поэтому нам пришлось долго кричать и трясти ворота, пока на пороге не появилась молодая женщина. Я прикинул, что ей лет двадцать. Если так, в моём детстве она была из «больших девочек». Я попытался вспомнить, как их звали.

– Лийя?

– Она переехала вместе с теми, – объяснила женщина таким тоном, словно люди в капюшонах каждый день приходят к ней и спрашивают давно забытых родственников. Она оглянулась через плечо на экран, где показывали огненный взрыв. Когда звук взрыва утих, до нас донёсся требовательный мужской голос. Женщина объяснила, что делает. Мужчина не совсем понял, и тогда она повторила то же самое, но громче.

– Я предполагаю, что за время твоего отсутствия в твоей семье произошёл какого-то рода фракционный раскол, – сказал Джезри.

Мне захотелось его стукнуть, но, всмотревшись в лицо, я понял, что он вовсе не пытается острить.

Женщина повернулась к нам. Я смотрел на неё через просвет между табличками, угрожающими мне убийством, и не был уверен, что она видит моё лицо.

– Меня раньше звали Вит, – сказал я.

– Мальчик, который ушёл к часам. Я тебя помню. Как дела?

– Хорошо. А у тебя?

– Живём, не паримся. Твоей мамы тут нет. Она переехала.

– Далеко?

Она закатила глаза от досады, что я вынуждаю её делать столь сложные умозаключения.

– Дальше, чем можно дойти пешком.

Мужчина в доме снова что-то крикнул. Женщина должна была опять повернуться к нам спиной и отчитаться о своих действиях.

– Что ж, она явно не исповедует дравикулийскую иконографию, – заметил Джезри.

– Почему?

– Она сказала, что ты ушёл к часам. Добровольно. Не то что тебя заманили или похитили инаки.

Женщина снова повернулась к нам.

– У меня была старшая сестра по имени Корд. – Я кивнул на самый старый из разбитых кузовалей. – Это её. Я помогал его туда затащить.

У женщины было неоднозначное мнение о Корд, о чём она сообщила нам быстрой сменой лицевых выражений. В конце она резко выдохнула, опустила плечи, выпятила подбородок и улыбнулась нарочито фальшиво.

– Корд работает с какими-то штуками.

– С какими штуками?

Этот вопрос вызвал у женщины ещё большее раздражение, чем «Далеко?». Она подчеркнута уставилась на движущуюся картину.

– Где её искать? – попробовал я другую тактику.

Она пожала плечами.

– Ты наверняка проходил мимо. – Она назвала место недалеко от десятилетних ворот – мы действительно мимо него шли. Тут мужчина в доме потребовал отчёта о её последних действиях.

– Не парьтесь. – Она помахала рукой и ушла в дом.

– Теперь мне не терпится увидеть Корд, – сказал Джекзри.

– Мне тоже. Пошли отсюда, – и я повернулся к дому спиной – в последний раз, потому что не думал, что вернусь сюда на следующей аперт. Ну, может, когда мне будет семьдесят восемь. Лес вырастает удивительно быстро.

Теперь мы шли быстрее и разговаривали меньше, так что до моста добрались очень быстро. Поскольку Корд работала так близко к конценту, мы сначала поднялись в бюргерский район и нашли дом Джекзри.

Когда мы ещё только вышли из десятилетних ворот, Джекзри не сразу начал возмущаться, а пару минут как-то рассеянно молчал. На меня сошло снижение: он ждал, что за воротами его встретят родные. Поэтому на подходе к его старому дому я волновался даже больше, чем перед своим. Привратник пустил нас в ворота, и мы сняли сандалии, чтобы пройти босиком по влажной траве. Зайдя в тенистый лесок, окаймлявший главное здание, мы откинули капюшоны и пошли медленнее, с удовольствием вдыхая прохладный воздух.

Дома никого не оказалось, кроме служанки. Она говорила на каком-то странном флукском, который мы с трудом разбирали. Служанка нас, похоже, ждала: вручила нам лист бумаги – не со страничного дерева, какие мы выращиваем в конценте, а машинный. Он был похож на официальный документ, который отгиснули на печатном станке или сгенерировали на синтаксическом аппарате. В начале стояла вчерашняя дата. Оказалось, что это мать Джекзри написала ему записку на какой-то машине, генерирующей ровные ряды букв. Записка была на ортском, всего с несколькими ошибками (мать Джекзри не умела использовать сослагательное наклонение). Там были термины, нам незнакомые, но смысл мы вроде бы разобрали: отец Джекзри выполнял много работы на какую-то труднообъяснимую сущность. Судя по части света, в которой она находилась, мы поняли, что это некий орган мирской власти. Вчера мать Джекзри с большой неохотой и даже со слезами вынуждена была уехать к нему, потому что для его карьеры совершенно необходимо её присутствие на каком-то мероприятии, суть которого мы тоже не поняли. Они намеревались всенепременно вернуться к банкету в Десятую ночь и прилагали усилия, чтобы туда пришли три старших брата и две старшие сестры Джекзри. А пока она испекла ему печенью (об этом мы уже знали, потому что служанка принесла нам его на блюде).

Джекзри провёл меня по дому, который по ощущениям напоминал матик, только безлюдный. Там даже были интересные часы, которые мы долго исследовали. Потом мы взяли с полок книги и на какое-то время увлеклись чтением. Потом в базском соборе через улицу зазвонили колокола, которым начали вторить интересные часы. До нас дошло, что книги можно читать в любой другой день, и мы смущённо поставили их на место. Мы ещё ходили по дому и остановились на веранде, где доели остатки печенью, разглядывая собор. Базская архитектура в двоюродном сродстве с матической: широкая и закруглённая там, где наша – узкая и заострённая. Но этот город в секулюме был далеко не так важен, как концент светителя Эдхара – в матическом мире, поэтому их собор не шёл ни в какое сравнение с нашим.

– Ну как, ты стал счастливым? – пошутил Джекзри, кивая на печенью.

– На это нужно две недели, – ответил я. – Поэтому аперт только десять дней.
Мы вышли на газон, миновали ворота и направились вниз с холма.

Корд работала в таком месте, где всё было из металла, то есть очень старое. Не такое старое, как постройки из камня, но скорее всего середины эпохи Праксиса, когда сталь подешевела и по рельсам пустили тепловые машины. Комплекс находился в четверти мили от столетних ворот, в конце канала, по которому баржи с реки могли подходить и к обычным, и железным дорогам. Вид у здания был неухоженный, но из-за своей огромности и тишины оно казалось даже величественным. Его огородили забором в два моих роста, из листов гофрированной стали, врытых в землю или вмурованных в бетон. Листы были сварены между собой и закреплены раскосами из старых рельсов. Для ветровой стяжки очень уж солидно. Солидно – не то слово; мы с Деззери наперебой высказали это наблюдение и заспорили, для чего нужна такая конструкция. Другие части ограды были из стальных ящиков, в каких под конец эпохи Праксиса возили товары на кораблях и поездах. Часть из них была заполнена землёй, часть – металлоломом, настолько спутанным и покорёженным, что он больше походил на органику. Кое-где и вправду была органика, потому что всё это дело колонизировала буряника. Вдоль забора росло много всякой зелени, но за ним земля была утоптана плотно, как в овечьем загоне.

Главное здание, по сути, представляло собой крышу на сваях над последними двумястами футами канала. По исполинским потолочным фермам ездил мостовой кран: огромный крюк на ржавой цепи. Каждое из звеньев цепи было размером с мою голову. Из собора мы видели это сооружение, но никогда о нём особо не задумывались. Сбоку располагался цех с высоким потолком и настоящими стенами из кирпича (внизу) и гофрированной стали (вверху). К цеху в нижней части был приращён жилой модуль со всякими мелочами для создания уюта: дверью «под дерево» и флюгером в деревенском стиле – все они смотрелись здесь исключительно нелепо. Мы постучали, подождали и вошли. Мы очень шумели на случай, если здесь тоже убивают каждого входящего. Однако никто не появился.

Модуль проектировался как жилой, но почти всё в нём переделали. В душевой кабинке стоял высокий шкаф с документами. В стене просверлили дырки для трубок автомата, который готовит горячие напитки. В спальне установили писсуар. Кроме мелких псевдодеревенских украшений, поставленных вместе с модулем, примечательного здесь было немного, разве что куски металла – видимо, части какой-то машины, поломанные и покорёженные в катастрофе, о природе которой мы могли только гадать.

Жирные отпечатки подошв вывели нас к задней двери. Она открывалась в огромный цех. Мы с Деззери втянули голову в плечи и замерли, не решаясь переступить порог.

Помещение было слишком огромное, чтобы освещать его лампами, так что почти весь свет был естественный: он попадал внутрь через прозрачные панели высоко под потолком; каждую панель окружал туманный ореол. Стены и потолок потемнели от времени и жирной копоти. Сверху здесь тоже свисали цепи и крюки. На солидном расстоянии друг от друга располагались приземистые махины: иные в человеческий рост, иные – размером с библиотеку. В основе каждой лежала металлическая глыба, издали ровная, вблизи – шероховатая. Я так понял, что они изготовлены древним способом, когда в песке выкапывают форму и в неё льют жидкий чугун. Там, где это было нужно, металл срезали или высверлили, оставив гладкие поблёскивающие плоскости, отверстия и прямые углы, например, толстые ножки, которыми отливки были привинчены к полу, или V-образные направляющие, по которым ездили другие отливки, приводимые в движение огромными маховиками. Сбоку и снизу от махин громоздились архитектурные ансамбли витой медной проволоки, исполненные симметрией разного рода и порядка; когда они двигались, на них вспыхивали голубоватые молнии. Побег проводов и сложно изогнутых трубок взбирались по отливкам, как плющ – по валуну; прослеживая их взглядом до места наибольшей концентрации, я временами неожиданно наткнулся на человеческое суще-

ство в тёмном комбинезоне. Некоторые из этих людей определённо работали, другие просто думали. Иногда машины издавали звуки, но по большей части тишину нарушало лишь мягкое жужжание расставленных повсюду металлических ящиков, от которых в разные стороны отходили кабели толщиной в мою щиколотку.

В цехе было от силы человек пять или шесть, но все они выглядели занятыми, и мы не решались к ним обратиться. Один рабочий шёл в нашу сторону, катя перед собой ржавую тачку, переполненную фантастическими волютами металлической стружки.

– Простите, – сказал я. – Корд здесь?

Рабочий повернулся и махнул рукой на что-то большое и сложное посреди цеха. Над ним рациональная адрахонесова геометрия потолочных ферм и бесконечно более сложные многообразия клубящегося тумана обретали сверхреальность за счёт дрожащей электрической подсветки. Увидь я звезду такого цвета в телескоп, я бы сразу понял, что это голубой карлик, и мог бы примерно оценить его температуру: гораздо горячее нашего солнца, настолько, что часть энергии излучается в ультрафиолетовом и рентгеновском диапазоне. Однако лучащийся комплекс размером с дом был оранжево-красным, а губительный свет пробивался лишь по его округлым краям или отражался от гладких участков пола. Подойдя ближе, мы с Джекери увидели прозрачный куб алого янтаря с двумя чёрными фигурками внутри, только это были не насекомые, а люди. Когда они двигались, их силуэты изгибались и шли рябью.

Мы поняли, что машина окружена завесой из какого-то красного желеобразного вещества. Голубой свет бил прямо вверх, убивая вредные организмы на балках, но не мог ослепить людей, стоящих на полу. Нам с Джекери было очевидно, что занавес красный потому, что его назначение – пропускать только низкоэнергетический свет, который мы воспринимаем как красный. Для высокоэнергетического света – который мы видим как голубой, если вообще видим, – он непрозрачен, словно стальная пластина.

Мы обошли комплекс по периметру: он был размером с два составленных рядом жилых модуля. Через прозрачную желеобразную завесу подробностей было не разобрать. Мы видели стол, на который могли бы лечь рядом десять человек, едущий туда-сюда, как куб льда по сковородке. Посередине был установлен другой стол, поменьше, круглый: он быстро, но размеренно наклонялся и поворачивался. Над всем этим с чугунного моста свисала мощная конструкция, которая двигалась вверх и вниз, – из отверстия в ней и шёл голубой свет.

От верхней части моста к платформе, на которой стояли два человека, отходил трубчатый стальной кронштейн. На его конце висел металлический ящик, выглядящий здесь совершенно не к месту: он принадлежал к иному порядку вещей, чем чугунные станины. По всему ящику горели цифры. Видимо, внутри у него был синтаксический процессор – измеряющее или управляющее устройство машины. Или то и другое вместе: настоящий синтаксический процессор вполне может принимать решения на основе измерений. Моей первой мыслью было развернуться и выйти из цеха, но Джекери машина зачаровала.

– Брось, сейчас аперт! – воскликнул он и за руку потянул меня обратно.

Один из людей внутри что-то сказал про абсциссу. Мы с Джекери изумлённо переглянулись, проверяя, не ослышались ли. Это было, как если бы старуха-кухарка заговорила на среднеортском.

Из-за алой завесы доносились и другие обрывки разговора: «кубический сплайн», «эволюта», «пиланическая интерполяция».

Мы не могли оторвать глаза от чисел на передней панели синтаксического процессора. Они постоянно менялись. Одна строчка представляла собой часы: в ней шёл обратный отсчёт сотых долей секунды. Другие (как я постепенно сообразил) показывали положение стола: его абсциссу и ординату, угол поворота и угол наклона маленького столика, высоту разрядника. Иногда замирали все строчки, кроме одной, – это означало простое линейное движение. Иногда менялись все разом, выдавая очередное решение системы параметрических уравнений.

Целых полчаса мы с Дезри смотрели в полном молчании. По большей части я старался понять, как меняются цифры. А ещё я думал, как это место похоже на наш собор со священными часами посередине, в колодце света.

Тут часы, так сказать, пробили: обратный отсчёт замер на нуле, свет погас.

Корд отдернула занавес, сняла чёрные очки и рукавом вытерла со лба пот.

Человек рядом с ней – как я понял, заказчик – был одет в свободные чёрные штаны и чёрную фуфайку. Голову его покрывала маленькая чёрная шапочка. Мы с Дезри одновременно поняли, кто это, и разом остолбенели.

Ита тоже понял, кто мы, и отступил на полшага. Рот его открылся, так что длинная чёрная борода лавиной скользнула по груди. И тут он совершил нечто примечательное: пересилил вбитый с детства рефлекс втянуть голову в плечи и юркнуть прочь. Он сделал полшага вперёд и – трудно поверить, но мы с Дезри, обсуждая это позже, согласились, что так оно и было, – глянул на нас с вызовом.

Не зная, как себя вести, мы с Дезри отошли подальше и стояли там, пока Корд выполняла череду маленьких быстрых действий, совершая акт отключения машины и подготовки её к дальнейшему использованию.

Ита снял шапочку – в таких они ходят среди своих – и растянул её в высокий, чуть грибовидный цилиндр – отличительный знак, по которому мы можем издали их заметить. Цилиндр он водрузил себе на голову и снова зыркнул на нас.

Как мы никогда не пустили бы ита в алтарь, так и он оскорбился, что мы пришли *сюда*. Словно мы осквернили это место своим присутствием.

Видимо, повинувшись тому же рефлексу, мы с Дезри опустили на лицо капюшоны.

Казалось, ита не только не переживает, что мы видим в нём представителя подлого, коварного племени, но, наоборот, гордится своей кастовой принадлежностью и всем своим видом это показывает.

Пока мы ждали, когда ита и Корд закончат свои дела, я продолжал думать о том, чем это место похоже на наш собор: например, тем, как я опешил, вступив в цех, такой тёмный и такой светлый одновременно. Голос у меня в голове – голос педанта-процианина – упрекал меня за халикаарнийский образ мыслей. Он говорил, что на самом деле я вижу собрание древних механизмов, лишённых всякого смысла: голый синтаксис, никакой семантики. Я утверждаю, что вижу в них смысл. Однако этот смысл есть только у меня в голове. Я принёс его сюда в своей черепной коробке и теперь играю с семантикой, приписывая смысл чугунным памятникам старины.

Однако чем дольше я об этом думал, тем больше убеждался, что у меня вполне законное снизрение.

Протес, величайший из фидов Фелена, как-то поднялся на гору рядом с Эфрадой. Оттуда он посмотрел на равнину внизу, увидел тени облаков и сравнил их очертания. Тогда-то он пережил своё знаменитое снизрение: хотя форма теней, безусловно, отвечает форме облаков, сами облака бесконечно сложнее и совершеннее своих теней, не только лишённых пространственного измерения, но ещё и спроецированных на неровную поверхность. По дороге вниз Протес развил своё снизрение, отметив, что всякий раз, как он оборачивается на гору, её форма предстаёт ему иной, хоть он и знает, что гора имеет одну абсолютную форму, а мнимые перемены порождены тем, что смещается его точка зрения. Отсюда он перешёл к самому великому снизрению: оба его открытия – касательно облаков и касательно горы – лишь тени, отбрасываемые на его сознание некой большей, всеобъемлющей идеей. Вернувшись на периклиний, он провозгласил своё учение, что всё, якобы нам ведомое, – тени более совершенных объектов высшего мира, учение, ставшее основой протесизма. Если Протеса чтут за его снизрения, почему мне нельзя думать, что и наш собор, и этот машинный цех – тени чего-то,

существующего в ином мире: священного места, тени от которого ложатся и на другие места, например, на базские скинии или рощи вековых деревьев.

Джезри тем временем направился напрямик к машине. Корд нажала какие-то кнопки, отчего разрядник втянулся наверх, а стол выехал вперёд. Она запрыгнула на стальную пластину и короткими рассчитанными шажками двинулась к круглому столу (тоже самостоятельной машине внушительных размеров). Прежде чем поставить ногу, Корд аккуратно поводила ею вправо-влево, смахивая обрезки серебристого металла. Они с мелодичным звоном падали на пол, некоторые оставляли за собой тонкие витушки дымков. Подошёл рабочий с пустой тачкой, метлой и совком. Он начал сметать мусор в кучу.

– Эта штука вырезает форму из металлического бруска, – сказал Джезри. – Не лезвием, а электрическим разрядом, который плавит материал...

– Не просто плавит. Ты же видел, какой был свет? Он превращает металл в...

– Плазму, – хором сказали мы, и Джезри продолжил: – Он просто удаляет всё лишнее.

Сразу возник вопрос: а что не лишнее? Ответ стоял перед нами на вращающемся столике: скульптура из серебристого металла, изгибающаяся плавно, как рог, с раздувами, внутри которых проходили идеальные цилиндрические отверстия. Корд вытащила гаечный ключ из того, что было на неё надето, – это трудно было назвать одеждой, скорее сбруей, поскольку служило оно главным образом для крепления различных инструментов к её телу, – открутила три держателя, убрала гаечный ключ в его особый кармашек, расправила плечи, напрягла колени, вытянула спину, двумя руками взялась за выступы готовой детали и оторвала её от стола. Она спустила деталь с машины, словно спасённую с дерева кошку, и поставила на стальную тачку – по виду древнее гор. Ита провёл по детали руками. Его высокая шапка наклонилась вправо, потом влево – очевидно, ита проверял какие-то элементы детали. Потом он кивнул, обменялся несколькими словами с Корд и покатил тележку во мглу и тишь.

– Это деталь часов! – воскликнул Джезри. – Что-то сломалось или износилось в подвале!

Я тоже видел, что по стилю эта штука напоминает некоторые детали наших часов, но шикнул на Джезри, потому что сейчас меня больше интересовала Корд. Она шла к нам, аккуратно ставя ноги между обрезками металла и на ходу вытирая руки тряпкой. Волосы у неё были коротко острижены. Сначала мне показалось, что она высокая, может быть, потому, что такой я её помнил. На самом деле она была не выше меня. Из-за множества карманов с инструментами она выглядела пухлой, но шея и руки были крепкие, жилистые. В двух шагах от нас Корд остановилась, лязгнув снаряжением. Стояла она как-то особенно решительно и прочно. Впечатление было такое, будто она и спать может стоя, как лошадь.

– Кажется, я знаю, кто ты, – сказала Корд. – Но как тебя зовут?

– Теперь Эразмас.

– В честь какого-нибудь древнего светителя?

– Ага.

– А я так и не починила тот кузовиль.

– Знаю. Я только что его видел.

– Я притащила некоторые его детали сюда, чтобы починить, да так тут и осталась.

Корд взглянула на свою правую ладонь, словно говоря: «Если хочешь, можем пожать друг другу руки, только моя – грязная».

Мы обменялись рукопожатиями.

Снаружи зазвонили колокола.

– Спасибо, что разрешила нам посмотреть на свою машину, – сказал я. – Хочешь увидеть нашу? Скоро провенер. Мы с Джезри должны идти заводить часы.

– Я как-то раз была на провенере.

– Сегодня его можно посмотреть оттуда же, откуда смотрим мы. Доброго аперта.

– Доброго аперта, – ответила Корд. – Ладно, чего уж там, пойду гляну.

Нам пришлось бежать через луг. Под сброей, которую Корд сняла в машинном цехе, у неё оказалась другая, поменьше, вроде жилета – как я понял, для вещей, которые должны быть у неё под рукой постоянно. Когда мы побежали, инструмент в карманах залязгал и зазвенел, так что Корд должна была остановиться и подтянуть несколько ремешков, после чего уже легко бежала наравне с нами. Наш луг заполнили миряне, выбравшиеся сюда на пикник. Некоторые даже жарили мясо. Они смотрели, как мы бежим, словно это такой специальный аттракцион для их развлечения. Детей выталкивали вперёд, чтобы им было лучше видно.

Взрослые направляли на нас спилекапторы и смеялись над нашей озабоченностью.

Мы вбежали в дверь, ведущую с луга, взлетели по лестнице в помещение, где у стен были свалены старые скамьи и аналои, и едва не споткнулись о Лио с Арсибальтом. Лио сидел на полу, подобрав под себя ноги, Арсибальт – на низкой скамье. Он раздвинул ноги и нагнулся вперёд, чтобы кровь из носа капала не на одежду, а на пол.

У Лио губа вспухла и кровоточила. Кожа у него под глазом была цвета охры – первая стадия синяка. Он смотрел в тёмный угол помещения. Арсибальт испустил прерывистый вздох, словно перед этим рыдал, а теперь наконец-то с собой справился.

– Подрались? – спросил я.

Лио кивнул.

– Между собой или...

Лио мотнул головой.

– На нас напали! – громко объявил Арсибальт, обращаясь к лужице крови на полу.

– В интра или в экстра? – спросил Джезри.

– В экстрамуресе. Мы направлялись в базилику моего батюшки. Я хотел всего лишь узнать, станет ли он со мной разговаривать. Мимо проехала машина: раз, другой, третий. Она кружила, как снижающийся коршун. Из неё вылезли четверо. У одного была подвязана рука: он смотрел и подбадривал остальных.

Мы с Джезри разом посмотрели на Лио.

– Без толку! Без толку! – сказал тот.

– Что без толку? – спросила Корд. Звук её голоса заставил Арсибальта поднять глаза.

Лио было плевать, что у нас гостя, но на её вопрос он ответил:

– Моё искводо. Всё искусство долины, которое я изучал.

– Не может быть, чтобы настолько! – возмутился Джезри, хотя вот уж кто упорнее всех год за годом убеждал Лио, что от его искводо нет никакого проку.

Вместо ответа Лио вскочил, в два прыжка оказался перед Джезри и нахлобучил ему капюшон на лицо. Джезри не просто ослеп: теперь стла не давала ему поднять руки и откинуть капюшон. Лио ткнул Джезри в грудь – легонько, но тот качнулся так, что мне пришлось его подхватить.

– Вот это они с вами и проделали? – спросил я.

Лио кивнул.

– Запрокинь голову, – сказала Корд Арсибальту. – Тут есть сосуд. – Она указала себе на переносицу. – Зажми его. Вот так. Меня зовут Корд. Я сестра... Эразмаса.

– Чрезвычайно рад знакомству, – глухо ответил Арсибальт из-под руки (он последовал совету Корд). – Я Арсибальт, незаконный сын местного базского архипрелата, если ты можешь в такое поверить.

– Кровь вроде бы останавливается, – сказала Корд. Она вытащила из кармана два лиловых комка и развернула их в перчатки из тончайшего эластичного материала. Перчатки она натянула на себя. Я в первый момент ничего не понял, потом сообразил, что это защита от инфекции – предосторожность, до которой я бы в жизни не додумался.

– Хорошо, что благодаря комплекции крови у меня много, – заметил Арсибальт, – не то я мог бы умереть от кровопотери.

Некоторые кармашки у Корд были длинные, узкие и шли ровными рядами. Из двух она вытянула белые цилиндрики размером со свой мизинец. У каждого на конце болталась нитка.

– Это ещё что? – спросил Арсибальт.

– Можно назвать их промокашками, по одной для каждой ноздри. – Корд вложила белые цилиндрики в окровавленные руки Арсибальта и стала наблюдать, с лёгким беспокойством и интересом, как Арсибальт осторожно вставляет их в нос. Лио, Джезри и я молча смотрели.

Пришла суура Ала с охачкой тряпок, большую часть которых она бросила на пол, чтобы впитать кровавую лужу. Остатками они с Корд утёрли кровь с губ и подбородка Арсибальта. Всё это время они изучали друг друга, словно соревновались, кто из них учёный, а кто – опытный экземпляр. К тому времени, как я сообразил, что надо их представить, они узнали друг о друге столько, что имена почти не имели значения.

Из очередного кармана Корд достала хитрое металлическое устройство, сложенное во много раз, и развернула его в миниатюрные ножнички, которыми откусила нитки, торчащие из ноздрей Арсибальта.

Суура Ала всегда была ужасно строгой и авторитарной, и я думал, сейчас они с Корд передерутся, как кошки в наволочке. Но когда она увидела носовые промокашки, то одарила Корд радостным взглядом, на который Корд ответила тем же.

Мы под руки вывели Арсибальта из комнаты, надели на него огромную малиновую мантию, скрывающую следы побоев, и опоздали на провенера всего на пару минут. Нас встретило хихиканье: некоторые решили, что мы пили в экстратурсе. Хихикали всё больше гости, но я услышал смешки даже из-за экрана тысячелетников. Я думал, что нам с Джезри придётся работать за четверых, но Лио и Арсибальт, наоборот, налегали куда сильнее обычного.

После провенера отец-дефендор пересёк алтарь и прошёл за наш экран, чтобы задать вопросы Лио и Арсибальту. Мы с Джезри отошли в сторонку. Корд внимательно слушала. Поэтому Лио старался говорить по-флукски, к раздражению фраа Делрахонеса. Арсибальт, с другой стороны, употреблял слова вроде «разбойники и негодяи».

По его описанию транспортного средства и одежды громил Корд их узнала.

– Это местная... – сказала она и запнулась.

– Банда? – спросил Делрахонес.

Корд пожала плечами.

– Банда, которая развешивает у себя дома плакаты с придуманными бандами из старых спилей.

– Как интересно! – воскликнул Арсибальт, пока фраа Делрахонес обдумывал услышанное. – Значит, это нечто вроде метабанды...

– Но ведут они себя как настоящие бандиты, – сказала Корд, – и ты сам в этом убедился.

Из природы вопросов, которые задавал Делрахонес, стало ясно, что он пытается выяснить, какую иконографию исповедует банда. Он не уяснил того, что было понятно мне и Корд: есть эксы, которые готовы избить инаков просто потому, что это веселее, чем их не бить. А не потому, что они исповедуют какую-то абсурдную теорию. Он исходил из того, что разбойники и негодяи утруждают себя теориями.

В общем, сперва мы с Корд разозлились, потом нам стало скучно (как любил говаривать Ороло, скука – маска, в которую рядится бессилие). Мы переглянулись и отошли в сторонку, а когда никто не стал нас удерживать, потихоньку слиняли.

Я уже говорил, что у десятилетников вместо настоящего нефа – скопление башенок. В самой узкой из них располагалась винтовая лестница, ведущая на трифорий – галерею, которая тянется вдоль всей внутренней стены алтаря над экранами, под клересторием. Из даль-

него конца нашего трифория ещё одна лесенка вела на хоры звонниц. Корд заинтересовалась: я видел, как её взгляд скользит по верёвкам, уходящим в высоту президия. Понятно было, что она не успокоится, пока не увидит другой конец этих верёвок. Так что мы прошли по трифорию и начали взбираться по лесенке в башне, образующей юго-западный угол собора.

Когда дело доходило до стен, матические архитекторы оказывались совершенно беспомощны. Колонны – всегда пожалуйста. Арки – за милую душу. Своды (по сути, те же арки, только трёхмерные) – нет ничего проще. Зато там, где любой другой поставил бы стену, они городили арки и каменное кружево. Когда поступали рекламации на холод, комаров и всё остальное, от чего в нормальном здании защищали бы стены, матические архитекторы иногда снисходили до того, чтобы закрыть дырки витражами. К сожалению, у нас так и не дошли руки сделать достаточно витражей. В ветреную или дождливую погоду здесь было ужасно, зато в хороший день, как сегодня, преимущество матической архитектуры – её прозрачность – сказывалось в полной мере. Поднимаясь по юго-западной башенке, мы видели и внутреннюю часть собора, и концент внизу.

Та часть башни, где начинались площадки и пинакли, – другими словами, самое высокое её место, куда можно было попасть без приставных лестниц и скалолазного снаряжения, – располагалась примерно на уровне инспектората. Здесь можно было полюбоваться на один за самых искусных образцов каменной резьбы в конценте: купол-башенку, фактически целую скульптуру с изображениями планет, лун и древних космографов, которые их изучали. В середине всего этого великолепия была встроена решётка, которая поднималась и опускалась при помощи ворота. Сейчас решётка была поднята, так что мы могли попасть на следующую лестницу, идущую по гребню аркбутана внутрь президия. Будь решётка опущена, нам бы пришлось вернуться – по мостику в инспекторат меня почему-то не тянуло.

Мы прошли через купол. Я нарочно не торопился, давая Корд возможность рассмотреть резьбу и механизм. На лестнице я пропустил сестру вперёд: так я не загораживал вид и мог поддержать её, если она почувствует головокружение. Потому что мы были уже высоко и взбирались по каменному аркбутану, который снизу казался не толще птичьей кости. Корд обеими руками держалась за чугунные перила, шла очень медленно и явно получала массу удовольствия.

Лестница заканчивалась амбразурой (невероятно сложной матической аркой) в углу президия примерно на уровне звонницы. Отсюда был только один путь наверх – лестница, вьющаяся вдоль ажурных стен президия. Туристам обычно не хватало сил взобраться так высоко, многие инаки ушли в экстрамурос, и весь президий был в полном нашем распоряжении. Я дал Корд время полюбоваться алтарём. Инспекторат и дефендорат, прямо под нами, имели форму клуатра, то есть и у того, и у другого в середине располагалась большая квадратная дыра, через которую проходил президий. Дыру обрамляли переходные галереи, с которых просматривалось всё – от алтарного пола до звёздокруга.

Корд проследила верёвки от балкончика и убедилась, что они действительно привязаны к колоколам. Впрочем, отсюда было видно, что к ним ведут не только верёвки: из хронобездны спускались валы и цепи – механизм автоматического часового боя. Разумеется, Корд захотела его увидеть. Мы поползли вверх, как муравьи по стенке колодца, останавливаясь на каждом витке, чтобы Корд могла осмотреть механизм или разобраться, как пригнаны камни (а заодно и перевести дух). Эта часть здания была значительно проще: у архитекторов отпала нужда бороться со сводами и контрфорсами. И уж тут они отвели душу. Стены представляли собой белую фрактальную пену каменной резьбы. Корд ахала и восхищалась. Я не мог спокойно на это смотреть. Сколько часов я провёл здесь, счищая птичий помёт с камня и механизма!

– Значит, тебе сюда можно ходить только в аперт, – в какой-то момент предположила Корд.

– С чего ты взяла?

– Вам же нельзя встречаться с людьми из других матиков? Но если все станут ходить по лестнице, когда вздумают, вы будете друг с другом сталкиваться.

– Посмотри, как устроена лестница, – сказал я. – Она почти вся видна. Так что мы просто держим дистанцию.

– А если темно? Или если ты поднимешься на звёздокруг и там кто-нибудь будет?

– Помнишь решётку, под которой мы проходили?

– На верху башни?

– Да. Так вот, вспомни, что таких башен ещё три. И в каждой такая же решётка.

– По одной для каждого матика?

– Верно. На ночь ключник закрывает все, кроме одной. Ключник – это такой иерарх, подчинённый матери-инспектрисе. В одну ночь на звёздокруг могут подниматься только десятилетники. В следующую, например, столетники. И так далее.

Мы поднялись на высоту вековой гири и остановились, чтобы Корд могла её рассмотреть. Ещё мы поглядели через каменное кружево южной стены на машинный цех за столетними воротами. Я проследил свой утренний маршрут и отыскал дом Джезри на холме.

Корд по-прежнему выискивала изъяны в нашем каноне.

– Эти инспектора или как их там...

– Иерархи, – сказал я.

– Они, я так понимаю, общаются со всеми матиками?

– Да, а также с ита, секулюмом и другими концентами.

– Значит, когда ты с кем-нибудь из них говоришь...

– Послушай, – сказал я. – Одно из распространённых заблуждений – будто матики должны быть запечатаны герметически. Однако замысел совсем не в том. На случаи вроде тех, о которых ты говорила, у нас есть правила поведения. Мы держимся на расстоянии от тех, кто не из нашего матика. Молчим и опускаем капюшоны, чтобы не сказать и не увидеть лишнего. Если нам совершенно необходимо связаться с кем-то из другого матика, мы делаем это через иерархов. А их специально учат, как говорить, например с тысячником, чтобы тому в мозг не проникла мирская информация. Вот почему иерархи носят такие одежды, такие причёски – они буквально не изменились за три тысячи семьсот лет. Они говорят на очень консервативной версии орта. И у нас есть способы общаться без слов. Например, если фраа Ороло хочет наблюдать какую-то звезду пять ночей кряду, он излагает свою просьбу примасу. Если примас находит её разумной, он даёт ключнику указание в эти ночи держать нашу решётку открытой, а другие – опустить. Все решётки видны из всех матиков, так что космограф-милленарий смотрит вниз и понимает, что сегодня он на звёздокруг не пойдёт. И ещё у нас есть лабиринты между матиками, через которые можно проходить или передавать вещи. Но мы не в силах запретить воздухолётам пролетать у нас над головой или пенам – включать громкую музыку под нашим стенами. В древности на нас целых два века смотрели из небоскрёбов!

Корд заинтересовалась.

– Видел в машинном цехе старые двутавровые балки?

– Думаешь, это были каркасы небоскрёбов?

– Скорее всего. Не представляю, зачем ещё они могли понадобиться. У нас есть коробка со старыми фототипиями, на которых снято, как рабы тащили сюда эти балки.

– А дата на них есть?

– Да. Фототипии сделаны примерно семьсот лет назад.

– И что там на заднем плане? Разрушенный город или...

Корд мотнула головой.

– Лес с огромными деревьями. На некоторых фототипиях балки волокут, подложив под них брёвна.

– Что ж, около две тысячи восьмисотого года был крах цивилизации, так что всё сходится.

Хронобездну пронизывали многочисленные валы и цепи, связанные с часовым механизмом. Сейчас мы находились на уровне зубчатых передач и валов, приводимых в движение гириями.

На лице Корд всё яснее проступало раздражение. Теперь она не выдержала:

– Ну нельзя же так!

– Что нельзя?

– Нельзя так строить часы, которые должны идти тысячи лет!

– А почему?

– Взять хоть цепи! Звенья, шарниры, втулки – всё это места, где что-нибудь может сломаться, износиться, испачкаться, заржаветь... о чём думали те, кто это проектировал?

– Они думали, что здесь всегда будет много инаков, способных поддерживать механизм, – ответил я. – Но я понял, о чём ты. Некоторые другие миллионные часы больше похожи на то, что тебе представилось: могут идти тысячелетиями без всякого ремонта. Всё зависит от того, что хотели сказать их создатели.

Это дало ей обильную пищу для размышлений, и некоторое время мы поднимались молча. Теперь я шёл первым и показывал дорогу: мы петляли по площадкам и лесенкам, устроенным, чтобы подлезть к разным частям механизма. Корд готова была бесконечно разбираться в устройстве часов. Я заскучал и подумал, что в трапезной уже начали раздавать еду. Потом я сообразил, что в аперт всегда могу выйти в экстрамурос и попросить у добрых людей чизбург. Корд, привыкшая, что есть можно в любое время, ничуть не боялась пропустить обед.

Она смотрела, как толкают друг друга причудливо выточенные рычажки.

– Похоже на ту деталь, которую я сегодня делала для Самманна.

Я поднял руки и взмолился:

– Не говори мне, как его зовут... и вообще ничего о нём не говори.

– Почему вам нельзя говорить с ита? – с внезапной досадой спросила она. – Глупость какая-то. Среди них попадаются очень умные.

Вчера я бы рассмеялся, услышав из уст экса такое уверенное суждение об уме кого-нибудь из обитателей матика – пусть даже ита. Но Корд – не просто экс. Она – моя сестра. У нас с ней куча общих генетических цепочек, и врождённого ума у неё столько же, сколько у меня. У фраа не может быть детей: нам добавляют в пищу особое вещество, вызывающее мужское бесплодие, чтобы наши сууры не беременели и в матиках не вывелся более умный биологический вид. Генетически мы все из одной кастрюли.

– Это что-то вроде гигиены, – сказал я.

– Вы считаете, что ита грязные?

– Гигиена борется не с грязью, а с вредными микроорганизмами. Её цель – препятствовать распространению опасных генетических цепочек. Мы не считаем ита грязными в том смысле, что они не моются. Однако они по сути своих занятий имеют дело с информацией из самых разных источников, в которых можно подцепить что угодно.

– А зачем это всё? В чём смысл? Кто придумал эти дурацкие правила? Чего вы боитесь?

Корд говорила в полный голос. Будь мы в трапезной, я бы сейчас втянул голову в плечи, но здесь, среди глухонемых механизмов, наш разговор был мне даже приятен. Пока мы лезли дальше, я подбирал объяснение, которое она сможет воспринять. Самая интересная часть механизма – та, которая управляла циферблатами, – осталась внизу. Выше были только двенадцать вертикальных валов, уходящих через дыры в своде к тому, что находилось на звёздокруге: полярным осям телескопов и зенитному синхронизатору, который каждый день (по крайней мере, каждый погожий день) в полдень немного поправлял ход часов. Остаток пути нам предстояло проделать по винтовой лестнице, вьющейся вокруг самого большого вала – того, что поворачивал огромный телескоп светителей Митры и Милакса.

– Та большая машина, которой ты режешь металл...

– Она называется «пятикоординатная электроразрядная установка».

– Я заметил, что у неё есть рукоятки. Закончив работу, ты ими поворачивала столик. Наверняка ты можешь с их помощью вырезать детали?

Корд пожала плечами.

– Да, очень простые.

– Но когда ты отпускаешь рукоятки и передаёшь управление синтаксическому аппарату, машина обретает бóльшие возможности?

– Не то слово! Машина, управляемая синапом, может вырезать практически любую форму.

Корд вытащила из бокового кармана часы и помахала цепочкой из серебристых бесшовных звеньев.

– Это моя работа на звание мастера. Я вырезала её из цельного титанового стержня.

Я потрогал цепочку. На ощупь она была как струйка ледяной воды.

– Так вот, синапы точно так же увеличивают возможности других инструментов. Например, инструментов для чтения и писания генетических цепочек. Для видоизменения протеинов. Для программирования нуклеосинтеза.

– Я не знаю, что это такое.

– Потому что никто таким больше не занимается.

– А ты тогда откуда знаешь?

– Мы всё это изучаем – абстрактно, – когда нам рассказывают историю Первого и Второго разорений.

– Ну, про них я тоже впервые слышу, так что давай переходи к сути.

Мы как раз добрались до верхней площадки. Я толкнул дверь, и мы, щурясь от яркого света, вышли на звёздокруг. В последней фразе Корд я уловил лёгкое недовольство, а по разговорам Ороло с мастерами помнил, как раздражала их наша манера подводить к ответу исподволь, а не отвечать в лоб. Поэтому я на время придержал язык и дал Корд оглядеться.

Мы стояли на крыше президия – огромном каменном диске, опирающемся на свод. Середина его была слегка приподнята для стока дождевой воды. Пол украшали резные и мозаичные космографические символы и кривые. Менгиры по периметру отмечали места восхода и захода некоторых небесных тел в разное время годового цикла. Внутри круга располагалось несколько сооружений. Точно посередине стоял пинакль, обвитый двойной спиралью внешних лестниц. Его вершина была наивысшей точкой собора.

Самыми массивными были парные купола большого телескопа. Рядом располагались купола поменьше, лаборатория без окон, где мы работали с фотомнемоническими табулами, и отапливаемый придел, где Ороло занимался теорикой и учил фидов. Туда я и повёл Корд. Мы прошли через две окованные железом двери (здесь, на высоте, часто дули сильные ветры) и оказались в маленькой тихой комнатке. Арки, круглые витражи – такое впечатление, что мы попали в Древнюю магическую эпоху. На столе, там, где я её и оставил, лежала фотомнемоническая табула, которую мне дал Ороло, – диск размером в две мои ладони и в три пальца толщиной, сделанный из тёмного стеклянистого вещества. В его глубине пряталось изображение туманности светителя Танкреда, почти неразличимое в ярком свете из окна. Я отодвинул диск в тень, и туманность проступила чётче.

– Первый раз вижу такую толстую фототипию, – сказала Корд. – Это какая-то древняя технология?

– Гораздо лучше. Фототипия запечатлевает одно мгновение – в ней нет временного измерения. Видишь: кажется, что изображение почти на поверхности.

– Ага.

Я приложил палец к ободу табулы и повёл им вниз. Изображение ушло в стекло вслед за моим пальцем. Туманность при этом уменьшалась, а неподвижные звёзды оставались на своих местах. Когда мой палец дошёл до самого низа, туманность сжалась в одну очень яркую звезду.

– В нижнем слое табулы мы видим звезду Танкреда в ту самую ночь, когда она взорвалась, в четыреста девяностом году. Практически в то мгновение, когда свет проник в нашу атмосферу, светитель Танкред поднял глаза к небу и увидел сверхновую. Он побежал к большому телескопу своего концента, вложил в него точно такую же фотомнемоническую табулу и навёл трубу на звезду. С тех пор табула лежала там, записывая взрыв каждую ясную ночь, пока в две тысячи девятьсот девяносто девятом году её не вынули, чтобы снять копии для тысячелетников.

– Я всё время вижу такие в фантастических спилах, – сказала Корд, – но не знала, что это взрывы. – Она несколько раз провела пальцем по краю табулы, двигая изображение на тысячу лет в секунду. – Но тут это видно яснее ясного.

– У табулы есть множество других возможностей. – Я показал, как увеличить картинку до пределов разрешения.

До Корд наконец дошло, к чему я клоню.

– В этой штуке, – сказала она, указывая на табулу, – должен быть какой-то синап.

– Да. Поэтому она гораздо лучше фототипии – как твоя пятикоординатная установка становится лучше благодаря своим мозгам.

– Разве это не против вашего канона?

– Некоторые праксисы нам разрешили оставить. Скажем, новоматерию в наших стлах и хордах или вот такие табулы.

– Когда? Когда были приняты эти решения?

– На конвоксах после Первого и Второго разорений, – сказал я. – Понимаешь, хоть эпоха Праксиса и закончилась, концентры дважды набирали большую силу, соединив изобретённые их синтаксическими группами процессоры с другими инструментами – в одном случае для создания новоматерии, в другом – для манипуляций с цепочками. Это напомнило людям об Ужасных событиях и привело к Первому и Второму разорениям. Наши правила насчёт ита и того, какие праксисы можно использовать, а какие – нет, составлены в те времена.

Для Корд всё услышанное было слишком абстрактно, но внезапно она ухватила суть, и её глаза расширились.

– Ты об инкантерах?

По идиотскому, бессознательному рефлексу я взглянул в окно на милленарский матик – он стоял на утёсе вровень с башней, но его закрывала древняя крепостная стена. Корд правильно истолковала мой взгляд. Хуже того – она этого и ждала.

– Миф об инкантерах восходит к эпохе, предшествовавшей *Третьему* разорению, – сказал я.

– И о тех, с кем они воевали... забыла, как называются...

– Риторы.

– Ах да. Так в чём, собственно, разница?

Корд смотрела на меня с наивным любопытством, накручивая на палец часовую цепочку. Я не мог отплатить ей той же монетой: показать, какие глупые вопросы она задаёт.

– Ну, если ты смотришь такого рода спили, то знаешь про них больше меня, – сказал я. – Мне как-то попала такая бойкая формулировка: мол, риторы умели менять прошлое и делали это с удовольствием; инкантеры могли изменять будущее, но прибегали к своему умению крайне неохотно.

Корд кивнула, как будто это и впрямь объяснение, а не чушь собачья.

– Им приходилось менять будущее в ответ на действия раторов.

Я пожал плечами.

– Опять-таки, всё зависит от того, какая фантастика тебе нравится.

– Но те, кто там, инкантеры? – сказала Корд, глядя на утёс.

Мне стало совсем кисло, поэтому я снова вывел её на площадку, но там Корд опять повернулась к миллинарскому матику. Я наконец понял, что она просто хочет себя успокоить. Увериться, что странные люди, живущие на утёсе над её городом, не опасны. И здесь я был рад ей помочь, тем более что потом она может успокоить других. В том-то и цель аперта – рассеивать предрассудки и сглаживать острые углы.

Однако врать Корд я тоже не мог.

– Наши тысячники – особая история, – сказал я. – В других матиках, например в том, где живу я, смешаны разные ордена. Там, на утёсе, все принадлежат к одному ордену – эдхарианскому. То есть все они – последователи светителя Халикаарна. В тех сказках, о которых ты говоришь, они были бы инкантерами.

Видимо, мне удалось полностью удовлетворить её любопытство насчёт инкантеров и риторов. Мы продолжили экскурсию по звёздокругу, хоть мне и пришлось сделать крюк, чтобы не пройти близко от ита, который вышел из подсобки, неся на плече моток красного провода. Корд это заметила.

– А зачем вообще держать здесь ита, если вы их избегаете? Не проще ли отправить их куда подальше?

– Они обслуживают некоторые части часового механизма...

– Невелика хитрость! Тут бы и я справилась.

– Ну... сказать по правде, мы сами задаём себе этот вопрос.

– Воображаю! И наверняка у вас есть на него двенадцать разных ответов.

– Есть устойчивое мнение, что они шпионят за нами по указке мирских властей.

– И поэтому вы их не любите.

– Да.

– А почему вы думаете, что они за вами шпионят?

– Из-за воко. Это актал, когда фраа или сууру вызывают из матика, чтобы сделать что-то практическое для бонз. Больше мы их не видим.

– Они просто исчезают?

– Мы поём некий анафем – песнь прощания и скорби, – потом смотрим, как этот человек выходит из собора и садится на лошадь или в вертолёт. Да, «исчезают» – правильное слово.

– И при чём здесь ита?

– Скажем, мирской власти нужно победить какую-нибудь болезнь. Откуда известно, какой инак в каком конценте этой болезнью занимается?

Корд обдумывала мои слова, пока мы поднимались по винтовой лестнице на пинакль. Каждая ступенька представляла собой каменную плиту, выступающую из стены: смелая конструкция, требующая определённой смелости от того, кто по ней взбирается, потому что перил не было.

– Выходит, властям это очень выгодно, – заметила Корд. – А вы не думаете, что страшилки про Ужасные события и про инкантеров – просто палка, которую власти держат наготове, чтобы вы их слушались?

– Это допущение светительницы Патагар. Оно восходит к двадцать девятому веку, – сказал я.

Корд фыркнула.

– Ладно, рассказывай. Что случилось со светительницей Патагар?

– Ничего особенного. Она жила себе и жила, потом основала свой орден. Его капитулы и сейчас где-то есть.

– С тобой невозможно говорить. Всякая идея, которую способны измыслить мои слабые мозги, оказывается затасканным утверждением какого-нибудь великого светителя, жившего две тысячи лет назад.

– Я не хочу умничать, но вообще-то это утверждение светительницы Лоры и восходит к шестнадцатому веку.

Она засмеялась.

– Правда?

– Правда.

– Буквально две тысячи лет назад какая-то светительница высказала мысль...

– Что все мысли, какие может выдумать человеческий ум, уже выдуманы. Это очень важная мысль.

– погоди, а разве мысль светительницы Лоры не была новой?

– Согласно ортодоксальным палеолоритам это была Последняя мысль.

– А. Ладно, тогда я должна спросить...

– Что мы все делаем здесь все эти две тысячи сто лет?

– Ну, если совсем грубо, то да.

– Не все согласны с утверждением светительницы Лоры. Лоритов вообще принято ненавидеть. Лору называют вытасченным из нафталина мистагогом, а то и похлеще. Но хорошо, что лориты есть.

– Почему?

– Как только кто-нибудь придумывает мысль, которую считает новой, лориты пикируют, как коршуны, и пытаются доказать, что ей на самом деле пять тысяч лет. И, как правило, доказывают. Это досадно и унижительно, но по крайней мере люди не тратят времени на то, чтобы повторять уже пройденный путь. И чтобы справляться со своей задачей, лориты должны невероятно много знать.

– Значит, как я понимаю, ты не лорит.

– Да. Может быть, ты повеселишься, если я скажу, что после смерти Лоры её собственный фид пришёл к выводу: все её мысли предвосхитил философ-странник четырьмя тысячами лет раньше.

– Да, смешно, но разве это не доказывает, что Лора права? Я пытаюсь понять, раз так, что вас здесь держит?

– Идеи – вещь хорошая, даже если они не новые. Просто для того, чтобы освоить сложную теорику, надо учиться всю жизнь. Чтобы существующий запас идей жил, нужно... – я махнул рукой на концент внизу, – ... всё это.

– То есть вы вроде садовника, который разводит редкие цветы. Здесь ваша теплица. Она должна существовать вечно, иначе цветы вымрут. Но вы никогда...

– ...Мы очень редко выводим новый цветок, – признал я. – Впрочем, бывает, на кого-нибудь упадёт космический луч. Кстати, это напомнило мне, зачем я тебя сюда привёл.

– Ага. Что это? Я всю жизнь смотрю на эту пимпочку и думаю, что там наверху телескоп, в который смотрит старенький сморщенный фраа.

Мы выбрались на вершину «пимпочки» – пинакля. На крыше – каменной плите шириною в два моих роста – стояли два диковинных устройства и ни одного телескопа.

– Телескопы внизу, в тех куполах, – сказал я, – но ты могла и не узнать в них телескопы.

Я приготовился объяснить, как зеркала из новоматерии при помощи лазерных маяков прощупывают атмосферу на предмет флуктуаций плотности и меняют свою форму, чтобы скомпенсировать соответствующие искажения, и как они собирают свет и отбрасывают его на фотомнемоническую табулу. Однако Корд интереснее было разобраться в том, что перед ней. Одно из устройств представляло собой кварцевую призму, побольше моей головы, в руках у мраморного светителя. Призма была развёрнута к югу. Без моих объяснений Корд поняла, что

свет входит в призму через одну грань, отражается от другой и через отверстие в полу попадает на металлическую конструкцию внизу.

– Я про такое слышала, – сказала Корд. – Эта штука каждый день в полдень синхронизирует часы, верно?

– Если нет облаков, – поправил я. – Но даже во время ядерной зимы, когда солнце может не проглядывать столетиями, часы сбиваются не сильно.

– А это что? – Корд указала на стеклянный купол размером с мой кулак. Он стоял на постаменте из резного камня, на той же высоте, что призма в руках у светителя. – Очевидно, какой-то телескоп, потому что я вижу щель для фотомнемонической табулы. – Она ткнула пальцем в отверстие под стеклом. – Но непохоже, что эту штуку можно поворачивать. Как вы её направляете?

– Она не поворачивается, и её не надо направлять, потому что это линза «рыбий глаз». Она видит всё небо. Мы называем её «Око Клесфиры».

– Клесфира – чудище из древней мифологии, которое могло смотреть во все стороны сразу.

– Ага.

– А зачем она нужна? Я думала, телескоп – чтобы рассмотреть что-то, а не видеть всё разом.

– Их расставили по всем звёздокругам мира примерно во времена Большого кома, когда люди очень интересовались астероидами. Ты права, чтобы что-нибудь рассмотреть, такая линза не годится. Зато она отлично позволяет записывать траектории быстро движущихся предметов. Например, длинные полоски света от метеоритного роя. Изучая их, мы можем понять, какие камни падают с неба: откуда они, из чего состоят и насколько велики.

Впрочем, Око Клесфиры не слишком заинтересовало Корд, ведь в нём не было движущихся частей. Дальше подниматься было некуда, глубже вникать в космографию Корд явно не хотела. Она вытащила часы на струящейся цепочке и посмотрела время. Мне это показалось смешным, поскольку она стояла на вершине часов, о чём я и сказал. Корд не поняла юмора. Я предложил объяснить, как определять время по положению солнца относительно менгиров, но Корд ответила: «Давай только не сейчас».

Мы спустились. Она торопилась, нервничала из-за работы и каких-то других дел – всего того, чем постоянно забита голова у мирян. Только на лугу, когда впереди уже показались дневные ворота, она немножко успокоилась и начала мысленно перебирать наш разговор.

– Так что ты думаешь о допущении светительницы, как её там?

– Патагар? Что легенду об инкантерах придумали бонзы, чтобы нас шантажировать?

– Да, Патагар.

– Ну, загвоздка в том, что мирская власть меняется от эпохи к эпохе.

– В последнее время – каждый год, – заметила Корд, но я не понял, всерьёз она говорит или шутит.

– Трудно поверить, что она способна придерживаться одной и той же стратегии на протяжении четырёх тысячелетий, – сказал я. – С нашей точки зрения, она меняется так часто, что мы даже и не следим за ней, кроме как во время аперта. Считай это место зверинцем для людей, которым противно следить за мирской властью.

Наверное, это было сказано немного заносчиво. С каким-то вызовом, как будто Корд нападает, а я оправдываюсь. Мы простились в десятилетних воротах, и она пообещала на неделе заглянуть ещё.

По пути назад я думал о людях, с которыми разговаривал сегодня. Казалось бы, я меньше всех доволен своим положением, но стоило Джекзри или Корд усомниться в правильности нашей системы, я тут же вставал на её защиту и начинал объяснять, чем она хороша. Нелепость, если так посмотреть.

Новоматерия, твёрдое, жидкое либо газообразное вещество, обладающее физическими свойствами, не наблюдаемыми в естественных простых веществах или их соединениях. Эти свойства обусловлены строением атомных ядер. Процесс возникновения ядер из более лёгких частиц называется нуклеосинтезом и происходит обычно в старых звёздах. Он подчиняется законам, которые, если можно так выразиться, застыли в своём нынешнем виде вскоре после возникновения космоса. За два десятилетия после Реконструкции были достигнуты значительные успехи в понимании этих законов, что позволило инакам в лабораторных условиях осуществить нуклеосинтез по законам, слегка отличающимся от естественных для данного космоса. Большая часть полученной Н. не имела практического значения, однако на основе некоторых образцов удалось разработать материалы, обладающие исключительной прочностью либо эластичностью, либо позволяющие легко регулировать их свойства при помощи синтаксических устройств. Реформы, принятые после Первого разорения, запретили инакам продолжать исследования в области Н. В матическом мире Н. по-прежнему производится в небольшом количестве и идёт на стлы, хорды и сферы. В экстрамуресе используется во многих промышленных товарах.

«Словарь», 4-е издание, 3000 год от РК.

Фраа Лио придумал новую обмотку, в которой походил на свёрток, выпавший из почтового вагона, зато теперь ему ни при каких обстоятельствах не могли нахлобучить капюшон на лицо. Мы проверяли это в течение четверти часа, и Лио всё больше гордился собой, пока Джекзри не обломал ему удовольствие, спросив, защищает ли такая обмотка от пуль.

Снова пришла Корд, на сей раз вместе с Роском – молодым человеком, с которым состояла в отношениях. Они поужинали у нас в трапезной. Сегодня на Корд было меньше гаечных ключей и больше цепочек, серёжек и колец – все их она сама сделала из титана.

Арсибальт сумел-таки добраться до базилики непобитым, но отец сказал, что разговор между ними возможен в одном случае: если Арсибальт пришёл покаяться и вступить в лоно базской ортодоксии.

Лио бродил по предместьям в надежде наткнуться на банду хулиганов, а вместо этого эксы угощали его выпивкой или предлагали подбросить на мобе.

Родители Джекзри вернулись в город, и он время от времени ходил к ним в гости. Один раз он взял меня с собой. Я был поражён, какие они умные, воспитанные и (как всегда, в экстрамуресе) сколько у них вещей. Однако их образованность была страшно поверхностная: они знали кучу всего, но без настоящего понимания. И, удивительное дело, это укрепляло, а не ослабляло их уверенность в собственной правоте.

Лио не забыл подначку Джекзри насчёт пуль. Он уговорил своих новых друзей отвезти его в заброшенный карьер за городом, где местные забавлялись стрельбой по неподвижным предметам. Стла и сфера стали мишенями. Лио повёл против них боевые действия с использованием разных видов оружия. Пули проходили сквозь плетение стлы: волокна из новоматерии растягивались, пропуская пулю; оставалась дырочка, которую можно было убрать, если хорошенько помять стлу пальцами. А вот острые как бритва плоские наконечники стрел рвали волокна, оставляя прорехи, которые уже нельзя было заделать. Сфера в отличие от стлы растягивалась бесконечно, как конфета-тянучка. Пуля практически выворачивала её наизнанку и отбрасывала, словно мяч. Лио объявил, что сферой можно защищаться от огнестрельного оружия: пуля всё равно войдёт в тело, но утащит за собой длинный чехол из сферы, который

помешает ей рыскать или разлететься на осколки и за который её потом можно вытащить из раны. Слов нет, как нас это успокоило.

Корд пришла ещё раз, теперь без Роска. Мы замечательно погуляли по матику и даже заглянули в верхний лабиринт. Говорили о том, что случилось с нашими родственниками, затем о том, где она рассчитывает оказаться на следующий аперт.

К восьмому дню аперта я был сыт им по горло. И совершенно растерян. Я влюбился в свою сестру. Это могло значить, что я извращенец и всё такое. Впрочем, чем больше я анализировал свои чувства, тем яснее видел, что это не такая влюблённость, когда хочется отношений.

Я думал о ней весь день, слишком сильно переживал из-за того, что она обо мне думает, мечтал, чтобы она приходила чаще и обращала на меня больше внимания. Потом я вспомнил, что через несколько дней ворота закроются и я на десять лет потеряю её из виду. Корд, по всей вероятности, помнила об этом постоянно и держала некоторую дистанцию. Кроме того, как я понимал, в конценте её больше интересовали практические стороны, а с ними она в какой-то мере была связана постоянно, потому что делала для ита детали.

В каждый день аперта я мог бы написать о своих мыслях и чувствах целую книгу, и в каждый день это была бы не та книга, что в предыдущий. Однако к концу восьмого дня сложилась определённая картина, которую я могу изложить тут более кратко.

Отношения. 1. (древнеорт. и более поздн. орт.) Близость (обычно физиологическая) между несколькими (обычно двумя) лицами, соблюдающими картазианский канон. В наиболее частом случае О. заключаются между фраа и суурой примерно одного возраста. Существуют разные типы О. Ма Картазия в «Каноне» перечислила четыре типа и запретила их все. В Древнюю магическую эпоху широкую известность получили О. светителя Пера и светительницы Элиты благодаря обнаруженной после их смерти гряде любовных писем. В первые годы Пробуждения некоторые матики пошли на беспрецедентное изменение в каноне, разрешив перелифические О., то есть постоянный союз между одним фраа и одной суурой. «Пересмотренная книга канона», принятая во время Реконструкции, описывает восемь типов О. и разрешает два. «Вторая заново пересмотренная книга канона» описывает семнадцать, разрешает четыре и смотрит сквозь пальцы ещё на два. Все разрешённые О. регламентированы определёнными правилами, и вступление в них отмечается акталом, на котором участники в присутствии трёх свидетелей обязуются эти правила соблюдать. Ордена и конценты, в нарушение канона допускающие иные типы О., подвергаются дисциплинарным мерам со стороны инквизиции. Впрочем, концент или матик может допускать меньшее число типов; нулевое число разрешённых типов, разумеется, означает полный целибат. **2.** (поздн. эпоха Праксиса) Брендытина, по сути своей не поддающаяся чёткому определению, но, видимо, как-то связанная с контактами между разноплеменными сообществами.

«Словарь», 4-е издание, 3000 год от РК.

Ороло заметил моё состояние и сказал мне прийти на звёздокруг вскоре после захода солнца. Он зарезервировал на ночь телескоп светителей Митры и Милакса. Погода была пасмурная, но Ороло всё равно пошёл туда нацелить телескоп и приготовить фотомнемоническую табулу в надежде, что позже развиднеется. Когда я отыскал его за панелью телескопа, он уже заканчивал приготовления. Мы пошли прогуляться вдоль кольца менгиров. Поначалу я стеснялся говорить о том, что меня тревожит, но в конце концов выложил свои чувства и мысли насчёт Корд. Ороло задал кучу вопросов, до которых я бы сам в жизни не додумался. Как

я понял, они полностью подтвердили его уверенность, что я не испытываю к сестре ничего недолжного.

Ороло напомнил, что Корд – моя биологическая семья и вообще единственный человек, которого я знаю в экстрамуресе. Он заверил, что думать о ней много – вполне естественно и ничего дурного тут нет.

Я рассказал про разговоры, в которых ставились под сомнение канон и Реконструкция. Ороло ответил, что это неписаная традиция аперта. Тягостные мысли надо проговорить вслух, чтобы не мучиться ими следующие десять лет.

На северо-восточном краю звёздокруга он остановился и сказал:

– Знаешь ли ты, что мы живём в очень красивом месте?

– Ещё бы! – воскликнул я. – Каждый день я захожу в собор, вижу алтарь, мы поём анафем...

– Твои слова говорят «да», твой тон – как будто ты себя выгораживаешь – что-то другое. И ты ещё не видел этого.

Ороло махнул рукой на северо-восток.

Горный кряж, уходящий в том направлении, зимой скрывали облака, летом – пыльное море. Однако сейчас была осень. Несколько недель стояла жара, но на второй день аперта резко похолодало, так что мы уплотнили стлы до зимней толщины. Два часа назад, когда я входил в президий, бушевала буря, но пока я поднимался по лестницам, шум дождя и града постепенно стихал. К тому времени, как я разыскал Ороло наверху, от бури остались только редкие капли, несущиеся в потоке воздуха, словно космическая пыль, да белая пена градин на каменных плитах. Мы были почти в облачном слое. Небо обрушилось на горы, как море на скалистый мыс, и в полчаса растратило свою холодную энергию. Облака рассеивались, но небо не светлело, потому что солнце уже садилось. Ороло зорким взглядом космографа приметил на склоне горы светлую полосу. Когда он на неё указал, я подумал сперва, что в какой-то высокогорной долине град посеребрил ветки деревьев. Но пока мы смотрели, свет приобрёл более тёплый оттенок. Полоска становилась шире и взбиралась по склону. Деревья, ранее изменившие цвет, теперь вспыхнули огнём. Это был луч солнца, пробившийся в разрыв туч далеко на западе.

– Вот красота, которую я хочу тебе показать, – сказал Ороло. – Главное, чтобы ты видел и любил красоту прямо перед собой, иначе у тебя не будет защиты от уродства, подступающего со всех сторон.

Такие поэтически-сентиментальные высказывания были совершенно не в духе фраа Ороло, и я от удивления даже не задумался, что он имел в виду, говоря об уродстве.

По крайней мере я понял, что он хотел мне показать. Свет наливался оттенками алого, золотого, жёлтого и оранжево-розового. За несколько секунд он зажгёт стены и башни милленарского матика таким сиянием, что, будь я богопоклонником, я бы назвал его священным и увидел в нём доказательство существования бога.

– Красота пробивается, как луч сквозь облака, – продолжал Ороло. – Твой глаз её различает, когда она касается чего-то, способного её отразить. Однако умом ты знаешь, что свет исходит не от башен и гор. Разум говорит тебе, что нечто светит из иного мира. Не слушай тех, кто говорит, будто красота в глазах смотрящего. – Ороло подразумевал фраа из Нового круга и реформированных старофаанитов, но теми же словами Фелен мог бы предостерегать юного фида, чтобы тот не поддавался на демагогию сфеников.

Свет ещё минуту озарял самый высокий парапет, затем погас. Внезапно всё вокруг стало тёмно-зелёным, синим и фиолетовым.

– Сегодня будет хорошая видимость, – сказал Ороло.

– Мы останемся?

– Нет, надо спускаться. Ключник уже и так будет нас ругать. Я схожу за своими записями.

Ороло торопливо ушёл прочь, и я на какое-то время остался один. Неожиданно я увидел над горами маленький рассвет: луч, невидимо бьющий через пустое небо, наткнулся на тончайшие перистые облачка, и они вспыхнули, как брошенные в огонь комки шерсти. Я посмотрел на тёмный концент и не почувствовал желаний прыгнуть. Красота даст мне силы жить. Я подумал о Корд, о её красоте, о вещах, которые она делает своими руками, о том, как она держится, о чувствах, пробегающих по её лицу, когда она думает. В конценте красота чаще всего заключена в теорических построениях – это та красота, которой добиваются упорным трудом. Красота есть в нашей музыке и зданиях всегда, даже если я её не вижу. Ороло нащупал нечто очень важное: видя красоту, я ощущал себя живым, и не только в том смысле, в каком вспоминаешь, что ты живой, ударив себя по пальцу молотком. Скорее я чувствовал себя частью чего-то. Что-то пронизывало меня такое, к чему я по самой своей природе принадлежу. Это разом прогоняло желание умереть и намекало, что смерть – ещё не всё. Я понимал, что до опасного близко подошёл к территории богопоклонников. Однако если люди могут быть так прекрасны, трудно удержаться от мысли, что в них живёт отблеск мира, увиденного Кноусом в разрыве туч.

Ороло ждал меня на верхней площадке лестницы. Прежде чем начать спуск, он ещё раз оглядел начавшие проступать звёзды и планеты, словно дворецкий, пересчитывающий ложки. Мы спустились в молчании, светя себе под ноги сферами.

Как и предсказал Ороло, ключник, фраа Гредрик, ждал нас возле решётки. Рядом с ним стоял кто-то поменьше ростом и постройнее. Спускаясь по аркбутану, мы увидели, что это начальница Гредрика, суура Трестана.

– Кажется, нас ждёт епитимья, – сказал я. – Что доказывает твою правоту.

– В чём?

– В том, что ты говорил про подступающее со всех сторон уродство.

– Думаю, тут нечто иное, – сказал Ороло. – Нечто экстраординарное.

Мы вошли в каменный купол, и Гредрик с грохотом опустил за нами решётку. Я глянул ему в лицо. Я думал, он сердится, что мы заставили его ждать, но дело было в чём-то другом. Ключник явно нервничал и хотел поскорее отсюда убраться. Мы смотрели, как он возится с ключами. Пока он запирает замок, я глянул на унарский купол, потом на центенарский. Обе решётки были опущены. Получалось, что звёздокруг вообще закрыли. Лишняя предосторожность на время аперта?

Я ждал, что Гредрик уйдёт, чтобы суура Трестана нас распекла. Однако он посмотрел мне в глаза и сказал:

– Идём со мной, фид Эразмас.

– Куда? – спросил я. Ключник обычно не обращался к нам с такими просьбами. Это была не его работа.

– Куда угодно, – ответил он и кивнул на ведущую вниз лестницу.

Я покосился на Ороло. Тот пожал плечами и тоже кивнул. Тогда я взглянул на сууру Трестану, но она лишь с преувеличенным терпением посмотрела мне в глаза. Ей не так давно исполнилось сорок, и выглядела она скорее привлекательно. В миру такая энергичная женщина пошла бы в коммерцию и пробилась в иерархию фирмы. В первые месяцы на новой должности она раздавала множество епитимий за мелкие проступки, на которые её предшественник закрыл бы глаза. Старшие инаки уверяли меня, что все новые инспектора так себя ведут. Я был уверен, что она назначит нам с Ороло епитимью за опоздание, и не смел уйти, пока она это не сделала. Однако теперь стало ясно, что она пришла за чем-то другим. Поэтому я, кивнув ей и Ороло, начал спускаться по лестнице. Фраа Гредрик двинулся следом за мной.

Когда Трестана решила, что мы с Гредриком отошли достаточно далеко, она принялась что-то тихо говорить Ороло – уверенно и без пауз, как заготовленную речь.

Ороло ответил не сразу, и по голосу было слышно, что он на взводе. Он что-то отстаивал, и не спокойным тоном, как в диалоге. Что-то его расстроило. Из этого я понял, что суура Трестана не назначила ему епитимьи. Наказание надо принимать смиренно, если не хочешь получить вдвое и вчетверо. Ороло говорил о чём-то более важном. И суура Трестана явно велела Гредрику меня увести, чтобы поговорить с ним без свидетелей.

Вот так неприятно закончился наш разговор на звёздокруге! Впрочем, это очередной раз доказывало, что Ороло прав. Если я хотел претворить его идеи в жизнь, то можно было начинать прямо сейчас.

«Найди и удержи, иначе умрёшь». Проснувшись на следующее утро, я уже не помнил, Ороло ли так сказал или я сам во сне сформулировал. В любом случае проснулся я с ощущением решимости и душевного подъёма.

Ороло сидел в трапезной один. Заметив меня, он натянуто улыбнулся и тут же отвёл взгляд. Он не хотел рассказывать мне о своём споре с Трестаной. Быстро закончив есть, Ороло встал и направился к десятилетним воротам, чтобы снова провести день в городе.

Гораздо важнее спора с Трестаной был наш предшествующий разговор на звёздокруге. Я не мог говорить о своих выводах в трапезной: они не выдержали бы проверки граблями Диакса. Никто не принял бы их всерьёз. Более проциански мыслящие инаки сказали бы, что я впал в богопоклонство. Я не смог бы защищаться, не ссылаясь на идеи, которые покажутся им до смешного расплывчатыми. И всё же я знал, что именно так бывало у светителей. Они оценивали теорические построения не логически, а эстетически.

Не у меня одного много чего скопилось на душе. Арсибалът сидел один, ничего не ел, потом тихо вышел. Затем Тулия под села ко мне с пустой миской. Я страшно обрадовался, пока не понял, что она просто хочет поговорить со мной об Арсибалъте. Последнее время он подолгу сидел с мрачной миной, явно напрашиваясь на вопрос, в чём дело. Меня такая тактика бесила, и я решил на неё не поддаваться, а вот Тулия всячески старалась его ободрить. Она сказала, что я должен с ним побеседовать. Я согласился только потому, что просьба исходила от неё.

После Реконструкции первые фраа и сууры из ордена светителя Эдхара пришли на то место, где река огибала горный отрог. Взрывчаткой и водомётами они расчистили щебень и выветрелую породу, из которых по периметру воздвигли стены. После этого они принялись за скальное основание: отколотые плиты и призмы скатывались вниз, иногда до самой стены. Отрог превратился в ступень – площадку под утёсом. В утёсе первые тысячелетники прорубили узкую, выющуюся серпантинном лестницу. Однажды они поднялись по ней и не вернулись: разбили наверху лагерь и стали возводить собственные стены и башни. На несколько столетий долина осталась засыпана каменными глыбами. Они пошли на постройку собора, так что теперь почти все глыбы повыбрали и земля стала ровной и тучной. Однако несколько исполинских валунов по-прежнему лежали на лугу, отчасти для украшения, отчасти как материал для архитекторов, по-прежнему добавлявших к собору горгульи, флероны и тому подобное.

Арсибалът сидел на валуне среди разбросанных пенами ёмкостей из-под алкогольных напитков. Сами потребители напитков спали рядом в густой траве. На другом конце луга Лио скакал вокруг статуи светителя Фроги, заклёстывал ей голову стлой и резко дёргал. В обычный день я бы не обратил на него внимания, но сейчас был аперт и на лугу толпились посетители. Они указывали на него пальцами, смеялись, снимали на спилекапторы. Ещё одна полезная функция аперта: напомнить, какие мы чудные и как хорошо, что мы живём в таком месте, где это сходит с рук.

Наглядная демонстрация: фраа Арсибалът. Законченными абзацами, по пунктам, на превосходном среднеортском с примечанием на старо- и протоортском он объяснил, как расстроен отказом отца с ним разговаривать: ведь на самом деле он не столько отринул отцовскую веру, сколько пытается навести мосты между нею и матическим миром.

Мне показалось, что чересчур смело девятнадцатилетнему фиду братья за такой проект через семь тысяч лет после того, как дочери Кноуса отказались друг с другом разговаривать. Тем не менее я внимательно его выслушал. Отчасти – чтобы потом рассказать Тулии, какой я хороший; отчасти – потому что слова Арсибальта были почти такие же чудные, как мой вчерашний разговор с Ороло. Я рассчитывал, когда Арсибальт выговорится, поделиться с ним своими мыслями. Однако по ходу беседы (если это можно назвать беседой, потому что говорил Арсибальт, а я слушал) мои надежды таяли. Ему и в голову не приходило, что мне тоже хочется высказаться: может быть, не по таким глубоким и умным вопросам, но для меня они не менее важны. А как раз когда я углядел лазейку, чтобы встрять, он резко сменил тему и огорошил меня пеаном «обворожительной Корд». Вместо того чтобы говорить о занимавших меня вещах, я вынужден был мысленно примирять образ Корд и слово «обворожительная». Арсибальт хотел знать, не заинтересуют ли её атланические отношения. Я думал, что нет, но что я в этом смысле? От бойфренда, который а) стерилен, б) выходит за ворота лишь раз в десять лет, явно не может быть никакого вреда. Поэтому я пожал плечами и ответил, что предложить, наверное, можно.

Затем назад к Тулии с отчётом.

Семнадцать лет назад Тулию нашли у дневных ворот, обёрнутую в газету и уложенную в сумку-холодильник для пива с оторванной крышкой. Пуповина у неё уже отвалилась, то есть для милленарского матика девочка не годилась: слишком большая, слишком затронута мирским влиянием. В любом случае она поначалу была очень слабенькой, так что её оставили в унарском матике, поближе к врачебной слободе. Здесь (как я предполагаю) её воспитывали заботливые бюргерские жёны и дочери, пока в шесть лет она не перешла в наш матик по лабиринту. Тулия появилась с нашей стороны одна и важно представилась первой же увиденной сууре. В общем, семьи в экстрамурсе у неё не было. Глядя на наши мучения с роднёй, она поняла, как ей повезло. Тулия, конечно, вежливо держала свои соображения при себе, но, очевидно, не переставала на нас дивиться. Она видела, как я гуляю с сестрой, и решила, что у меня всё хорошо. Я чувствовал, что ничего не выиграю, если стану излагать ей свои мысли по поводу разговора с Ороло.

Так что я пошёл и поговорил с совершенно чужими людьми из экстрамурса, которые пришли поглазеть на унарский матик.

Мой матик был маленький, простой и тихий. Унарский, напротив, построили, чтобы производить впечатление на входящих извне: каждый год в течение десяти дней – на туристов из экстрамурса, в остальное время – на тех, кто дал обет провести там по меньшей мере год. Лишь немногие из них переходили потом к деценариям. «Бюргерши, мечтающие что-то почувствовать», – жёлчно определил унариев один старый фраа. Чаще всего это были холостые юноши и незамужние девушки, выпускники престижных сувин, – в определённых кругах унарский матик считался необходимой ступенькой для вступления во взрослую жизнь и поисков брачного партнёра. Некоторые учились у халикаарнийцев и становились праксистами или мастерами. Другие – у проциан и шли в юриспруденцию, средства массовой информации, политику. Мать Джебзри поступила в унарский матик вскоре после своего двадцатилетия и провела там два года, а потом почти сразу вышла за отца Джебзри. Он был чуть старше, в унарском матике провёл три года и вынес оттуда знания, послужившие началом для успешной карьеры в той области, какую уж он выбрал.

Плоскость. 1. В теории Диакса – двумерное многообразие в трёхмерном пространстве, обладающее плоской метрикой. **2.** Аналогичное многообразие в пространстве с большим числом измерений. **3.** Ровный участок на периклинии древней Эфрады, где теоры сперва чертили на земле

геометрические построения, а позже стали проводить диалоги всех типов; отсюда глагол **уплотнить**: полностью сокрушить в диалоге доводы оппонента. «Словарь», 4-е издание, 3000 год от РК.

На заре десятого дня аперта суура Ранда, одна из пасечниц, обнаружила, что ночью какие-то негодяи залезли в сарайчик, разбили часть горшков и унесли два контейнера с мёдом. Событие было эпохальное. Когда я пришёл в трапезную завтракать, все его обсуждали, и продолжали обсуждать, когда я уходил оттуда около семи. Мне надо было в девять стоять у годовых ворот. Самый быстрый путь лежал через экстрамурос, однако вчерашние раздумья о Тулии навели меня на мысль пройти нижним лабиринтом, как она в шесть лет. Предполагалось, что Тулия одолела его за полдня. Я рассчитывал в свои восемнадцать успеть за час, но для верности вышел за два и в итоге управился за час с половиной.

Когда пробило девять, я, прикрыв голову краем стлы и расправив складки, стоял у основания моста, ведущего к годовым воротам. Передо мной высился их зубчатый бастион. И ворота, и мост были той же конструкции, что в деценарском матике, но вдвое больше и куда богаче украшены. За воротами я видел площадь, где в первый день аперта унаривев встречали четыре сотни стосковавшихся друзей и родственников.

В моей сегодняшней группе было двадцать с небольшим экскурсантов. Треть составляли детишки лет десяти из базско-ортодоксальной сувины (во всяком случае, так я предположил по монашескому облачению их учительницы) в форменных костюмчиках, две трети – бюргеры, мастера и пены. Последних можно было издали узнать по габаритам. Среди бюргеров и мастеров тоже встречаются нехуденькие, но они хотя бы носят одежду, призванную это скрыть. Сейчас у пенов в моде было что-то типа футболок (яркое, с цифрами на спине), но огромного размера, так что плечи болтались в районе локтя, а нижний край доходил до колен. Штаны (нечто среднее между шортами и брюками) выступали из-под футболок примерно на ладонь, оставляя открытыми волосатые ноги над громадными дутыми кроссовками. На головах у пенов были свисающие на спину бурнусы с эмблемами компаний – производителей пива и надеваемые поверх чёрные очки-консервы, которые не снимались даже в помещении.

Впрочем, выделялись пены не только одеждой, но и тем, как они ходили (вразвалку, нарочито неторопливо) и стояли (всей позой выражая свою крутизну и, как мне казалось, некоторую враждебность). Так что я издали увидел, что сегодня в моей группе четыре пена. Я ничуть не испугался, поскольку в первые девять дней аперта экскурсии обошлись без серьёзных инцидентов. Фраа Делрахонес заключил, что нынешние пены придерживаются безобидной иконографии. Они были и вполтину не такие агрессивные, как старались выглядеть.

Я поднялся на середину моста, чтобы быть чуть повыше. Подошла группа. Я поздоровался и представился. Дети из сувины аккуратным рядком встали впереди. Пены, наоборот, держались подальше, чтобы подчеркнуть свою исключительную крутизну, и жали кнопки на жужулах или тянули сладкую воду из ведёрных бутылей. Через площадь спешили двое опоздавших, и я сперва двинулся медленно, чтобы они успели нас нагнать.

Мне советовали не рассчитывать, что внимания экскурсантов хватит надолго, поэтому, показав рошу страничных деревьев и клусты по эту сторону реки, я повёл группу по мосту в центр унарского матика, мимо клиновидной плиты красного камня с именами похороненных здесь фраа и суур. Мы старались не говорить о ней, если не спрашивают. Сегодня никто не спросил, так что удалось избежать значительной неловкости.

Третье разорение началось с недельной осады концента. Малочисленные инаки не могли оборонять такую длинную стену, так что на третий день десятилетники и столетники, нарушив канон, перешли в унарский матик, который было легче защищать из-за меньшего периметра и водяных преград. Тысячелетники, разумеется, оставались в безопасности на своём утёсе.

К концу второй недели осаждённые поняли, что помощи от мирской власти не будет. Как-то на рассвете почти все инаки собрались перед годовыми воротами, распахнули их и

боевым клином пробились через толпу. Вылазка была неожиданной, и потому толпа почти не оказала сопротивления. В течение часа инаки грабили город и полевые склады осаждавших, добывая медикаменты, витамины, боеприпасы и некоторые химические вещества, которые неоткуда взять в конценте. После этого они ещё больше изумили нападавших: не разбежались, а вновь составили клин (теперь куда меньший) и прорвались через площадь к воротам. Преодолев мост, они немедленно взорвали его за собой, бросили добытое на землю и рухнули сами. За ворота вырвались пятьсот человек, обратно вернулись триста. Из этих трёхсот двести умерли на месте от ран. Гранитный клин был их надгробным памятником. То, что они собрали, уцелевшие переправили тысячелетникам. Остальной концент пал на следующий день. Тысячелетники благополучно пережили семьдесят лет на утёсе. Кроме нашего, выстояли лишь два миллиарских матика в мире. Правда, кое-где инаков предупредили заранее; они забрали, сколько могли, книг и спрятались в укромных местах.

Клин-памятник был направлен не к городу, а к часам, в знак того, что похороненные под ним вернулись. В пятидесяти шагах от острого угла плиты начинался «Гилеин путь» – самое примечательное, после собора, архитектурное сооружение концента. Стиль его был скорее базский, чем матический – менее устремлённый ввысь, более приземистый, наводящий на мысль о скиниях, которые обычно строились широкими, чтобы вместить всех прихожан.

Я подержал дверь, дожидаясь двух опоздавших и радуясь (быть может, даже чересчур), что с нами нет Барба. В первые два дня аперта сын Кина побывал чуть ли не на всех экскурсиях. Довольно быстро он выучил всё, что говорят гиды, и принялся заваливать их вопросами, а затем и поправлять, если те ошибались, либо дополнять недостаточно длинные, на его вкус, объяснения. Некоторые сууры ухитрились направить его энергию на что-нибудь другое, но ему всё быстро надоедало, и он снова цеплялся к экскурсоводам. Кин и его бывшая жена отпускали Барба в матик на весь день, прозрачно намекая, что будут рады, если его соберут.

Архитекторы, строившие «Гилеин путь», придумали остроумное решение: роскошный вход вёл в узкое тёмное помещение, похожее на лабиринт, правда, гораздо менее сложное. Пол и стены тут были из зеленовато-бурого сланца, издавна привлекавшего натуралистов обилием ископаемой живности. Я объяснил это группе, пока мы ждали, чтобы наши глаза привыкли к темноте, потом предложил экскурсантам походить и поразглядывать окаменелости. Те, кто предусмотрительно запасся источниками света (дети из сувины и пожилые бюргеры на покое), разбрелись по углам. Монахиня принесла с собой план, где были отмечены самые необычные отпечатки. Я обошёл остальных, предлагая фонарики из корзины. Некоторые брали, другие отмахивались. Наверное, это были контрбазские фундаменталисты, которые верят, что Арб был создан сразу в нынешнем виде незадолго до времён Кноуса. Они демонстративно игнорировали эту стадию экскурсии. Ещё несколько человек были с вкладышами в ушах и слушали экскурсию в записи с жужул. Пены только вытаращились на меня и никак не отреагировали. У одного из них была подвязана рука. Мне потребовалось несколько минут на очевидное умозаключение: это та самая компания, которая напала на Лио и Арсибальта. Я сразу почувствовал себя неуютно в стле, замотанной так, что её легко нахлобучить на лицо, и пожалел, что не помню, как теперь заматывается Лио.

Отойдя подальше от пенов, я объявил:

– Помещение, в котором мы находимся, имеет двоякий смысл. С одной стороны, здесь можно посмотреть на ископаемые организмы – по большей части нелепые и забавные, не развившиеся в известных нам животных. Тупиковые ветви эволюции. С другой стороны, оно символизирует мир мысли до Кноуса. Тогда существовал зоопарк воззрений, которые нам по большей части показались бы дикими. Это тоже эволюционные тупики. Они практически исчезли с лица Арба, а если и сохранились, то лишь у примитивных племён. – Говоря, я вёл экскурсантов извилистым коридором к более просторному и светлому залу. – Они исчезли из-за того, что произошло с этим человеком на берегу реки семь тысячелетий назад.

Я вошёл в ротонду, ускорив шаг, чтобы экскурсанты тоже поторопились.

Теперь длинная пауза, чтобы не испортить впечатление. Центральной скульптуре было больше шести тысяч лет, и она чуть ли не со дня своего создания считалась признанным шедевром мирового искусства. Как она попала на этот континент и в нашу ротонду – история длинная и увлекательная сама по себе. Белая мраморная статуя в два человеческих роста, казавшаяся ещё выше из-за громадного постамента, изображала Кноуса, жилистого старца с длинными волнистыми волосами и бородой, полулежащего на корнях могучего дерева. Он в благоговейном ужасе обратил взор к небу и как будто хотел заслониться рукой от представшего ему видения, но всё же не утерпел и взглянул. Другая его рука сжимала стиль. У ног валялись линейка, циркуль и табличка с вычерченными на ней кругами и многоугольниками.

Барб, когда впервые сюда вошёл, не смотрел на потолок. Барбовы мозги так устроены, что выражения лиц ничего ему не говорят. Остальные – даже я, хоть и был здесь не первый раз, – подняли глаза, силясь понять, что так подействовало на беднягу Кноуса. Разгадка (по крайней мере с тех пор, как статую поставили сюда) заключалась в том, что Кноус смотрит на окулюс – треугольное окно в куполе ротонды, из которого льётся свет.

– Кноус был старший каменщик, – начал я. – Сохранилась древняя табличка, написанная до того, как ему было видение. Там он характеризуется прилагательным, буквально означающим «возвышенный». Это можно понимать двояко: либо он был особо искусным каменщиком, либо почитался за праведника. По приказу царя он строил храм местному богу. Камень добывали двумя милями выше по реке и доставляли к месту строительства на плотах.

Тут один из пенов задал вопрос, и мне пришлось объяснить, что дело происходило далеко, поэтому речь не о наших реках и каменоломнях. Чья-то жужула заорала весёленький мотивчик; я дождался, пока владелец её приглушит, и продолжил:

– Кноус записывал результаты измерений на восковой табличке и шёл к каменоломне, чтобы дать задание рабочим. Однажды он бился над особенно трудной задачей по геометрии блока, который предстояло вытесать. Он сел решать её под сенью дерева на берегу реки, и здесь ему было видение, изменившее его сознание и жизнь. До этого места всё сходится. А вот само видение мы знаем опосредованно, в пересказе этих женщин. – Я указал на две фигуры поменьше, образующие со статуей Кноуса равнобедренный треугольник. – Его дочерей, Деаты и Гилеи, о которых говорится как о неидентичных близнецах.

Контрбазилеане меня опередили. Они уже подошли к подножию Деаты и плюхнулись на колени. Некоторые искали в сумках свечи. Другие щёлкали жужулами, делая фототипии, поэтому не видели друг друга и поминутно сталкивались. Деата была изображена в виде закутанной коленопреклонённой фигуры. Она глядела на Кноуса; одеяние закрывало её лицо от света из окулюса.

Наша Матерь Гилея, напротив, стояла прямо, сорвав с головы покров, чтобы смотреть на свет. Свободной рукой она указывала вверх. Рот её был приоткрыт, как будто она начинает излагать свои наблюдения.

Я изложил легенду о статуях. Их заказал в –2270 году базский император Тантус в дополнение к более древней статуе Кноуса, добытой при разграблении того, что осталось от Эфрады. Тогда же он захватил каменоломню, откуда брали мрамор для первой статуи. По его повелению там вырубил ещё две глыбы и доставил в Баз на специально выстроенных баржах.

Лучший скульптор того времени ваял статуи пять лет.

На церемонии открытия Тантус был потрясён выражением Гилеинового лица. Он призвал скульптора и спросил, что она собирается изречь. Скульптор отказался дать ответ. Император настаивал. Тогда скульптор объяснил, что весь смысл и вся красота статуи – в недоговорённости. Тантус восхищённо слушал. Он задал ещё много вопросов, потом обнажил императорский меч и пронзил скульптору сердце, чтобы тот не раскрыл загадку и не испортил творение своих

рук. Позднейшие исследователи ставили под сомнение эту историю, как вообще все хорошие истории, но на данном этапе экскурсии мы её всегда рассказывали, и пенам она нравилась.

На мой взгляд, композиция так явно превозносила Гилею и принижала Деату, что мне стало почти стыдно за статуи. Богопоклонники, впрочем, держались противоположного мнения. За время аперта пьедестал Деаты оброс свечами, сувенирами, цветами, мягкими игрушками, фототипиями усопших и записками. После закрытия ворот однолеткам предстояло не одну неделю выгрести этот сор.

– Деата и Гилея отправились на поиски отца и нашли его в глубоком раздумье под деревом. Обе видели табличку, на которой он записал свои впечатления, обе слышали его рассказ. Вскоре после того Кноус чем-то оскорбил царя, и его отправили в изгнание, где он недолгое время спустя умер. Его дочери начали рассказывать две разные истории. Деата говорила, что её отец смотрел в небо, когда облака внезапно разошлись и ему предстала пирамида света, обычно скрытого от людских взоров. Он заглянул в иной мир: небесное царство, где всё исполнено совершенства. По Деатиной версии, Кноус пришёл к выводу, что идолы, которых он высекал из камня, лишь грубые подобию истинных богов, живущих в иной сфере, и надо поклоняться самим богам, а не изделиям своих рук.

Гилея утверждала, что у Кноуса было снизрение о геометрии. То, что её сестра Деата ошибочно приняла за пирамиду света, было на самом деле равносторонним треугольником: не грубым его подобием, вроде тех, что Кноус рисовал на табличке с помощью циркуля и линейки, но чисто теорическим объектом, о котором можно делать абсолютные утверждения. Треугольники, которые мы видим и измеряем в физическом мире, – всего лишь более или менее верное изображение совершенных треугольников, существующих в высшем мире. Мы должны не смешивать одно с другим, а изучать чисто теорические объекты.

– Вы заметите, что из этого помещения есть два выхода, – продолжал я, – один слева от Деаты, другой справа от Гилеи. Они символизируют раскол между последователями Деаты, которых мы называем богопоклонниками, и последователями Гилеи, которых в древности называли физиологами. Если вы пройдёте в Деатину дверь, то скоро окажетесь снаружи и без труда отыщете унарские ворота. Многие посетители так и делают, думая, что уже посмотрели всё интересное. Но если вы пройдёте за мной в другую дверь, значит, вы избрали Гилеин путь.

Я дал им несколько минут, чтобы походить и пощёлкать, затем повёл всех, кроме паломников, оставшихся у Деаты, в галерею с экспозицией, посвящённой послекноусовым временам.

Галерея заканчивалась диорамой: прямоугольным помещением со сводчатым потолком и клересторием – рядом окон, ярко освещавших фрески. Центральное место в композиции занимал макет Орифенского храма. Я объяснил, что его основал Адрахонес, открыватель теоремы Адрахонеса, утверждающей, что в прямоугольном треугольнике квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов. В память об этом событии пол украшали многочисленные графические доказательства теоремы, каждое из которых можно было понять, если просто долго на него смотреть.

– Сейчас мы в периоде примерно с две тысячи девятисотого года до Реконструкции по минус две тысячи шестисотый, – сказал я. – Адрахонес превратил Орифену в храм, посвящённый изучению ГТМ, то есть Гилеина теорического мира – уровня бытия, представшего Кноусу в видении. Вы заметите, что сюда есть ещё один вход, снаружи. Он сделан в память о том, что многие, примкнувшие к богопоклонникам, входили сюда, так сказать, с улицы и пытались примирить свои воззрения с воззрениями орифенян. Одним это удавалось лучше, другим – хуже.

Я взглянул на пенов. В ротонде они довольно долго прикидывали размеры некоторых анатомических деталей Кноуса, скрытых под складками одеяния, потом заспорили, кто аппетитнее: Деата в коленной позиции или начавшая раздеваться Гилея. Здесь они собрались у самой большой фрески. На ней разгневанный чернородый мужчина с граблями сбегал по ступеням храма к игрокам в кости, чьи лица, помимо ужаса перед атакующим, несли в себе

черты явного душевного нездоровья. Пены разглядывали фреску с удовольствием. Они вели себя вполне мирно, поэтому я подошёл и объяснил:

– Это Диакс. Он знаменит дисциплиной мысли. Его всё больше и больше огорчало засилье фанатов. Эти люди не понимали, что для орифенян математика, и придумывали всякие бредовые культы чисел. Как-то Диакс вышел из храма после пения анафема и увидел, как они гадают на игральных костях. Он так разъярился, что выхватил у садовника грабли и прогнал гадалщиков из храма. После этого Диакс завёл там свои порядки. Он придумал термин «теорика», и его последователи стали именовать себя теорами в отличие от фанатов. Диакс сказал очень важную для нас вещь: нельзя верить во что-то только потому, что нам так хочется. Мы называем этот принцип «грабли Диакса» и повторяем его про себя как напоминание, что субъективные эмоции не должны затуманивать наш взгляд.

Объяснение оказалось чересчур длинным для пенев – они повернулись ко мне спиной, как только я закончил про драку граблями. Я заметил, что у одного из них – с подвязанной рукой – по хребту идёт странный костный вырост, на несколько дюймов выступающий за ворот футболки. Вообще-то его закрывали края бурнуса, но, когда пен поворачивался, они разошлись. Вырост походил на второй, внешний хребет, прикрепленный к природному. Сверху располагалась прямоугольная табличка, меньше моей ладони, с кинаграммой: большой схематичный человек бьёт маленького кулаком. Это была та самая нашлёпка, о которой нам с Ороло рассказал Кин; видимо, из-за неё-то и не действовала рука.

Потолочная роспись в дальнем конце представляла извержение Экбы и гибель храма. В следующих галереях экспозиция рассказывала о периоде странствий; семи великим и сорока малым странникам было отведено по отдельной нише.

Отсюда мы вышли в огромный овальный зал. Здесь статуи и фрески были посвящены золотому веку теорика, связанному с городом-государством Эфрадой. В одном конце зала Протес вперил взгляд в нарисованные на потолке облака. В другом его учитель Фелен шагал по Плоскости, сопровождаемый собеседниками, чьи лица выражали разные степени пиетета, обожания, стыда или обиды. Двое, замыкавшие шествие, перешёптывались – намёк на то, что Фелена осудят и ритуально казнят. Большая фреска на стене изображала город: я показал храмы богопоклонников на самом высоком холме, где Фелена предала смерти, рынок у подножия – периклиний, открытое место в центре периклиния, называемое «плоскостью» (здесь геометры чертили на земле фигуры и вели публичные диспуты), а также увитые виноградом беседки, в которых теоры учили фидов (отсюда наше слово «сувина», означающее «под виноградом»). С точки зрения монахини, уже ради этой одной фрески стоило прийти на экскурсию.

Мы переместились в дальний конец зала и стали разглядывать теоров, стоящих по правую руку от императоров и военачальников. Отсюда был естественный переход к последнему большому залу «Гилеино пути», посвящённому величию База, его храмов, capitoлия, библиотеки, стен, дорог, армий и (чем дальше к концу зала, тем больше) его скинии. С какого-то момента в роли советников при императорах и военачальниках фигурировали уже не теоры, а служители религии. Теоры переместились на задний план – там они сидели на ступенях библиотеки или шли в capitoлий, чтобы безуспешно взывать к сильным мира сего.

Фрески, изображавшие разорение База и сожжение библиотеки, обрамляли выход – несоответственно узкую и простую арку, которую легко было бы не заметить, если бы не статуя Картазии; держа в руке несколько обгорелых, истрёпанных книг, светильница оглядывалась через плечо, словно приглашала следовать за собой. Помещение за аркой – совершенно пустое, с голыми стенами и высоким сводчатым потолком – символизировало возникновение матиков и начало Древней матической эпохи, обычно датируемое минус тысяча пятьсот двенадцатым годом.

Дальше «Гилеин путь» огибал унарский клуатр и заканчивался. В дальних галереях предполагалось когда-нибудь сделать экспозицию, посвящённую возвышению мистагогов, Пробуж-

дению, эпохе Праксиса, даже, возможно, Предвестиям и Ужасным событиям. Однако всё стоящее мы посмотрели, и здесь экскурсии обычно заканчивались.

Я поблагодарил гостей, сказал, что они могут на обратном пути лучше осмотреть любые заинтересовавшие их залы, напомнил, что мы ждём их сегодня на ужин в честь Десятой ночи, и предложил задавать вопросы.

Пены увлечённо разглядывали фрески с боями и сожжением библиотеки в имперской галерее. Пожилой бюргер вышел вперёд и поблагодарил меня за интересную экскурсию. Дети из сувины спросили, что я сейчас изучаю. Двое, подошедшие последними, терпеливо ждали, пока я пытался объяснить детям теорические предметы, о которых те слыхом не слыхивали. Через минуту монахиня пожалела меня (или детей) и увела их.

Опоздавшие были мужчина и женщина лет пятидесяти с лишним. Мне не показалось, что у них между собой отношения. Деловые костюмы позволяли предположить в них коллег по бизнесу. У обоих на шее висели карточки, какие в экстрамурсе служат удостоверениями личности и пропусками. Здесь они были не нужны, поэтому и мужчина, и женщина убрали свои в нагрудный карман – на виду остался только шнурок. Экскурсию они слушали внимательно, ходили с группой и тихонько обменивались наблюдениями.

– Меня удивили твои замечания о дочерях Кноуса, – сказал мужчина. Он говорил как жители той части материка, где города крупнее и расположены чаще и где в конценте может быть по десятку-полтора капитулов, а не три, как у нас.

Он продолжил:

– Я бы ожидал, что инак скорее подчеркнёт разницу между ними. Однако мне показалось, что ты намекаешь чуть ли не на...

Он замолчал, как будто подбирая слово, которого нет во флукском.

– Общность? – подсказала женщина. – Параллель между ними?

Судя по выговору, а также по оттенку кожи и типу лица, она была с материка, на котором сейчас территориально базировалась мирская власть. К этому времени я составил для себя довольно правдоподобное объяснение, кто они такие. Они живут далеко отсюда в больших городах, работают в одной компании глобального масштаба, зачем-то приехали в её местное отделение, услышали про последний день аперта и решили посвятить часа два экскурсии. Оба, как я догадывался, в молодости провели в унарском матике по меньшей мере несколько лет. Может быть, мужчина подзабыл орт и ему легче говорить на флукском.

– Думаю, многие исследователи согласились бы, что и Деата, и Гилея учат не путать символ с символизируемым, – сказал я.

Мужчина вскинулся, как будто я ткнул ему пальцем в лицо.

– Что за способ начинать фразу? «Думаю, многие исследователи согласились бы...»

Почему не сказать прямо?

– Хорошо. И Деата, и Гилея учат не путать символ с символизируемым.

– Уже лучше.

– Для Деаты символ – идол. Для Гилеи – треугольник на табличке. Символизируемое для Деаты – бог на небесах. Для Гилеи – чисто теорический треугольник в ГТМ. Вы согласны, что тут я вправе говорить об общности?

– Да, – нехотя кивнул мужчина. – Однако инаки редко бросают аргументы на полпути. Я всё ждал, когда ты разовьёшь их дальше, как в диалоге.

– Я понял. Но тогда я был не в диалоге.

– Зато ты в диалоге сейчас!

Я счёл это шуткой и вежливо хохотнул. Мужчина сухо улыбнулся, но в целом его лицо осталось серьёзным. Женщина, похоже, немного смутилась.

– Но *тогда* я был не в диалоге. Тогда я рассказывал историю и хотел, чтобы она выглядела логичной. Если Деата и Гилея взяли одну идею и отобразили на разные области, то логика есть. Если бы в моём изложении они утверждали прямо противоположные вещи, логика бы пропала.

– Логика бы осталась, если бы ты представил Деату сумасшедшей, – возразил он.

– Да, возможно. Наверное, из-за того, что в группе было много богопоклонников, я постарался не задевать их чувства.

– То есть ты говорил то, во что не веришь, просто из вежливости?

– Это скорее вопрос акцентов. Я и впрямь верю в то, что говорил про общность. И вы тоже, потому что тогда со мной согласились.

– Насколько такие умонастроения модны в вашем конценте?

При этих словах женщина скривилась, как будто от нехорошего запаха, и, повернувшись к мужчине, сказала тихо:

– «Мода» – уничижительный термин, не так ли?

Тот продолжал, не спуская с меня глаз:

– Хорошо. Многие ли у вас думают так же, как ты?

– Это типичный процианско-халикаарнийский спор, – сказал я. – Инаки, следующие путём Халикаарна, Эвенедрика и Эдхара, ищут истину в чистой теорике. Проциане-фааниты с недоверием относятся к самой идее абсолютной истины и более склонны считать историю Кноуса сказкой. Они на словах признают Гилею ради того, что она символизирует, и потому что она не так плоха, как её сестра. Однако они верят в ГТМ не больше, чем в небеса.

– А эдхарианцы верят?

Женщина стрельнула в него глазами, и он уточнил:

– Я назвал эдхарианцев только потому, что здесь, как-никак, концент светителя Эдхара.

Будь этот человек моим фраа, я бы говорил свободнее. Однако он был мирянин, причём чересчур осведомлённый, и держался как большая шишка. Даже и так, в первый день аперта я мог бы что-нибудь брякнуть. Однако наши ворота стояли открытыми десять дней, и я успел восстановить некоторые зачаточные социальные навыки, поэтому ответил не за себя, а за свой концент. Точнее, за эдхарианский орден, поскольку все эдхарианские капитулы мира считают наш концент своей колыбелью, и у них на стенах висят изображения нашего собора.

– Если бы вы спросили эдхарианца напрямик, он бы не спешил в этом признаваться, – сказал я.

– Почему? Ведь здесь концент светителя Эдхара.

– Он был расформирован, – сказал я. – После Третьего разорения две трети эдхарианцев перевели в другие конценты, чтобы освободить место для капитулов Нового круга и реформированных старофаанитов.

– А, так власти внедрили сюда проциан, чтобы за вами приглядывать?

Тут уж женщина не выдержала и предостерегающе взяла его за локоть.

– Вы, похоже, считаете меня эдхарианцем, – сказал я. – Но я ещё не прошёл элигер и не знаю даже, примет ли меня орден светителя Эдхара.

– Что ж, желаю тебе в него вступить. Ради твоего блага.

Разговор становился всё более странным, и теперь я уже не понимал, как отвечать. По счастью, на помощь пришла женщина:

– Просто из-за того, что происходит вокруг небесного эмиссара, мы по пути сюда обсуждали, не оказывается ли на инаков давление. И хотели понять, не отражают ли твои взгляды на Деату и Гилею некое мирское влияние.

– Занятно, – отвечал я. – Кстати, о небесном эмиссаре я услышал всего несколько дней назад. Если мои взгляды на Деату и Гилею что-нибудь и отражают, то лишь мои последние размышления.

– Очень рад.

Мужчина повернулся ко мне спиной. Женщина через плечо бросила: «Спасибо», и они оба зашагали к клуатру.

Довольно скоро часы начали вызванивать провенер. Я прошёл через унарский кампус. Там всё было вверх дном. Инаки и нанятые экстрамуросские рабочие убирали дормитории, куда предстояло заселиться следующему подростку.

В кои-то веки я добрался до собора с большим запасом времени. Здесь я отыскал Арсибальта и сообщил ему о четырёх пенах. Лио подошёл к концу разговора, и, пока мы облачались, мне пришлось ещё раз всё повторить. Джезри заявился последним, сильно выпивши. Родные закатали ему семейную встречу.

Когда перед самым началом службы примас вошёл в алтарь, с ним были двое в пурпурных облачениях. Нас довольно часто посещали иерархи из других концентров, так что я не удивился. Шапки на них были не совсем обычной формы. Арсибальт первым сообразил, что это означает.

– Кажется, у нас два почётных гостя из инквизиции, – сказал он.

Я взглянул через алтарь и узнал мужчину и женщину, с которыми говорил раньше.

Следующие полдня я расставлял на лугу столы. По счастью, в паре со мной работал Арсибальт. С ним не всегда просто, но мышцы у него под жирком, от ежедневного заведения часов, как у быка.

На протяжении трёх тысяч лет концент принимал все складные столы и стулья, которые ему жертвовали, и ни разу ни одного не выкинул. Лишь однажды такая политика оправдалась: на миллениальный аперт 3000 года, когда двадцать семь тысяч пятьсот паломников прошли в ворота, чтобы за сытной трапезой встретить конец света. У нас были стулья из бамбука, алюминиевого профиля, авиакосмических композитов, прессованного полипласта, старой арматуры, резного дерева, лозы, новоматерии последнего поколения, чурбаков, сваренного металлолома и плетёной травы. Столешницы могли быть из горбыля, ДСП, экструдированного титана, бумажных отходов, листового стекла, ротанга или других материалов, об истинной природе которых мне даже думать не хотелось. Длина варьировала от двух до двадцати четырёх футов, вес – от былинки до бычьей туши.

– Казалось, за такой срок кто-нибудь мог бы изобрести... ну, скажем... колесо, – заметил Арсибальт, когда мы ворочали двенадцатифутовую махину, которая, судя по виду, в Древнюю матическую эпоху служила щитом от вражеских копий.

Вытаскивать из подвалов и с чердаков всё это старьё казалось невероятной глупостью. Отсюда уже несложно было перевести разговор на инквизицию.

Суть Арсибальтовых объяснений сводилась к тому, что приезд инквизиторов ничего серьёзного не означает, если только это не что-нибудь серьёзное, и тогда это уже действительно очень серьёзно. Инквизиция давным-давно превратилась в «относительно не шизофренический, даже забюрократизированный процесс». И впрямь, мы видели мать-инспектрису и её сотрудников постоянно, даже когда ничего плохого не происходило. Они числились по ведомству примаса, но формально были подразделением инквизиции и даже имели власть в некоторых случаях отстранять примаса (Арсибальт, разговорившись, упомянул несколько давних прецедентов с сумасшедшими или преступными примасами). Во всех концентах мира следовало поддерживать единый стандарт, иначе Реконструкция пошла бы прахом. Как бы это осуществлялось без элитной группы иерархов (чаще всего инспекторов, которые наложили на своих многострадальных фраа и суур столько епитимий, что начальство их заметило и повысило), разъезжающих по концентам и за всем присматривающих? Странно, что я их только сейчас заметил.

– У меня тут перед самым провенером случился один чудной разговор, – сказал я.

Мы расставляли уже второй акр столов. Сууры и младшие фраа суетились за нами, застилали столы бумагой и придвигали стулья. Старые и мудрые фраа тянули верёвки, поднимая

над нами почти невесомый каркас для тента. Посреди луга, в кухне под открытым небом, старые сууры пытались свести нас в могилу ароматом блюд, предназначенных для вечерней трапезы. Мы с Арсибальтом уже десять минут кряду воевали с механическими зажимами особенно головоломного стола из списанных армейских запасов мировой войны пятого столетия. Чтобы ножки не складывались, надо было в строго определённой последовательности нажать несколько кнопок и рычажков. Под столешницу был подсунут многократно сложенный бурый лист с указаниями, составленными в 940 году неким фраа Боло, сумевшим разложить стол и желавшим похвалиться своим достижением перед будущими поколениями инаков. Однако он использовал невероятно мудрёную терминологию, и к тому же листок погрызли мыши. Когда мы уже готовы были утратить терпение, сбросить стол с президия, предать кодекс фраа Боло адскому пламени и рвануть в экстрамурос за выпивкой, Арсибальт предложил сесть и передохнуть. Тогда-то я и рассказал ему про свой разговор с Вараксом и Онали – разведка донесла, что так зовут инквизитора с инквизиторшей.

– Переодетые инквизиторы. Хм. Впервые слышу. – Арсибальт увидел моё испуганное лицо и добавил: – Впрочем, это ничего не значит. Систематическая ошибка наблюдения. Инквизиторы, которых нельзя отличить от простых людей, естественно, остаются незамеченными.

Почему-то его слова не очень меня успокоили.

– Им надо как-то ездить, – сказал Арсибальт. – Я никогда не задумывался как. Вряд ли у них собственные воздушолёты или поезда, верно? Куда разумней одеться как все и просто купить билет. Наверняка они приехали с аэродрома, как раз когда начиналась твоя экскурсия, и решили посмотреть на статуи в ротонде. Не вижу тут ничего странного. Они бы всё равно туда пошли, раньше или позже.

– Звучит правдоподобно. И всё равно я чувствую, что... влип.

– Влип?

– Ага. Варакс хитростью вытянул из меня такие вещи, какие я ни за что не сказал бы инквизитору.

– Тогда зачем ты сказал их человеку, которого видел первый раз?

Я ждал совершенно другого дружеского участия, что и постарался выразить взглядом.

– И что ты такого ужасного выболтал? – спросил Арсибальт.

– Ничего, – отвечал я. – То есть я говорил очень по-гэтээмовски, очень по-эдхариански.

Если Варакс – процианин, он теперь меня ненавидит.

– И всё-таки я не вижу тут ничего из ряда вон выходящего. Целые ордена прекрасно существовали тысячи лет, утверждая куда большие нелепости, и никто их не трогал.

– Знаю.

Я посмотрел на дальнюю сторону луга и заметил фраа Корландина – он вместе с несколькими другими членами Нового круга готовился репетировать песню, которую им предстояло исполнить во время застолья. Даже за сто футов было видно, как они улыбаются и пожимают друг другу руки. От них так и разило самоуверенностью. Мне хотелось походить на них, а не на замшелых эдхарианских теоров, до хрипоты спорящих о сумме векторов в узлах тентового каркаса.

– Когда я сказал «влип», я, наверное, имел в виду и другое. Варакс передаст мои слова сууре Трестане, а та – своему окружению.

– Боишься, что тебя не возьмут в Новый круг?

– Да.

– Тебе же лучше. Меньше будет хая.

– Какого хая?

– Который поднимется, когда почти весь наш подрост уйдёт к эдхарианцам. Новому кругу и реформированным старофаанитам достанутся объедки.

Я словно невзначай огляделся, проверяя, не слышит ли нас кто-нибудь из тех, кого Арсибальт назвал «объедками». Однако поблизости никого не было, кроме дряхлого прафраа Ментаксенеса, который очень хотел приложить себя к делу, но из гордости не мог об этом сказать. Я сунул ему в руки поеденное мышами творение фраа Боло и попросил перевести. Старичок несказанно обрадовался. Мы с Арсибальтом оставили его разбирать документ, а сами отправились в собор за следующим столом.

– Почему ты думаешь, что так будет?

– Ороло говорил со многими – не только с тобой, – ответил Арсибальт.

– Вербовал?

– Вербует Корландин, вот почему мы ему не верим. Ороло просто разговаривает и предлагает нам делать собственные выводы.

Прехня. 1. (флук. конца эпохи Праксиса – начала Реконструкции)

Всякое искажение истины, особенно намеренная ложь либо умышленное запутывание вопроса. **2.** (орт.) Более технический и клинический термин, означающий речь (обычно, но необязательно, политическую либо коммерческую), в которой используются эвфемизмы, сознательная расплывчатость, отупляющие повторы и другие риторические уловки, создающие впечатление, будто что-то и впрямь сказано. **3.** Согласно воинам св. Халикаарна, радикального ордена во втором тысячелетии от РК, всякое устное либо письменное высказывание древних сфеников, мистагогов Древней матической эпохи, коммерческих и политических институтов эпохи Праксиса и, после Реконструкции, всякого, кто, на их взгляд, был заражён процианским менталитетом. Привычка воинов св. Халикаарна прерывать этим словом лекции, диалоги, частные беседы и т. п. углубила раскол между процианскими и халикаарнийскими орденами, характерный для матического мира накануне Третьего разорения. Вскоре после разорения все воины св. Халикаарна были отброшены, и других сведений о них не сохранилось. (Частое изображение членов ордена в мирской развлекательной продукции объясняется тем, что их путают с инкантерами.)

Прим.: в матическом мире это слово, выкрикнутое в калькории или трапезной, вызывает в памяти события, связанные с 3-м значением, и потому крайне нежелательно. Произнесённое спокойным тоном, воспринимается во 2-м значении, давно утратившем всякие грубые коннотации. В секулюме может быть воспринято в 1-м значении и сочтено вульгарным или даже оскорбительным. По своей природе обитатели экстрамураса, склонные нести П., чаще других обижаются (либо делают вид, что обижаются), когда им на это указывают. Таким образом, обитатель матика оказывается практически в безвыходном положении. Он вынужден либо употребить «неприличное» слово, прослыть грубияном и оказаться исключённым из цивилизованного речевого общения, либо сказать то же самое иначе, то есть включиться в распространение П. и поддержать явление, с которым собрался бороться. Последнее, возможно, объясняет исключительную стойкость и неистребимость П. Разрешить дилемму данному словарю не под силу, так что вопрос следует предоставить иерархам, занятым взаимодействием с секулюмом. Син.: *брендятинна*.

«Словарь», 4-е издание, 3000 год от РК.

Тент кое-как подняли. Каркас – ровесник концента – был сделан из новоматерии; с наступлением темноты он начал излучать мягкий свет, который лился со всех сторон и при-

давал цветущий вид даже прафраа Ментаксенесу. Под навесом справляли Десятую ночь тысяча двести гостей, триста деценариев и пятьсот унариев.

Аперт восходит к празднику урожая, совпадавшему с концом календарного года. Благодаря цепочкописи, успешно практиковавшейся до Второго разорения, овощи у нас созревали почти круглый год. Более нежные культуры мы зимой выращивали в теплицах. Но еда только что с клуста в самый сезон – совершенно другое дело!

Клусты изобрели задолго до времён Кноуса жители материка, лежащего по другую сторону арбского шара от Эфрады и База. Попкорница росла прямо из земли и достигала высоты человеческого роста. К концу лета на ней поспевали увесистые початки из разноцветных зёрен. Тем временем её стебли служили подпорками для стручковых бобов, которые обеспечивали нас белками и обогащали почву азотом, необходимым для попкорницы. В переплетении бобовых стеблей зрели ещё три вида овощей: дальше всего от почвы, чтобы до них не добирались жуки, жёлтые, красные и оранжевые поматы, источник витаминов, придающие вкус нашим салатам и рагу. Внизу – стелющиеся горлянки. Посередине – полые внутри перечницы. Два вида клубней росли под землёй, а листовые овощи ловили оставшийся свет. Древние клусты включали восемь растений; за тысячи лет аборигены добились от них такой урожайности, какую только можно выжать, не залезая в цепочки. Мы ещё повысили урожайность и добавили четыре типа растений, из которых два были нужны исключительно для обогащения почвы. В это время года наши клусты, высаженные с первым весенним теплом, радовали изобилием цветов и запахов, неведомых экстрамуросу. В аперт мы угощали мирян своим богатством, а заодно избавляли их от младенцев, у которых было мало шансов пережить зиму.

Я занял место для Корд и её парня. Ещё Корд привела нашего двоюродного брата, пятнадцатилетнего паренька по имени Дат. Я смутно его помнил. Он был из тех малышей, которых вечно возят во врачебную слободу с самыми невероятными травмами. Дат каким-то образом выжил и даже явился на аперт одетый вполне прилично. Его многочисленные шрамы скрывала курчавая шевелюра.

Арсибальт постарался сесть напротив «обворожительной» Корд; насчёт Роска он, кажется, ничего не понял. Джебри усадил свою семью за соседний стол, так что мы с ним оказались спина к спине. Потом Джебри отыскал Ороло и уговорил сесть с нашей компанией. Лио и ещё несколько неприкаянных одиночек потянулись вслед за Ороло, после чего свободных стульев рядом с нами не осталось.

Дат был из тех, кто в простоте душевной без стеснения задаёт самые что ни на есть фундаментальные вопросы. Я старался отвечать в том же духе:

– Ты знаешь, что я пен, братец. Так что разница между нами и пенами не в том, что мы умнее. Причина, очевидно, в другом.

К тому времени мы уже так давно ели, пили, болтали и пели старые песни, что понятно было: разницы никакой нет. Дат, несмотря на все свои детские травмы, сумел сохранить мозги: он смотрел вокруг, всё примечал, а потом спросил, зачем нужно возводить стены, делиться на интрамурос и экстрамурос?

Ороло повернулся и внимательно поглядел на Дата.

– Ты бы лучше понял, если бы увидел точечный матик, – сказал он.

– Точечный матик?

– Иногда это просто однокомнатная квартирка с электрическими часами на стене и вместительным книжным шкафом. Иначе живёт в полном одиночестве, без спиля, без жужулы. Может быть, раз в несколько лет к нему заглядывает инквизитор – убедиться, что всё в порядке.

– А смысл?

– Этот самый вопрос я предлагаю тебе обдумать. – И Ороло вернулся к разговору с отцом Джебри.

Дат поднял руки, словно сдаваясь. Мы с Арсибальтом рассмеялись, но не над ним.

– Вот так па Ороло и делает своё грязное дело, – заметил я.
– Сегодня ночью ты не заснёшь – будешь размышлять над его словами, – добавил Арсибальт.

– Ну помогите же мне! Я ведь не фраа! – взмолился Дат.

– Что заставляет человека сидеть в однокомнатной квартирке, читать и думать? – спросил Арсибальт. – Чем он должен отличаться от других, чтобы ему нравилась такая жизнь?

– Не знаю. Может, он просто на улице не любит выходить? Боится открытого пространства?

– Агорафобия – неверный ответ, – произнёс Арсибальт с лёгким раздражением.

– Что, если места, куда он попадает, и вещи, которые он встречает по ходу работы, интереснее материального мира вокруг? – подсказал я.

– Ну-у-у... – протянул Дат.

– Можно сказать, разница между вами и нами в том, что мы заражены видением... другого мира. – Я чуть было не сказал «высшего», но ограничился прилагательным «другой».

– Мне не нравится твоя метафора с заражением, – начал Арсибальт на ортском. Я пнул его под столом коленкой.

– Что-то вроде другой планеты? – спросил Дат.

– Интересный взгляд, – сказал я. – Большинство из нас не думает о нём как о другой планете в духе фантастических спилей. Может, это будущее нашего мира. Может – альтернативная вселенная, куда нам не попасть. Или вообще чистая фантазия. Но, так или иначе, он живёт в наших душах, и мы, вольно или невольно, к нему стремимся.

– И какой он, этот мир? – спросил Дат.

У меня за спиной заиграла чья-то жужула. Мелодия была негромкая, но почему-то от неё у меня напрочь заклинило мозги.

– Например, в нём нет *этого*, – сказал я.

Жужула не умолкала, и я оглянулся. Все в радиусе двадцати футов смотрели на старшего брата Джекери, который хлопывал себя по бокам, ища, в каком кармане звонит. Наконец он нашёл жужулу и заглушил. Потом встал (как будто привлёк к себе ещё недостаточно внимания) и громко выкрикнул своё имя. «Да, доктор Грейн, – продолжал он, глядя в пространство, словно медитирующий подвижник. – Ясно. Ясно. А люди им тоже заражаются? Неужели?! Я пошутил. И как мы будем это объяснять?..»

Люди вернулись к еде, но разговоры возобновлялись со скрипом, потому что брат Джекери продолжал что-то энергично вещать.

Арсибальт прочистил горло, как умел только Арсибальт: звук был такой, словно наступил конец света.

– Сейчас будет говорить примас.

Я обернулся и взглянул на Джекери, который тоже увидел, что примас встал, и теперь махал брату руками, но тот смотрел сквозь него, как сквозь стекло. Он выбивал тариф на оптовую партию биопсий и не собирался сдавать позиции. Женщинам – сёстрам и невесткам Джекери – стало стыдно за родственника, и они принялись тянуть его за одежду. Тот повернулся и пошёл прочь от стола. «Простите, доктор, я не расслышал последнюю фразу. Что-то насчёт личинок?» Впрочем, в его оправдание надо сказать, что многие другие тоже говорили по жужулам или чего-нибудь ещё с ними делали.

Примас уже обращался к нам дважды. Первый раз якобы с целью всех приветствовать, а на самом деле – чтобы мы быстрее расселись. Второй раз – чтобы зачитать воззвание, написанное самим Диаком, когда у того на руках ещё не зажили мозоли от граблей. Если бы вы понимали протоортский и были при этом ярким фанатом, ищущим в числах загадочный мистический смысл, вам бы стало не по себе. Все остальные просто почувствовали, что торжественные слова придают празднику особую атмосферу.

Теперь он объявил, что перед нами выступит группа эдхарианцев. Флукским Стато владеет плохо, и получилось, как будто он *приказывает* нам получать удовольствие. Грянул смех. Стато растерялся и принялся спрашивать инквизиторов (сидевших по обе стороны от него), что он не так сказал.

Трое фраа и две сууры исполняли пятиголосный хорал, а ещё двенадцать топтались перед ними. На самом деле они не топтались, просто так это выглядело с того места, где мы сидели. Каждый из них изображал верхний или нижний индекс в теорическом уравнении с несколькими тензорами и метрикой. Двигаясь туда-сюда наперерез друг другу и меняясь местами перед столом иерархов, они разыгрывали вычисление кривизны четырёхмерного многообразия, включающее различные шаги: симметризацию, альтернирование, поднятие и опускание индексов. Для человека, не знающего теории и смотрящего сверху, это должно было напоминать контрданс. Инаки пели чудесно, хоть их и прерывало каждые несколько секунд треньканье жужул.

Потом мы снова ели и пили. Затем фраа из Нового круга исполнили свою песню, которую публика приняла много лучше, чем тензорный танец. После этого снова ели и пили. Стато рулил процессом виртуозно, как Корд – своей пятикоординатной машиной. На нашей памяти он, как правило, не перетруждался, но сегодня явно отработал свой ужин. Для гостей аперт был просто дармовым угощением с чудной развлекательной программой, но на самом деле он представлял собой ритуал не менее древний и значительный, чем провенер. Чтобы не навлечь на себя упреки инквизиторов, надо было поставить целый ряд галочек, а Стато, по складу характера, всё бы делал досконально, даже не сиди Варакс и Онали по обе стороны от него.

Фраа Халигастрема попросили сказать несколько слов от имени эдхарианского капитула. Он попытался говорить о том же, что я объяснял Дату, и получилось ещё хуже. Если просто подойти к фраа Халигастрему и задать вопрос, то можно заслушаться, но с подготовкой он говорил ужасно, а раздающиеся то и дело звонки жужул сбивали его с мысли, так что вместо речи получился ворох обрывков. В памяти у меня остался только последний: «Если в моих словах вам послышалась некая неопределённость, так это потому, что она в них есть; если вас это коробит, значит, вам у нас не понравится, а если вы ощутили радость, то, возможно, нашли своё место в жизни».

Следующим выступил фраа Корландин от Нового круга.

– Последние десять дней я пробыл с родными, – объявил он, с улыбкой глядя на бюргеров за своим столом. (Те тоже заулыбались.) – Они любезно собрали на аперт всю семью. У каждого из них, как и у меня здесь, своя напряжённая жизнь, но на эти дни мы отложили всю работу, все дела и обязанности, чтобы побыть вместе.

– А я так спили смотрел, – заметил Ороло негромко, так что кроме меня его услышали, наверное, человека четыре. – С большим количеством взрывов. Некоторые очень даже ничего.

Корландин продолжал:

– Приготовление обеда – будничное дело, которым мы вынуждены заниматься, чтобы не умереть с голода, – превратилось в нечто совершенно иное. Когда моя тётя Прин накалывает верхнюю корочку пирога, она не просто делает отверстия для выпуска избыточного давления, а творит обряд, уходящий вглубь поколений, можно сказать, обращается к предкам, наносившим на пирог тот же узор. Когда мы обсуждали, как дедушка Мирт, прочищая водосток, упал с навеса над крыльцом, мы не просто делились информацией об опасностях ремонтных работ, а со смехом и слезами выражали взаимную любовь. Так что, можно сказать, всё на самом деле не таково, каким представляется на первый взгляд. В другом контексте это показалось бы зловещим, но мы-то все поняли. И вы поняли. Вот примерно так же обстоит дело и с тем, чем мы, фраа и сууры, занимаемся в конценте. Спасибо.

И Корландин сел.

Ропот инаков, не уверенных, что они согласны с Корландином, заглушили аплодисменты большинства гостей. Затем бедная суура Франдлинга должна была встать и произнести несколько слов от имени реформированных старофаанитов, но с тем же успехом она могла бы читать экономическую сводку – никто её не слушал. Большинству инаков не понравилось лицемерное красноречие Корландина, в том числе Ороло, но даже он признал, что Корландин сгладил неловкость и, возможно, завоевал нам кое-какие симпатии в экстрамурсе.

– Знаешь, как отличить настоящего демагога?

– Не знаю. Ну?

– Ты ничего не замечаешь, пока кто-нибудь, старший и мудрый, не скажет: да это демагог. И тогда тебе хочется провалиться сквозь землю.

Затем последовало ещё пение, потом все мы, инаки, встали, чтобы принести чистые тарелки и сладкое.

Выступления, пугающе торжественные в начале, теперь стали проще и понятнее. Многие народные песни, звучащие в это время года из репродукторов в магазинах, вели происхождения от литургической музыки, созданной в матиках и просочившейся наружу в аперт. Гости удивлялись и радовались, слыша знакомые мелодии из уст закутанных в стлы сумашаев.

На сладкое были бисквитные коврижки, испечённые и поданные на больших противнях. Одна из них, естественно, оказалась перед Арсибальтом – не без его стараний. Он взял лопаточку – плоскую, металлическую, размером примерно с детскую ладонь, – и уже собирался воткнуть её в коврижку, когда мне пришла в голову мысль.

– Пусть Дат нарежет, – сказал я.

– Мы хозяева и должны ухаживать за гостями, – напомнил Арсибальт.

– Ты можешь раскладывать по тарелкам, а режет пусть Дат. – Я отнял лопаточку у Арсибальта и протянул Дату, который взял её с некоторым сомнением.

Дальше я убедил его нарезать коврижку, но не просто, а весьма специфическим образом, повторяющим старинное геометрическое построение, которое показал мне Ороло, когда я только поступил в концент и всё время плакал от разлуки со старой жизнью. Получилось не сразу, но когда до парнишки всё-таки дошло, я смог сказать:

– Поздравляю! Ты только что решил геометрическую задачу многотысячелетней давности.

– Тогда уже были коврижки?

– Нет, но была земля, которую приходилось измерять, и с ней этот фокус тоже работает.

– Хм, – промычал Дат, откусывая уголок от своей порции.

– Ты хмыкаешь, но для нас это очень важно, – сказал я. – Почему решение, пригодное для коврижки, годится и для участка земли? Коврижка и земля – разные вещи.

Для Дата, которому больше всего хотелось коврижки, разговор стал чересчур сложным, но Корд поняла, к чему я клоню.

– Наверное, у меня тут нечестное преимущество, потому что я по работе много думаю о геометрии. Но ответ в том, что геометрия, она... ну, геометрия. Чистая. Неважно, к чему её прикладывать.

– И оказывается, что то же самое верно и для других теорик, – сказал я. – Ты что-то доказываешь. Потом это доказывают совершенно другим способом. Но ответ всегда один. Кто бы ни обсуждал эти построения, в какую эпоху, что бы они ни делили – коврижку или пастбище, – все получали один и тот же ответ. Истины как будто приходят из другого мира или из другого плана бытия. Как тут не поверить, что этот мир в каком-то смысле существует на самом деле, а не только в нашем воображении! И мы бы хотели в него попасть.

– Желательно не после смерти, – вставил Арсибальт.

– Когда я вытачиваю деталь, я иногда на ней закливаюсь, – сказала Корд. – Ночами не сплю, думаю о её форме. Это приблизительно то, что вы испытываете к своей работе?

– В общем, да. У тебя в голове геометрия, и она тебя зачаровывает. Некоторые говорят, что это просто возбуждение нейронов в твоём мозгу. Однако она имеет собственную реальность. И для тебя думать об этой реальности – достойный способ провести жизнь.

Роск (парень Корд) был мануальный терапевт – лечил людей руками.

– У меня был пациент, у которого от неправильной осанки случилось защемление нерва, – сказал он. – Я советовался с учителем по жужуле, без картинок, чисто голосом. Мы долго говорили про нерв, про соседние мышцы и связки, и что надо делать, чтоб устранить проблему, и тут меня стукнуло, как же это странно: мы оба обращаемся к образу – к модели – чужого тела, которая есть у меня в мозгу и в мозгу моего учителя, но...

– Как будто бы в третьем месте, общем для вас обоих? – подсказал я.

– Такое у меня было чувство. Некоторое время оно меня мучило, потом я выкинул его из головы, решив, что у меня просто крыша едет.

– Так вот, оно мучает людей со времён Кноуса, и у нас тут вроде как заповедник для тех, кто не может выкинуть его из головы, – сказал я. – Не для всех, но безобидный.

– По крайней мере после Третьего разорения.

От того, что Роск брякнул это просто так, вышло ещё в сто раз грубее. Корд вспыхнула, и я подумал, что после ужина она скажет ему пару ласковых. Можно только гадать, понял ли сам Роск, почему всех так задела его слова.

На нас зашикали, потому что наступил тот момент актала, когда новенькие должны предстать перед столом иерархов.

В сбор попали восемь брошенных матерями младенцев. Судьба всех была уже решена: девочку, нуждающуюся в интенсивном лечении, оставят в унарном матике, где врачам будет легче за ней присматривать. У двух ещё не отпала пуповина: они отправятся в миллинарский матик с короткой остановкой у столетников. Их предстояло передать через верхний лабиринт. Остальные пятеро были чуть старше и отправлялись к центенариям.

Из тридцати шести новых ребят и девчонок семнадцать (включая Барба) поступали в наш матик, девятнадцать – в унарский (по крайней мере для начала). Со временем, если всё будет хорошо, некоторые из них переведутся к нам.

Двенадцать однополок решили перейти в наш матик. Ещё девять пришли из маленького дочернего концента в горах.

Всех их подвели к столу иерархов, поздравили и поприветствовали аплодисментами. Завтра, после закрытия ворот, им предстояла куда более нудная церемония вступления в матик. Сегодня право внести долю своего специфического занудства предоставлялось мирским властям. По традиции самый высокопоставленный из присутствующих бонз должен был встать и официально передать нам новичков. С этой минуты они переходили под матическую юрисдикцию. Мы брали на себя обязательство предоставить им кров и пищу, лечить их в случае болезни, хоронить в случае смерти и наказывать за недолжное поведение. Это было почти, как если бы они меняли гражданство, то есть с юридической точки зрения жутко важное событие, отмечавшееся принесением неких обетов и колокольным звоном. Уже практически вошло в традицию, что выступавший чиновник не упускал повода «сделать несколько замечаний».

Главным чиновником оказался обмотанный верёвками чудик, явившийся со своей свитой к десятилетним воротам в первый день аперта. Как выяснилось, это был мэр.

Поблагодарив всех, начиная с Бога, потом ещё раз тех же в обратном порядке (то есть заканчивая Богом), а затем, для подстраховки, всех людей и все сверхъестественные сущности, которые не упомянул поимённо, мэр начал:

– Даже вы, живущие в конценте светителя Эдхара, наверняка уже знаете, что кардинальная реформа префектур, осуществлённая по указанию Одиннадцатого круга архимагистратов, буквально преобразила политический ландшафт. Решение пленарного совета возрождённых сатрапий стало переломным моментом, открывшим пять из восьми тетрархий для лидеров

нового поколения, которые, могут вас смело уверить, будут куда более чуткими к надеждам и чаяниям новоконтрбазинского электората, а также наших соотечественников, принадлежащих к другим скиниям либо не входящих ни в одну скинию, но разделяющих нашу озабоченность и наши приоритеты. . .

– Если их восемь, то почему они тетрархи? – спросил Ороло. Отец Джебзри, который внимательно слушал – и даже что-то записывал! – наградил его недовольным взглядом.

– Сначала было четыре, и название сохранилось, – пояснил Арсибалт.

Отец Джебзри немного успокоился, думая, что теперь ему дадут послушать, но мы только начали.

– Кто такие новоконтрбазинцы? – спросил Лио. Брат Джебзри на него зашипел. К моему удивлению, Джебзри вступился за Лио:

– Когда ты орал про свою заразу, мы тебе рот не затыкали.

– Ага, не затыкали!

– Спорю, что это психи небесного эмиссара, – сказал я.

Теперь зашикали на меня. Отец Джебзри вздохнул, как будто отмежёвываясь от всех нас, и приложил ладонь к уху, но было поздно: мы породили ветвящееся древо взаимных погрёков. Мэр продолжал говорить о красоте наших часов, величии нашего собора, трогающем душу пении фраа и суур. Речь его была до тошноты приторна, и всё же у меня нарастало нехорошее чувство, словно он призывает весь свой электорат собраться у наших ворот с канистрами бензина. Перепалка между Джебзри и его братом превратилась в редкий снайперский огонь, сдерживаемый женщинами, которые, как по команде, сплотились в миротворческий батальон и пустили в ход всю силу взглядов и прикосновений. Брат Джебзри заявил, что мы своими мелочными придирками по поводу числа тетрархов полностью расписались в педантизме и никчёмности. Джебзри проинформировал его, что эта иконография много старше города-государства Эфрады.

Лио исчез, никто и не заметил как. Наверное, он научился этому по своим искводошным книжкам. Для человека, подвинутого на единоборствах, он исключительно плохо переносил ссоры.

Я дождался, когда отзвучит торжественный колокольный звон в честь приёма новичков, и, пока все стоя хлопали, отправился размять ноги. По традиции теперь веселье должно было пойти на убыль и начаться уборка посуды, чтобы к рассвету мы могли проводить гостей, а значит, я вряд ли рисковал пропустить что-нибудь особенно интересное.

Луг озаряла частично полная луна, частично – огромный тент, похожий отсюда на бледно-жёлтое ночное светило, наполовину погрузившееся в тёмное море. На его фоне чёрным силуэтом выделялся Лио. Он двигался как в танце, что для него было крайне необычно. Один край стлы оставался подобием набедренной повязки, другой мелькал в воздухе: выплёскивался, как мыльная вода из ведра, и через мгновение вновь оказывался у Лио в кулаке. То самое упражнение, которое он отрабатывал на статуе светителя Фроги. Зрелище странным образом затягивало. Я был не единственным зрителем. Вокруг Лио собрались несколько гостей. Вернее, четверо. Все крупные. В одежде одного цвета. С номерами на спине.

Стла Лио накрыла 86-й номер, сделав его похожим на привидение. Тот вскинул руки, чтобы её сбросить; при этом вся нижняя половина его тела заходила ходуном. Голова являла собой идеальную неподвижную мишень, и Лио в прыжке нанёс по ней образцовый удар пяткой.

Я побежал к ним.

86-й рухнул навзничь. Лио по инерции упал на него, смягчив этим своё падение, ловко перекатился и, раскорячившись, как паук, выдернул край стлы. 79-й размахнулся сверху. Лио ушёл из-под удара вбок и одновременно захлестнул колени 79-го стлой, потом выпрямился, потянув её следом. 79-й полетел мордой вниз и не успел подставить руки, так что наглотался

земли. Лио рванул стлу на себя; ещё целое мгновение ноги 79-го болтались в воздухе. Лио выставил вперёд согнутый локоть и обернулся поглядеть, кто на очереди.

Ответ: 23-й. Он бежал прямо на Лио. Тот припустил прочь. 23-й нагонял. Край стлы тянулся за Лио по траве. 23-й наступил на неё, и его походка, и без того не слишком изящная, стала ещё нелепей. Лио почувствовал, что на стлу наступили, – ещё бы не почувствовать, если другой конец был пропущен через его пах! – развернулся и дёрнул. 23-й каким-то образом устоял, но потерял равновесие и вынужден был нагнуться вперёд. Лио выставил ногу и, ухватив 23-го за шкуру, бросил через колено. Падать 23-й не умел. Он с размаху грохнулся сначала плечом, потом спиной. Я знал, что будет дальше: Лио нанесёт «смертельный удар» по открытому горлу. Так и произошло, но, как в наших потасовках, Лио задержал руку и не раздавил 23-му трахею.

Остался один. Именно «один», потому что на спине у него красовалась огромная единица. Это был тот самый тип с рукой на перевязи. Здоровой левой он шарил в карманах лежащего 86-го. Когда он выпрямился, рука его что-то сжимала – почти наверняка пистолет.

Нашлёпка на хребте яростно замигала красным и голубым. Тип грязно ругнулся, выронил пистолет и упал. Все его мышцы разом обмякли, вырубленные сигналами с нашлёпки. Теперь все четверо нападавших лежали. На лугу воцарилась полная тишина, которую нарушало лишь жалобное треньканье их жужул.

Кто-то захлопал в ладоши. Я думал, что это ещё какой-то пьяный пен, и очень удивился, увидев человека, с головой закутанного в стлу. Он выкрикивал древнеортское слово, означающее: «Ура, виват, слава победителю!»

Я зашагал к нему, крича:

– Надеюсь, ты пьян вдребезги, потому что иначе ты полный кретин. Его могли убить! А даже если ты и вправду такой придурок, ты разве не знаешь, что здесь бродят два инквизитора?

– Ничего страшного, один из них убрёл от столов, чтобы не слушать идиотскую речь, – отвечал фраа.

Он откинул с головы капюшон, и я узнал инквизитора Варакса.

Не знаю, какая у меня стала физиономия, но, как я понял, ничего смешнее Варакс давно не видел. Он постарался не выказать этого слишком явно.

– Я не перестаю удивляться тому, что думают о нас и о цели нашего приезда. Не волнуйся, пожалуйста, ничего страшного не случилось. – Инквизитор посмотрел на верхушку президия. – Решаются куда более серьёзные вещи, чем то, что юный фраа в затерянной обители решил поупражняться в искводо на местных бандюках. Бога ради, – продолжал он, чем сильно меня удивил, поскольку мало кто из нас верил в Бога, и уж Варакс точно на такого не походил. Впрочем, возможно, в тех краях, из которых наш концент представляется «затерянной обителью», принято употреблять это слово в качестве эмоционального восклицания. – Бога ради, подними глаза. Думай шире. Как сегодня утром. Как твой друг, когда вступил в бой с четырьмя более сильными противниками.

С этими словами Варакс накинул капюшон на голову и зашагал к тенту.

Навстречу ему быстро шли отец-дефендор и мать-инспектриса. Они расступились, пропуская инквизитора, кивнули и пробормотали какие-то почтительные выражения, которым меня никто не удосужился научить.

И Делрахонес, и Трестана были слегка взвинчены. В обычное время зоны их ответственности чётко разграничивались: рубеж проходил по стене концента. Во время аперта, когда стена на десять дней исчезла, всё значительно осложнилось.

Суура Трестана считала, что Лио надо посадить за Книгу. С точки зрения фраа Делрахонеса, ничего дурного не произошло, за исключением одной мелочи: заметив четырёх подозрительных пенов, Лио должен был кого-нибудь предупредить, а не лезть в драку самостоятельно.

– Это нарушение, верно? – настаивала суура Трестана.

– В той мере, в какой это меня касается, вполне простительное, – отвечал Делрахонес. – Впрочем, я не инспектор.

– А я – инспектор, – без всякой надобности напомнила Трестана. – И на мой взгляд, когда один из наших фраа дерётся во время аперта вместо того, чтобы приветствовать новичков и угождать гостям, он допускает тяжкую провинность, за которую можно и отбросить.

Это настолько не лезло ни в какие ворота, что я вмешался: как будто искра от горячности Лио попала мне в голову:

– На вашем месте я бы посоветовался с инквизитором Вараксом, прежде чем принимать меры.

Трестана оглядела меня с головы до пят, словно никогда прежде не видела. (А может, и правда не видела.)

– Поразительно, сколько времени ты проводишь с нашими уважаемыми гостями.

– Чисто случайно, уверяю вас. – Однако я запоздало понял, что суура Трестана *ревнует* инквизиторов ко мне. Как будто она нацелилась на отношения с Вараксом и Онали, а им больше приглянулся я. И она в жизни не поверит, что я говорил с ними неумышленно. Тех, кто может в такое поверить, не берут в инспектора.

– Очевидно, ты представления не имеешь, какой властью обладает над нами инквизиция.

– Почему же, имею. Они могут назначить нам пробацию сроком до ста лет. Всё это время наше питание будет ограничиваться необходимым минимумом – всё нужное для поддержания жизни, но никаких разносолов. Если мы за сто лет не исправимся, могут разогнать нас совсем. Могут уволить любого иерарха и заменить его... или её... новым по собственному выбору...

Я осёкся, потому что до меня (с большим опозданием) дошло, что это подразумевает. Я всего лишь пересказывал услышанное от Арсибальта, но Трестана наверняка восприняла мои слова как насмешку.

– Возможно, ты считаешь, что нынешние иерархи концента светителя Эдхара плохо исполняют свои обязанности, – с ледяным спокойствием произнесла она. – Может быть, Делрахонеса, или Стато, или меня следует заменить?

– У меня и в мыслях такого не было! – крикнул я и прикусил язык, чтобы не добавить: «до последней минуты».

– Тогда зачем все эти тайные сношения с инквизиторами? Ты единственный из не-иерархов, кто вообще с ними говорил, и теперь уже дважды – оба раза в исключительно приватной обстановке.

– Это бред, – сказал я. – Это бред.

– Решаются куда более серьёзные вещи, чем можно понять в твоём возрасте. Твоя наивность – вкупе с нежеланием её признать – ставит под удар нас всех. Я сажаю тебя за Книгу.

– Что?!

Я не верил своим ушам.

– Главы с первой по... э... пятую.

– Вы шутите.

– Думаю, ты знаешь, что делать. – Она посмотрела на собор.

– Отлично. Отлично. Главы с первой по пятую. – Я повернулся к навесу.

– Стой, – сказала Трестана.

Я замер.

– Собор там, – произнесла она с ноткой иронии. – Ты идёшь не в ту сторону.

– Моя сестра и двоюродный брат за столом. Я должен сказать им, что ухожу.

– Собор, – напомнила она, – в той стороне.

– Я не выучу до рассвета пять глав. Когда я выйду из кельи, ворота уже закроются. Я должен попрощаться с родными.

– Должен? Странный выбор слов. Позволь немного рассказать тебе о семантике, раз уж вы, почитатели Гилеи, так внимательны к подобным вещам. Ты *должен* идти в собор. Ты *хочешь* попрощаться с родными. Инаками для того и становятся, чтобы обрести свободу от хотений. Ради твоего же блага я требую сделать выбор прямо сейчас. Если ты так сильно *хочешь* попрощаться с родными, иди к ним и не останавливайся, пока не окажешься за воротами. Навсегда. А если ты намерен остаться, ты *должен* идти к собору без промедления.

Я глянул на Лио, думая попросить, чтобы он передал несколько слов Дату и Корд, но Лио стоял чуть поодаль – рассказывал Делрахонесу про драку. Кроме того, я чувствовал, что Трестана этого тоже не позволит, и не хотел доставлять ей ещё и такое удовольствие.

Я повернулся спиной к моему немногочисленному семейству и зашагал в направлении собора.

Часть 3

Элигер

«Скука – маска, в которую рядится бессилие». Где лучше всего чувствуешь правдивость этого высказывания Ороло, если не в штрафной келье инспектората? Какой-то ловкач-архитектор выстроил своего рода увеличительное стекло, только не для света, а для бессилия. В моей келье не было двери. От свободы меня отделяла лишь стрелчатая древнематическая арка, на которой многие поколения узников оставили свои изречения и рисунки. Она открывалась в переход, идущий по внутреннему периметру инспектората. С утра до вечера по нему сновали низшие иерархи. За переходом я видел кусок алтарного свода на высоте двухсот футов от пола, но парапет мешал мне заглянуть вниз, туда, где отмечали провеноер. Я слышал пение. Видел, как ползёт цепь, когда моя команда заводит часы, как дёргаются верёвки, когда команда Тулии звонит в колокола. Но я не мог видеть людей.

Из матического окна в противоположной стене открывался великолепный вид на луг. Это, разумеется, был ещё один способ увеличить чувство бессилия и, следовательно, скуку. При желании я мог хоть весь день смотреть, как мои братья свободно гуляют по конценту, беседуя (как мне думалось) об интересных вещах или хотя бы рассказывая друг другу забавные истории. Нависающий карниз дефендората закрывал почти всё небо, но градусов двадцать над горизонтом оставались в моём поле зрения. Окно смотрело на вековые ворота; прижавшись лицом к стеклу, я мог разглядеть справа десятилетние. Когда наутро после Десятой ночи вошло солнце, я услышал закрытие аперта и, глядя в арку, увидел, как движется цепь, открывая водяные заслонки. Я перешёл к окну: серебристая струйка воды добежала по акведуку до ворот, и они затворились. Со стороны экстрамураса собрались лишь несколько посетителей. Какое-то время я мучился, что Корд там, одиноко дожидается, чтобы я выбежал и обнял её на прощание. Однако с закрытием ворот испарилась и эта фантазия. Я посмотрел, как инаки убирают навес и складывают столы, потом съел хлеб и выпил молоко, оставленные у входа кем-то из подчинённых инспектрисы.

Затем я взялся за Книгу.

Поскольку единственное её назначение – мучить читателей, чем меньше я о ней расскажу, тем лучше. Изучать, переписывать и зубрить Книгу было худшей формой епитимьи.

В конценте, как любом человеческом общежитии, хватало скучных и неприятных обязанностей: полоть сорняки, поддерживать в порядке канализацию, чистить картошку и забивать скот. В идеальном обществе мы бы делали это по очереди. Однако, поскольку существовали правила поведения и они время от времени нарушались, инспектора следили, чтобы самую неприятную работу выполняли провинившиеся. Система была не так уж плоха. Прочищать засорившуюся уборную из-за того, что вчера слишком много выпил в трапезной, занятие не из приятных, но ты хотя бы знаешь, что уборные нужны, они иногда засоряются, и кому-то из инаков так и так пришлось бы это делать, поскольку не всегда можно вызвать сантехника-мирянина. Утешало уже то, что в работе есть смысл.

В Книге смысла не было, что превращало её в самую ненавистную из епитимий. Она содержала двенадцать глав. Как в шкале землетрясений, их убойная сила росла экспоненциально, то есть шестая глава была в десять раз хуже пятой, и так далее. Первая глава была так, ознакомлением, для прощтрафившихся детишек. С нею обычно справлялись за час. Вторая, как правило, означала по меньшей мере одну ночёвку в штрафной келье, хотя любой уважающий себя правонарушитель мог осилить её за день. На пятую уходило несколько недель. Приговор к шестой главе можно было обжаловать примасу и далее в инквизицию. Двенадцатая глава равнялась пожизненному осуждению на каторжные работы в одиночном заключении: за

три тысячи шестьсот девяносто лет её превозмогли только трое инаков, и все они были не в себе.

Примерно за шестой главой епитимья растягивалась на годы. Многие предпочитали уйти из концента. Те, кто оставался, выходили изменившимися: присмирившими и как будто пониже ростом. Это может показаться странным, поскольку требовалось вроде бы всего ничего: переписать указанные главы, выучить и ответить на вопросы по ним комиссии иерархов. Однако содержание Книги на протяжении столетий оттачивалось до полного, идиотического, вынимающего душу безумия: вопиюще очевидного в начале, затем, с каждой главой, всё более тонкого. Это был лабиринт без выхода, уравнение, которое после недель труда сводилось к $2 = 3$. Первая глава состояла из страницы бессмысленных детских стишков с нарочито неточными рифмами. Четвёртая представляла собой несколько страниц знаков числа пи. Дальше, впрочем, в кодексе не было ничего случайного, поскольку чисто рандомные вещи запомнить не так сложно: достаточно освоить несколько приёмов, а все, одолевшие четвёртую главу, эти приёмы знали. Куда труднее зубрить и отвечать материал почти, но не совсем осмысленный; материал, в котором есть внутренняя логика, но только до некоего предела. Такие вещи время от времени возникают в матическом мире естественным путём: в конце концов, не каждому дано стать светителем. После того как авторов унизили и отбросили, их сочинения передавали инквизиции; если она находила текст достаточно чудовищным, то его, дополнительно ухудшив, включали в следующие, ещё более гадостные издания кодекса. Чтобы выйти на свободу, надо было освоить материал так, как, скажем, теорию групп для изучения квантовой механики. Ужас заключался в сознании, что ты прикладываешь столько усилий, чтобы отравить свой мозг интеллектуальным ядом. Вы и представить себе не можете, насколько это унижительно. Промучившись над пятой главой недели две, я вполне понимал, почему осилившие, например, девятую, остаются искалеченными на всю жизнь.

Довольно о Книге. Куда более интересный вопрос: почему я здесь оказался? По всему выходило, что суура Трестана хотела устранить меня на весь срок пребывания инквизиторов. С третьей главой я бы справился чересчур быстро. Четвёртой могло бы хватить, но она добавила пятую на случай, если я легко запоминаю числа.

Каждое утро меня будил рассветный актал, на который собирались лишь самые страстные любители церемоний. Я сдёргивал стлу с деревянной лежанки – единственного предмета мебели в штрафной келье, заворачивался, мочился в дыру в полу, споласкивал лицо холодной водой из каменной чаши, съедал хлеб, выпивал молоко, ставил пустую посуду у выхода и садился на пол перед лежанкой, предварительно разместив на ней Книгу, перо, чернильницу и несколько листьев. Сфера служила упором для локтя. Я работал три часа, потом, до провенера, занимался чем-нибудь ещё, чтобы проветрить голову. Всё то время, что Лио, Джезри и Арсибальт заводили часы, я отжимался, приседал и делал выпады. Из-за моего отсутствия ребята напрягались больше и становились сильнее, и я не хотел выйти на свободу ослабевшим.

Товарищи как-то выяснили, в какой келье я нахожусь, и после провенера завтракали на лугу прямо под моим окном. Они не поднимали глаза и не махали мне – суура Трестана наверняка смотрела на них сверху, дожидаясь чего-нибудь в таком роде, – но каждый раз для начала поднимали кружки с пивом, как будто за чьё-то здоровье, и отпивали по большому глотку. Я понимал, что они мысленно со мной.

Чернил и листьев было много, и я начал писать отчёт, который вы сейчас читаете. По ходу у меня возникло странное ощущение, что в событиях последних недель имелась некая закономерность, которую я упустил. Я списал его на изменённое состояние ума, в которое попадает узник, оставшись наедине с Книгой.

Как-то на второй неделе епитимья мои утренние занятия прервал незнакомый колокольный звон. Через арку мне были видны верёвки, идущие от балкончика звонщиц к колоколам. Я перебрался на другую сторону лежанки, спиной к окну, чтобы удобнее было за ними наблюдать.

По идее, все инаки должны разбирать звоны. Я так толком этому и не научился: ноты смешивались у меня в голове, и я не мог вычленивать мелодический рисунок. Выяснилось, что, глядя на верёвки, я делаю это куда легче: моё зрение было лучше приспособлено для такой работы, чем слух. Я понимал, как движение конкретной верёвки обусловлено движением соседних на прошлых тактах, и через минуту-две без посторонней помощи разобрался, что звонят к элигеру. Кто-то из моего подрастающего поколения должен был вступить в орден.

От окончания колокольного звона до начала актала прошло полчаса, затем ещё полчаса все пели. Наконец, Стато назвал имя Джебери, и грянул кондак инбраса. Пели с воодушевлением, но не очень искусно, из чего я заключил, что Джебери приветствуют в своих рядах эдхарианцы. Всё это время мне было трудно сосредоточиться на Книге, и потом тоже: по-настоящему я заставил себя заниматься только после провенера.

На следующий день звон повторился. Ещё двое вступили в эдхарианский орден и одна – Ала – в Новый круг. Я ничуть не удивился. Мы все считали, что ей прямая дорога в иерархию. Тем не менее почему-то событие потрясло меня так, что я полночи не мог уснуть. Как будто Ала перенеслась в какой-то другой концент, где я никогда её больше не увижу, не смогу с нею спорить или состязаться, кто быстрее решит теоретическую задачку. Глупость несусветная: Ала оставалась в Эдхаре, и нам предстояло каждый день вместе обедать в трапезной. Однако какая-то часть мозга упорно считала решение Алы моей личной потерей и, словно в отместку, не давала мне уснуть.

В том, как я узнал звон элигера по движению верёвок, заключался небольшой урок. Я по-прежнему записывал события прошедших недель, и грызущее чувство, будто я что-то прохлопал, не отпускало. Наконец я дошёл до разговора с фраа Ороло на звёздокруге и их с Трестаной тихому спору чуть позже. Излагая эти события на листе, я взглянул в окно туда, где они происходили, и увидел, что решётка, несмотря на дневное время, по-прежнему опущена. Мне была видна и решётка центенарского матика – тоже закрытая. Обе они ни разу не открывались за то время, что я здесь. С каждым днём я всё больше укреплялся в мысли, что звёздокруг заперт с тех самых пор, как на восьмой день аперта ключник опустил решётку за мною и Ороло. Закрытие звёздокруга – почти наверняка первое и единственное за всю историю концента светителя Эдхара, – вероятно, и стало причиной жаркого спора между Ороло и Трестаной.

Большая ли натяжка предположить, что приезд инквизиторов двумя днями позже – не случайность? Наш звёздокруг смотрит на то же небо, что и все остальные в мире. Если закрыли наш – если нам чего-то не положено видеть, – значит, закрыли и другие. Скорее всего приказ пришёл по авосети на восьмой день аперта, и тогда же ита передали его сууре Трестане; тогда же, надо думать, Варакс и Онали тронулись в нашу «затерянную обитель».

Всё складывалось в более или менее правдоподобную картину, но не отвечало на главный вопрос: чего ради закрывать звёздокруг? Вроде бы уж он-то должен занимать иерархов меньше всего. Их дело – следить за соблюдением канона, не допуская мирскую информацию в мозги инаков. Информация, поступающая со звёздокруга, по своей природе вне времени. Большой её части – миллиарды лет. Текущие события – пыльная буря на каменистой планете или вихревая флуктуация на газовом гиганте. Что из увиденного со звёздокруга попадает в разряд мирского?

Как фраа, который проснулся задолго до рассвета от запаха дыма и понимает, что огонь тлел и разгорался много часов, пока он дрых, ни о чём не ведая, так и я не только испугался, но и досадовал на свою тупость.

Моему душевному равновесию не способствовало и то, что элигер теперь справляли почти каждый день. За последний год я заметно отстал от других в теории и космографии и уже почти смирился с тем, что вступлю в неэдхарианский орден и стану иерархом. Потом, ровно перед тем, как Трестана посадила меня за Книгу, я решил-таки попроситься к эдхарианцам и посвятить жизнь изучению Гилеинового теоретического мира. А теперь я сидел в этой каморке и читал белиберду, пока заполняются места в эдхарианском капитуле. Формально не

было никаких ограничений, никакой квоты, но если бы эдхарианцы получили больше десяти – двенадцати новых инаков за счёт других орденов, грянул бы скандал. Тридцать лет назад, когда Ороло пришёл в концент, они набрали четырнадцать человек, и разговоры об этом не утихли до сих пор.

Как-то днём, сразу после провенера, опять зазвонили колокола. Сперва я подумал, что вновь отмечают элигер. К тому времени пятеро присоединились к эдхарианцам, трое – к Новому кругу и один – к реформированным старофаанитам. Однако где-то в глубине сознания скреблось чувство, что такой звон я слышу впервые в жизни.

Я в очередной раз отложил перо, злясь, что моя епитимья пришлась на такое интересное время, и сел так, чтобы лучше видеть верёвки. Через несколько минут я точно знал, что это не элигер. На миг у меня перехватило дыхание – я подумал, что звонят к анафему. Впрочем, звон умолк раньше, чем я сумел его определить. Полчаса я сидел без движения, слушая, как заполняются нефы. Толпа собиралась огромная – все инаки из всех матиков бросили свои дела и пришли на актал. Они оживлённо переговаривались. Я не разбирал слов, но по тону чувствовал, что предстоит нечто очень значительное. Несмотря на страхи, мне удалось убедить себя, что это не анафем. Люди бы столько не разговаривали, если бы шли смотреть, как отбросят их брата или сестру.

Началась служба. Пения не было. Я слышал, как примас произносит знакомые фразы на древнеортском: формальный призыв к сбору всего концента. Затем он перешёл на новоортский и зачитал некий текст, написанный, судя по стилю, примерно в период Реконструкции. В самом конце Стато возгласил отчётливо:

– Воко фраа Пафлагон из центенарского капитула ордена светителя Эдхара!

Итак, это был актал воко. Всего лишь третий на моей памяти. Первые два произошли, когда мне было лет десять.

Покуда я переваривал услышанное, снизу донёсся общий вздох и глухой стон: выдохнули, надо полагать, почти все инаки, стонали центенарии, теряющие брата навсегда.

И тут я совершил нечто ужасное, но я знал, что мне это сойдёт с рук: вышел из кельи. Я пересёк коридор и заглянул через парапет.

В алтаре находились всего трое: Стато в своём пурпурном одеянии и Онали с Вараксом, узнаваемые по инквизиторским шапкам. Инаки за экранами шумели так, что актал временно приостановился.

Я собирался только заглянуть через парапет, понять, что происходит, и сразу назад. Однако меня не поразило молнией. Никто не забил тревогу. *Здесь вообще никого не было.* И не могло быть, потому что прозвонили к воко и все собрались внизу. Обязаны были собраться, ведь никто заранее не знал, чьё имя назовут.

Если подумать, то и мне, наверное, следовало быть внизу! Воко – почти наверняка тот редкий случай, когда требование к таким, как я, оставаться в келье не действует.

Тогда почему служители инспектората меня не позвали? Наверное, допустили оплошность. У них нет инструкции на сей счёт. Вполне может быть, что они, как и я, не узнали мелодию. Не понимали, что это воко, пока не начался сам актал, а тогда уже поздно было бежать за мной. Они не могут уйти, пока всё не кончится.

Они не могут уйти, пока всё не кончится.

Я могу идти куда захочу, лишь бы успеть в келью к тому времени, как вернутся инспектриса и её помощники. В любом случае мне влетит за то, что я пропустил воко! Так почему не сделать то, о чём будут говорить в трапезной пятьдесят лет спустя?

Не зря я каждый день занимался зарядкой! Я пробежал по переходу, через три ступеньки взлетел по лестнице и, миновав двор дефендората, оказался в нижней части хронобездны. Здесь я сбавил темп, чтобы не греметь металлическими ступенями. Зато я хорошо видел, что творится внизу. На вид ничего не изменилось, но теперь из колодца доносился новый звук:

скорбный гимн, которым столетники прощались с уходящим братом. Никто не помнил мелодии и слов, так что им пришлось листать редко используемые гимнодии в поисках нужной страницы. Ещё минута потребовалась на то, чтобы спеться, поскольку это было пятиголосие. К тому времени, как гимн зазвучал в полную мощь, я был на полпути к звёздокругу – карабкался по лестнице за циферблатами, пытаюсь двигаться собранно, как Лио, и не зацепить краем стлы за шестерёнки. Прощальный плач и впрямь пробирал до нутра, даже сильнее, чем тот, который мы исполняли на похоронах. Конечно, я знать не знал, кто такой фраа Пафлагон, что он за человек и чем занимался. Однако столетники знали, и сила пения заставляла меня разделить их чувства.

И – поскольку мы оба в одиночку шли навстречу неведомому – я, возможно, в какой-то мере разделял и чувства фраа Пафлагона.

До цели было уже рукой подать: я добрался до того места, где свод президия загибался внутрь. Через отверстия в потолке проходили валы, вращающие полярные оси телескопов. Лестница вилась вокруг самого большого вала. Я добежал до верха, взялся за дверную задвижку и, прежде чем её повернуть, глянул вниз: на какой стадии актал. Дверь в экране центенариев была открыта. Фраа Пафлагон вышел на пустую середину алтаря и остановился. Дверь за ним затворили.

В тот же миг я открыл дверь звёздокруга. Из неё хлынул солнечный свет. Я втянул голову в плечи. Наверняка меня заметят!

Успокойся, сказал я себе, потолок президия виден только из алтаря, а там всего четверо. И вообще все смотрят на фраа Пафлагона.

Последний раз заглянув вниз, а нашёл ошибку в своей логике. Все смотрели на фраа Пафлагона – *кроме фраа Пафлагона!* Он как раз запрокинул голову и смотрел прямо вверх. Ничего удивительного: это был его последний шанс увидеть своды собора. Я бы на его месте поступил так же.

Выражения лица с такой высоты было не прочесть, но Пафлагон наверняка увидел свет, льющийся в открытую дверь.

На мгновение он застыл, что-то соображая, потом медленно перевёл взгляд на Стато.

– Я, фраа Пафлагон, явился на твой зов, – произнёс он первую строчку литании, которая должна была продолжаться ещё минуту-две.

Я вошёл в звёздокруг и тихо притворил за собой дверь.

Мне думалось, что там всё будет в пыли и птичьим помёте – фиды Ороло тратили кучу времени на поддержание чистоты. Однако всё было не так плохо. Кто-то явно сюда приходил и убирался.

Я вошёл в блокауз без окон, служивший нам лабораторией, миновал тройные двери, не пропускающие свет, и взял фотомнемоническую табулу в защитном чехле.

Что на ней записать? Я понятия не имел, что иерархи хотят от нас скрыть, поэтому не знал, куда навести телескоп.

Вообще-то, у меня была догадка, в которой я почти не сомневался: к нам летит крупный астероид. Другой причины для закрытия звёздокруга я придумать не мог. Однако мою задачу это не облегчало. Чтобы заснять астероид, надо навести на него Митру и Милакса, а для этого необходимо с большой точностью знать параметры орбиты. Уж не говоря о том, что, если бы я начал поворачивать большой телескоп, это бы все заметили.

Однако был инструмент, который не требовалось наводить: Око Клесфиры. Я бросился к пинаклю.

Взбираясь по винтовой лестнице, я успел придумать множество причин, почему из моей затеи ничего не выйдет. Око Клесфиры видит всё от горизонта до горизонта, верно. Неподвижные звёзды предстают в виде дуг из-за вращения Арба, быстро движущиеся объекты – в виде чёрточек. Однако след даже очень большого астероида будет исчезающе слабым и коротким.

В конце концов я выбросил сомнения из головы. Другого инструмента у меня нет. Надо попробовать, что можно, и посмотреть, что получится.

Под «рыбьим глазом» был паз в точности по размеру табулы, которую я держал в руке. Я сломал печать и вытащил содержимое. Ветер вырвал чехол у меня из рук и прищёпнул к стене там, где мне его было не достать. Табула представляла собой гладкий диск, похожий на те, которыми шлифуют телескопные зеркала, только темнее, как будто обсидиановый. Как только я активировал её запоминающие функции, нижний слой стал того же цвета, что солнце, потому что таким был свет, попадающий на поверхность табулы. Без фокусирующих линз или зеркал она не могла ничего отобразить: ни бледного солнца, зависшего в южной части неба, ни морозных облаков на севере, ни моего лица.

Однако теперь мне предстояло убрать её под линзу, поэтому я для начала накрыл голову стлой, чтобы смотреть как будто сквозь длинный тёмный туннель. Я понимал, что если предосторожность и впрямь окажется не лишней – то есть если табула попадёт к инспектрисе, – меня всё равно вычислят, но уж если делаешь что-то тайком, надо хотя бы постараться.

Я задвинул табулу в щель. Теперь она будет записывать всё, начиная с моей поспешно удаляющейся спины, пока не заполнится целиком, что при её теперешней настройке должно было произойти месяца через два.

Тогда надо будет за ней вернуться – как именно, я пока даже не задумывался.

Покуда я спускался из пинакля, обо всём этом размышляя, что-то огромное, громкое и быстрое пронеслось в пустом пространстве между мною и утёсом милленариев. Я чуть не умер от страха. До штуковины была тысяча футов, но она затрагивала меня непосредственно, как пощёчина. Следя за ней глазами, я потерял равновесие и вынужден был сесть на ступеньку, чтобы не навернуться с лишённой перил лестницы. Это был летательный аппарат того типа, у которого крылья поворачиваются, превращая его в двухвинтовой вертолёт. Он пронёсся по снижающейся дуге, как если бы собор служил ему ориентирной вышкой, и взял курс на площадь перед дневными воротами. Её отсюда было не видно, поэтому я сбежал с пинакля и пропустил через звёздокруг. Поняв, что сейчас сигану с президия (чего мне уже больше совсем не хотелось), я выставил руки и затормозил о менгир. Выглянув из-за него, я увидел, как летательный аппарат (теперь его винты были обращены вверх) садится на площадь. Струя воздуха оставляла заметный след на поверхности пруда и разбрызгивала парные фонтаны.

Через несколько мгновений из дневных ворот вышли двое в пурпурных одеждах. Шапки Варакс и Онали несли в руках, чтобы их не сорвало ветром от винтов. В двух шагах за ними шёл фраа Пафлагон; он наклонился вперёд и обнял себя руками, удерживая норовящую улететь стлу. Варакс и Онали остановились по бокам от дверцы и, дождавшись Пафлагона, помогли ему залезть. Затем они вскарабкались следом. Автоматический механизм захлопнул дверцу, когда винты уже раскручивались и аппарат отрывался от площадки. Тут пилот дал полный газ, и машина в мгновение ока поднялась на пятьдесят футов. Крылья опустились. Аппарат набрал горизонтальную скорость, пронёсся над прудом и бюргерским поселением, увеличивая высоту, и повернул к западу.

Ничего круче я в жизни не видел и уже предвкушал, как буду рассказывать об этом друзьям в трапезной.

Тут я вспомнил, что нахожусь в бегах.

К тому времени, как я спустился в хронобездну, воко уже давно закончился. Колодец по-прежнему гудел от голосов, но уже затихающих, поскольку нефы пустели. Большинство инаков покидало собор, но некоторым предстояло подняться по лестницам в башнях, чтобы возобновить работу в инспекторате и дефендорате. Я припустил вниз, громыхая по железным ступенькам, потом из осторожности всё-таки сбавил шаг, несмотря на страх, что кто-нибудь поднимется быстрее, чем я спущусь.

Первыми я увидел двух молодых иерархов из дефендората, которые торопливо взбирались по лестнице в надежде добраться до балкона и увидеть летательный аппарат, пока он не совсем скрылся. Я был уже в дефендорском дворе и принялся высматривать место, где можно спрятаться. Весь этаж был загромождён тем, что только дефендор может считать достойным украшением – бюстами и статуями павших героев. Ужаснее всех был бронзовый Амнектрус, дефендор в пору Третьего разорения. Он пребывал в той позе, в какой провёл последние двадцать часов жизни: стоял на одном колене у парапета и смотрел в прицел оптической винтовки длиной с него самого. Амнектруса отлили из бронзы, а вот винтовка и груда отстрелянных гильз были подлинными. Пьедесталом служил его саркофаг. Я юркнул за него. Двое быстроногих иерархов пронеслись мимо меня к западной стороне балкона. Я вскочил и обходным путём, чтобы ни на кого больше не напороться, припустил к лестнице. Переход инспекторского этажа я преодолел на четвереньках, чтобы меня не увидели за парапетом, и, наконец, оказался в келье. Вот уж не думал, что так ей обрадуюсь.

Оставалась одна маленькая незадача: я взмок от пота, грудь вздымалась, сердце работало, как винты летательного аппарата, на коленях и на ладонях остались ссадины, и всего меня трясло от перенапряжения и страха. Я чистыми листьями вытер с лица пот, плотно закутался в стул, спрятав всё, что можно, и сел на сферу перед окном, как будто смотрю на луг. Теперь оставалось только восстановить дыхание, прежде чем ко мне заглянет кто-нибудь из служителей инспектората.

– Фраа Эразмас?

Я обернулся и увидел сууру Трестану, тоже немного раскрасневшуюся от подъёма.

Она вошла в келью. Это был наш первый разговор после Десятой ночи. Сейчас Трестана казалась на удивление нормальной и человеческой – как будто мы с ней заправские друзья и просто вздумали поболтать.

– М-мм, – промычал я, не решаясь отвечать словами, чтобы голос меня не выдал.

– Ты хоть знаешь, что сейчас произошло?

– Отсюда трудно разобрать. Но похоже чуть ли не на воко.

– Это был воко, – отвечала она. – И тебе следовало на нём присутствовать.

Я, как мог, изобразил ужас, что в моём нынешнем состоянии было совсем не трудно. А может, Трестана так хотела меня напугать, что легко поверила, будто ей это удалось. Так или иначе, она выдержала паузу, чтобы меня помучить, и сказала:

– На сей раз я не стану сажать тебя за Книгу, хотя формально ты допустил серьёзное нарушение.

«Ещё бы, – подумал я. – Тебе пришлось бы дать мне шестую главу, я бы подал апелляцию, и неизвестно, кто бы победил».

Вслух я сказал:

– Спасибо, суура Трестана. В том маловероятном случае, если, пока я здесь, у нас будет ещё воко, должен ли я спуститься вниз?

– Да, – отвечала она, – и смотреть его через экран примаса, а затем немедленно вернуться сюда.

– Если не меня вызовут, – сказал я.

Трестана была не склонна искать в ситуации юмористическую сторону, поэтому в первый миг опешила, а потом разозлилась на себя за то, что опешила.

– Как продвигается пятая глава? – спросил она.

– Надеюсь быть готовым к экзамену через неделю-две, – ответил я и тут же задумался, как за это время забрать табулу из-под Ока Клесфиры.

Перед уходом суура Трестана даже вознаградила меня чем-то вроде улыбки. Может, потому что инквизиторы отбыли, а с ними исчезла и причина, по которой меня надо было держать за Книгой. Так или иначе, я сделал вывод, что цель моего наказания достигнута, остались

только формальности. Мне сразу остро захотелось быстрее со всем покончить. До конца дня я продвинулся в пятой главе дальше, чем за всю прошлую неделю.

На следующий день снова звонили к элигеру. Ещё двое вступили в эдхарианский орден и двое в Новый круг. Реформированным старофаанитам снова никого не досталось.

Из двоих, присоединившихся к Новому кругу, одним был Лио. Я страшно удивился, даже подумал, что ослышался. Не знаю, что меня так смутило. Лио был очевидным кандидатом в команду дефендора. Его драка с пенами явно произвела на фраа Делрахонеса неизгладимое впечатление. Работать в дефендорате значило стать иерархом, а это по какой-то причине подразумевало вхождение в Новый круг. Так почему я удивился? Наверное (решил я, ворочаясь на лежанке в ту ночь), мы столько были в одной команде, что я привык думать, будто мы с Лио, Джезри и Арсибалтом навсегда останемся вместе. И мне казалось, что они чувствуют то же самое. Однако чувства меняются, и до меня постепенно начало доходить, что за время моего пребывания в штрафной келье они менялись быстрее обычного.

Через два дня Арсибалт присоединился к реформированным старофаанитам. Счастье, что никто внизу не услышал моего дикого вопля: «Зачем?!» Я мог бы лежать без сна хоть всю ночь и никакое снизарение мне бы этого не объяснило. Реформированный старофаанитский орден тихо умирал с самого своего основания.

Надо было скорее отсюда выбираться. Я перестал делать зарядку и вести записи, только учил пятую главу. К тому времени, как я сообщил, что готов к экзамену, одиннадцать фидов вступили в эдхарианский орден, девять – в Новый круг и шестеро – в реформированный старофаанитский. Мои шансы (если они у меня вообще остались) таяли с каждым днём. В самые чёрные минуты я думал, что суура Трестана нарочно усадила меня за Книгу, чтобы принудить к вступлению в не-эдхарианский орден и обречь на службу младшим иерархом, чьим-нибудь мальчиком на побегушках. Обычные фраа и сууры подвластны только канону, над иерархами всегда куча начальства: плата за ту власть, которую они получают.

Экзамен состоялся на следующий день, после элигера, на котором ещё один фид вступил в Новый круг и трое – в реформированный старофаанитский орден. Из них двое были те, кого Арсибалт назвал «объедками», один – редкий умница. Из моего подростка, кроме меня, остался только один фид; я бы уже, наверное, и не сообразил кто, не будь это Тулия.

Экзаменационная комиссия состояла из трёх человек. Суура Трестана не пришла. Сперва я обрадовался, потом разозлился. Епитимья стоила мне месяца жизни и надежды попасть в орден светителя Эдхара. Трестана могла бы хоть заглянуть.

Для начала мне задали несколько каверзных вопросов по второй главе в расчёте, что я пробежал её глазами в первый день и забыл. Однако я специально на этот случай накануне отдал два часа повторению трёх первых глав.

После того как я отбарабанил знаки числа пи со сто двадцать седьмого по двести восемьдесят третий, у экзаменаторов кончился запал. Мы посвятили пятой главе всего два часа – неслыханное попустительство. Однако элигер сдвинул мероприятие на конец дня. Близилось солнцестояние, темнело рано, отчего казалось, будто час уже поздний. Я буквально слышал, как у экзаменаторов бурчит в животе. Комиссию возглавлял фраа Спеликон, семидесятипятилетний иерарх, отказавшийся от инспекторской должности в пользу сууры Трестаны. В последнюю минуту он решил, что меня недостаточно помучили, и собрался поправить дело. Однако я без запинки ответил на его первый вопрос, и два других экзаменатора тоном и позой дали понять, что всё окончено. Спеликон взял очки и, держа их перед глазами, прочёл по древнему листу некий текст, означавший, что епитимья исполнена и я могу идти.

Хотя казалось, что уже вечер, до обеда оставался целый час. Я спросил разрешения зайти в штрафную келью за моими записками. Фраа Спеликон выписал мне пропуск, по которому я мог оставаться в инспекторате до обеденного времени.

Я поблагодарил, взял лист и пошёл в келью, демонстрируя пропуск всем встречным иерархам. К тому времени, как я добрался до места и вытащил дневник из-под лежанки, мысль – которой тридцать секунд назад, когда я прощался с экзаменаторами, не было в зародыше – распустилась пышным цветом и полностью завладела сознанием. Почему бы не проскользнуть на звёздокруг и не забрать табулу прямо сейчас?

Конечно, разум возобладал. Я завернул дневник в свободный край стлы и вышел из кельи в надежде никогда больше сюда не вернуться. Через пятьдесят шагов по переходу я был уже в юго-западном углу, у лестницы, ведущей в деценарский матик. Несколько фраа и суур расхаживали взад-вперёд, готовясь к смене караула во дворе дефендората. Я остановился, пропуская одного фраа. Он был в капюшоне и не смотрел, куда идёт. Тут он увидел мои ноги и откинул капюшон, обнажив бритую голову. Это был Лио.

У нас столько всего накопилось, что несколько мгновений мы только мычали, не зная, с чего начать. Наверное, оно было и к лучшему, потому что во дворе инспектората я вообще ничего говорить не хотел.

– Я тебя провожу, – предложил я.

– Тебе надо поговорить с Тулией, – пробормотал Лио, пока мы поднимались в дефендорат. – И с Ороло. Со всеми.

– На новую работу идёшь?

– Делрахонес велел мне пройти стажировку. Эй, Раз, куда ты направляешься?

– На звёздокруг.

– Но это... – Он схватил меня за руку. – Эй, кретин, тебя могут отбросить!

– То, что я должен сделать, куда важнее... – Я сам понимал, что поступаю неумно, но во мне разыграл бунтарский дух. – Объясню чуть позже.

Я повёл Лио из внутреннего перехода (где было слишком людно, чтобы разговаривать) к периферии дефендората, как если бы мы шли на балкон. Нам предстояло пройти через узкую арку. Лио жестом пропустил меня вперёд. Я шагнул и в тот же миг сообразил, что повернулся к нему спиной. К тому времени, как мысль эта окончательно проникла в мой мозг, рука у меня уже была заломлена назад. Я мог либо двинуться и следующие два месяца ходить с подвязанной рукой, либо не двигаться. Я выбрал второе.

Зато язык у меня остался свободен.

– Рад снова тебя видеть, Репей. Сперва ты втравил меня в неприятности, теперь вот.

– Ты сам вляпался в неприятности. И я позабочусь, чтобы это не повторилось.

– У вас в Новом круге такие порядки?

– Даже и не заговаривай про то, как прошёл элигер, пока не узнаешь, что происходит.

– Ладно, если ты меня выпустишь, чтобы я мог подняться на звёздокруг, обещаю сразу пойти в трапезную и выслушать все новости.

– Смотри.

Лио развернул меня лицом туда, откуда мы пришли. Вокруг стояла полная тишина. Я почти испугался, что нас заметили, но тут увидел, что вверх движется процессия людей в чёрной одежде и высоких шапках. Они перешли на винтовую лестницу и, гремя железными ступенями, начали подниматься в хронобездну.

– Хм, – пробормотал я. – Так вот почему там чисто.

– Ты там был?! – Лио от изумления так придавил мне вывернутую руку, что стало больно.

– Пусти! Обещаю дальше не идти, – сказал я.

Лио отпустил мою руку. Я медленно и осторожно вернул её в человеческое положение и только потом выпрямился.

– Что ты там видел? – требовательно спросил Лио.

– Пока ничего, но там лежит табула, которую я должен забрать. Может быть... *может быть*, она что-нибудь подскажет.

Он задумался.

– Дело непростое.

– Это обещание, Лио?

– Просто констатация.

– Ита ходят туда по какому-то известному расписанию?

Лио уже открыл рот, чтобы ответить, но тут же сделал строгое лицо.

– Я тебе не скажу. – Тут он кое-что вспомнил. – Слушай, я опаздываю.

– С каких пор тебя это волнует?

– Многое изменилось. Мне надо идти. Прямо сейчас. Другой раз поговорим, ладно?

– Лио!

Он обернулся.

– Что?!

– Кто такой фраа Пафлагон?

– Он научил фраа Ороло половине того, что тот знает.

– А другой половине кто его научил? – спросил я, но Лио уже исчез. Минуту я стоял, слушая, как поднимаются ита, и гадая, не проверят ли они, есть ли в инструментах табулы. И не смогу ли я добыть такое же чёрное одеяние.

Тут в животе забурчало, и ноги, как будто ими управлял непосредственно желудок, сами понесли меня к трапезной.

Последний раз я видел движущуюся картину десять лет и почти два месяца назад, но по-прежнему помнил сцены, когда звездолётчик входит в бар космодрома или степной наездник – в пыльный салун и там воцаряется тишина. Так было, когда я вошёл в трапезную.

Я заявился слишком рано: ошибка, потому что так я не мог выбирать, с кем мне сесть. Несколько эдхарианцев уже застолбили столы, но все они старательно избегали встречаться со мной глазами. Я встал в очередь за двумя эдхарианскими космографами, которые сразу повернулись ко мне спиной и принялись с преувеличенным жаром обсуждать какое-то доказательство из вороха книг и журналов, нанесённых к дверям нашей библиотеки за время аперта.

Сегодня дежурили реформированные старофааниты. Арсибалт положил мне лишний половник супа и пожал руку – первое тёплое приветствие с моего освобождения. Мы договорились поболтать позже. Он выглядел вполне довольным.

Я решил сесть за пустой стол и посмотреть, что будет. Довольно скоро ко мне начали подсаживаться фраа и сууры из Нового круга. У каждого находились какие-нибудь шуточные слова по поводу моего заточения.

Через полчаса появился фраа Корландин. Он нёс в руках что-то старое и тёмное, похожее на мумифицированного младенца. Поставив свою ношу на стол, Корландин снял обёртку. Это оказался древний бочонок с вином.

– Тебе от нашего капитула, фраа Эразмас, – сказал Корландин вместо приветствия. – Выдержавший беспримерную епитимью достоин беспримерной выпивки. Она не вернёт тебе прошлых недель, но хотя бы поможет забыть Книгу!

Корландин придумал ловкий ход, и я этому радовался. Учитывая его отношения с суурой Трестаной (которые, как я подозревал, были по-прежнему в силе), встреча могла получиться неловкой. Вино было разом щедрым жестом и способом сгладить эту неловкость. Хотя, пока Корландин возился с затычкой, мне стало немного не по себе. Может, мы отмечаем моё вступление в их орден?

Фраа Корландин словно прочёл мои мысли.

– Мы хотим только отпраздновать твою новообретённую свободу – не покуситься на неё!

Кто-то принёс деревянный ларчик. Внутри оказались серебряные стопочки с эмблемой Нового круга. Фраа и суура вынимали их из бархатных отделений и протирали стлами. Корлан-

дин тем временем возился с затычкой из хрупкой смеси глины и воска, которую трудно было снять, не сломав и не насыпав в вино крошек. Просто смотреть сейчас на фраа Корландина значило ощутить связь со временем, когда конценты были богаче, шикарнее, обеспеченней и – как ни глупо это звучит – в каком-то смысле *старше*, чем теперь.

Бочонок явно был из вронского дуба, а значит, вино сделали в каком-то другом конценте из сока библиотечного винограда, а к нам привезли выдерживаться.

Библиотечный виноград вывели методом цепочечной инженерии инаки концента Нижней Вроны перед Вторым разорением. Каждая клетка несла в своём ядре генетические цепочки не одного, а всех сортов винограда, о которых знали вронские инаки, а уж если они о каком не слышали, значит, он того и не стоил. И вдобавок – фрагменты генетических цепочек различных ягод, плодов, цветов и ароматических трав: фрагменты, которые под воздействием биохимической сигнальной системы клетки-хозяина производят молекулы вкуса. Каждое ядро было архивом более обширным, чем Великая базская библиотека: оно хранило коды почти всех природных молекул, когда-либо стимулировавших обонятельные клетки человека.

Конкретное растение не могло проявить все гены сразу – не могло быть сотней разных сортов винограда одновременно, – поэтому «решало», какие из них проявить – каким виноградом стать и какие вкусы извлечь из архива, – исходя из чрезвычайно сложной системы сбора данных и принятия решений, которую вронские монахи вручную прописали в его протеинах. Библиотечный виноград отзывался на малейшие нюансы света, почвы, ветра и климата. Все усилия и промахи виноградаря влияли на вкус вина. Библиотечный виноград обманывал любые уловки виноделов, вообразивших, будто могут вырастить из него один сорт два лета подряд. Тех, кто по-настоящему знал, как это делать, поставили к стенке во время Второго разорения. Многие современные виноделы предпочитали не рисковать и выращивали старые сорта. С библиотечным виноградом возились одержимые вроде фраа Ороло, для которых это становилось призванием. Разумеется, библиотечный виноград решительно невзлюбил условия в конценте светителя Эдхара и до сих пор помнил ошибку, которую предшественник Ороло допустил пятьдесят лет назад. Он неправильно обрезал лозу, и память об обиде, закодированная в феромонах, навсегда отравила почву. Виноград рос мелким, бледным и горьким, вино получалось соответствующим, и мы даже не пытались его продавать.

В том, что касается дерева и бочек, мы преуспели больше. Покуда вронские инаки создавали библиотечный виноград, в нескольких милях выше по течению реки их фраа и сууры из сельского матика Верхневронского леса проделали не меньшую работу над дубом для бочек. Клетки древесины вронского дуба (по-прежнему наполовину живые после того, как дерево спилили, разрезали на доски и согнули) анализировали молекулы, плавающие в вине: одни отпускали, а другие заставляли просачиваться наружу, где те отлагались в виде ароматных налётов и корочек. Дерево было так же привередливо к условиям хранения, как библиотечный виноград – к погоде и почве. Винодел, который плохо заботился о бочках и не стимулировал их должным образом, бывал жестоко наказан: он обнаруживал все самые ценные сахара, дубильные и смолистые вещества снаружи, а внутри – технический растворитель. Дерево предпочитало тот же интервал температур и влажности, что человек, а его клеточная структура откликалась на вибрацию. Бочки резонировали от человеческого голоса, как музыкальные инструменты, поэтому вино, хранящееся в обеденном помещении и в подвале, где репетирует хор, имело разный вкус. Климат Эдхара хорошо подходил для выращивания вронского дуба. Что ещё лучше, мы славились своим умением выдерживать вино. Бочки хорошо себя чувствовали и в нашем соборе, и в нашей трапезной, с благодарностью отзывались на пение и разговоры. Менее удачливые конценты присылали в Эдхар вино на выдержку. Кое-что перепало и нам. Вообще-то не предполагалось, что мы будем его пить, но мы иногда немножечко подворовывали.

Корландин благополучно справился с затычкой, нацедил вина в лабораторную колбу и разлил из неё по стопочкам. Первую вручили мне, но я знал, что нельзя пить сразу. Когда все за столом получили по стопочке (Корландин – последним), он поднял свою, поглядел мне в глаза и сказал:

– За фраа Эразмаса, по случаю его выхода на свободу, чтобы она была долгой и радостной и чтобы он воспользовался ею с умом.

Зазвенели сдвигаемые стопки. Меня несколько смутили слова «чтобы он воспользовался ею с умом», но я всё равно выпил.

Ощущение было волшебное, как будто пьёшь любимую книгу. Остальные выпили стоя. Теперь они сели, и я увидел другие столы. Некоторые инаки повернулись ко мне и подняли кружки с тем, что уж они там пили, другие увлечённо беседовали о своём. В дальних концах трапезной, в основном поодиночке, стояли те, с кем я больше всего хотел поговорить: Ороло, Деззери, Тулия и Халигастрем.

Ужин оказался длинным и не слишком аскетичным. Мне подливали и подливали. Я чувствовал себя в центре внимания и заботы.

– Отведите его кто-нибудь к лежанке, – сказал какой-то фраа. – Ему достаточно.

Меня взяли под руки и помогли встать. Я дал проводить себя до клуатра и сказал, что дальше не надо.

За время в соборе я хорошо изучил, какие части клуатра не просматриваются из окон инспектората, поэтому сделал несколько кругов по саду, чтобы прочистить голову, и сел на скамейку, которая была оттуда не видна.

– Ты сейчас в сознании или мне до утра подождать? – спросил голос. Я поднял глаза и увидел Тулию. Кажется, она меня разбудила.

– Садись.

Я похлопал по скамейке рядом с собой. Тулия села, но на некотором расстоянии, чтобы можно было устроиться поглубже, и повернула ко мне голову.

– Я рада, что ты вышел, – сказала она. – Здесь столько всего произошло.

– Это я понял. А вкратце рассказать можешь?

– Что-то... что-то не так с Ороло. Никто не понимает что.

– Брось! Звёздокруг закрыли. Чего тут ещё понимать?

Видимо, мой тон задел Тулию, потому что она ответила обиженно:

– Да, но никто не знает почему. Нам кажется, что Ороло знает и не говорит.

– Ладно. Прости.

– Потому и элигер так прошёл. Некоторые фиды, про которых все думали, что они пойдут к эдхарианцам, выбрали другие ордена.

– Я заметил. А почему? В чём логика?

– Я не уверена, что тут есть логика. До аперта все фиды точно знали, чего хотят. Потом всё случилось разом. Инквизиторы. Твоя епитимья. Закрытие звёздокруга. Призвание фраа Пафлагона. наших это встряхнуло. Многие задумались.

– О чём?

– Например, стоит ли идти к эдхарианцам.

– Потому что они не в фаворе?

– Они всегда не в фаворе. Но, увидев, что произошло с тобой, ребята поняли, что неразумно отворачиваться от этой стороны концента.

– Кажется, до меня начало доходить, – сказал я. – То есть, например, Арсибалът, пойдя к реформированным старофаанитам, которые и не мечтали его заполучить...

– Может приобрести большой вес прямо сейчас.

– Я заметил, что за ужином он клал главное блюдо.

(Обычно эта честь предоставлялась старшим фраа.)

– Он может стать пе-эром. Или иерархом. Может быть, даже примасом. И бороться с тем идиотизмом, что творится тут в последнее время.

– Так что те, кто всё-таки пошёл к эдхарианцам...

– Лучшие из лучших.

– Как Дезри.

– Совершенно точно.

– Мы заслоним вас, эдхарианцев, защитим на политическом фронте, чтобы вы могли заниматься своим делом, – сказал я.

– Всё точно, но кто «вы» и кто «мы»?

– Очевидно, что завтра ты пойдёшь к эдхарианцам, а я – в Новый круг.

– Этого все ждут. Но будет наоборот, Раз.

– Ты держала для меня место у эдхарианцев?

– Ты мог бы выразиться и поделикатнее.

– Неужели я так сильно нужен эдхарианцам?

– Нет.

– Что?!

– Если бы они устроили тайное голосование, ты мог бы и не победить. Прости, Раз, но я должна быть честной. Очень многие сууры хотят, чтобы я пошла к ним.

– А почему нам не пойти к ним вместе?

– Это невозможно. Я не знаю подробностей, но Корландин с Халигастромом о чём-то договорились. Решение принято.

– Если я эдхарианцам не нужен, так что вообще обсуждать? – спросил я. – Ты видела, какой бочонок выставил мне Новый круг? Они давно меня к себе заманивают. Почему бы мне не пойти к ним, а тебе – в любящие объятия суур эдхарианского капитула?

– Потому что Ороло хочет другого. Он сказал, что ты нужен ему в команде.

Я чуть не расплакался.

– Вот что, – сказал я после долгого молчания. – Ороло знает не всё.

– О чём ты?

Я огляделся. Клуатр показался мне слишком маленьким и тихим.

– Давай пройдемся, – предложил я.

Снова я заговорил только на другом берегу реки, когда мы шли в лунной тени под стеной. Тут-то я и рассказал, что делал во время воко.

Тулия долго молчала.

– Отлично! – сказала она наконец. – Это всё решает.

– Что всё?

– Тебе надо идти к эдхарианцам.

– Тулия, во-первых, никто не знает, кроме тебя и Лио. Во-вторых, я, скорее всего, не смогу забрать табулу. В-третьих, на ней, вероятно, не будет ничего полезного.

– Частности, – фыркнула Тулия. – Ты вообще меня не понял. Твой поступок доказывает, что Ороло прав. Твоё место – в его команде!

– А твоё, Тулия? Где твоё место?

Она не ответила, и мне пришлось повторить вопрос.

– То, что случилось в Десятую ночь, случилось. Все мы приняли решения, каждый – своё.

Возможно, потом мы о них пожалеем.

– В какой мере это моя вина?

– А кого это волнует?

– Меня. Я жалею, что не мог выйти из штрафной кельи и всех вас остановить.

– Мне не нравится то, что ты говоришь. Как будто все повзрослели, пока ты там сидел. Кроме тебя.

Я остановился и часто задышал. Тулия прошла ещё несколько шагов, потом вернулась ко мне.

– «В какой мере это моя вина?» – передразнила она. – Да не всё ли равно? Дело сделано.

– Мне не всё равно. Я переживаю, потому что от этого зависит мнение большинства эдхарианцев.

– Брось переживать! – сказала она. – Или хотя бы помолчи.

– Ладно, извини. Просто мне казалось, что ты – тот человек, которому можно рассказать о своих чувствах.

– Ты думаешь, я хочу быть таким человеком до конца жизни? Для всего концента?

– Вижу, что нет.

– Вот и отлично. Поговорили и хватит. Иди к Халигастрему. Я пойду к Корландину. Скажем им, что вступаем в их ордена.

– Хорошо. – Я с деланным безразличием пожал плечами и пошёл к мосту. Тулия меня догнала. Я молчал, думая о том, что вступаю в орден, где многие не желают меня видеть и будут винить за то, что я занял место Тулии.

Мне хотелось злиться на неё за то, как резко она со мной обошлась. Впрочем, рад сообщить, что к тому времени, как мы миновали мост, голос обиды умолк – пусть не навсегда, но я уже знал, что не должен обращать на него внимания. Мне безумно страшно было вступать в эдхарианский орден при нынешних обстоятельствах. Однако я чувствовал, что правильно – сжать зубы и действовать, не цепляясь в поисках моральной поддержки за Тулию или за кого-то ещё. Как с теорической задачей, когда понимаешь, что на верном пути, а всё остальное – частности. Отблеск красоты, о которой говорил Ороло, лежал передо мною, как путеводная лунная дорожка.

– Ты хочешь поговорить с Ороло? – спросил фраа Халигастрем после того, как я сообщил ему новость. Он не удивился и не выказал радости, вообще никаких чувств, кроме безграничного утомления. В старом зале капитула горели свечи; глядя в озарённое их светом лицо фраа Халигастрема, я впервые понял, как его вымотали последние недели.

Я задумался. Казалось бы, что может быть естественней, чем поговорить с Ороло, а я даже не попытался его найти. Учтывая, как прошёл разговор с Тулией, мне не хотелось ещё полночи рассказывать другим о своих чувствах.

– Где он?

– Кажется, на лугу. Они с Джекзри проводят наблюдения невооружённым глазом.

– Тогда не буду им мешать, – сказал я.

Мои слова как будто прибавили Халигастрему сил. *Фид начинает вести себя по-взрослому.*

– Тулия вроде бы считает, что он хочет видеть меня здесь.

Я обвёл глазами старый зал капитула: просто расширение в галерее клуатра, служащее почти исключительно для церемониальных целей, но остающееся сердцем всемирного ордена; место, которое сам светитель Эдхар когда-то мерил шагами, размышляя о теорике.

– Тулия права, – ответил Халигастрем.

– Тогда и я хочу здесь быть, пусть даже меня примут без радости.

– Если и так, лишь из опасений за твоё благополучие, – сказал он.

– Что-то мне плохо верится.

– Ладно, – отвечал он чуть досадливо. – Может быть, причина в другом. Ты сказал «без радости», а не «враждебно». Сейчас я говорю только о тех, кто не выкажет радости.

– Вы – в их числе?

– Да. Нас, безрадостных, волнует только...

– Потяну ли я?

– Именно так.

– Ну, если дело в этом, вы всегда сможете обращаться ко мне, когда вам понадобится число пи с большим количеством знаков после запятой.

Халигастрем был так добр, что удостоил меня смешком.

– Послушайте. Я вижу, что вы беспокоитесь. Я справлюсь. Это мой долг перед Лио, Арсибальтом и Тулией.

– Как так?

– Они принесли жертву, чтобы концент в будущем стал другим. Может быть, в итоге следующее поколение иерархов будет лучше нынешнего и даст эдхарианцам спокойно работать.

– Если только сами они не изменятся, сделавшись иерархами, – ответил фраа Халигастрем.

Часть 4

Анафем

Через шесть недель после вступления в эдхарианский орден я безнадежно увяз в задаче, которую кто-то из околенцев Ороло поставил мне с целью доказать, что я ничего не смыслю в касательных гиперповерхностях. Я вышел прогуляться и, не то чтобы по-настоящему думая о задачке, пересёк замёрзшую реку и забрёл в рощу страничных деревьев на холме между десятилетними и вековыми воротами.

Несмотря на все усилия цепочкописцев, создавших эти деревья, лишь один лист из десяти годился для книги ин-кварто. Самыми распространёнными дефектами были маленький размер и неправильная форма, когда из листа, помещённого в рамку для обрезания, не получался прямоугольник. Ими страдали четыре листа из десяти – больше в холодное или сухое лето, меньше, если погода стояла благоприятная. Лист, источенный насекомыми или с толстыми жилками, не позволявшими писать на обратной стороне, годился только в компост. Эти дефекты были особенно часты у листьев, растущих близко к земле. Лучшие листья созревали на средних ветвях, не очень далеко от ствола. Арботекторы сделали ветви страничного дерева толстыми, чтобы на них удобно было взбираться. Фидом я каждый год по неделе проводил на ветках, обрывая качественные листья и сбрасывая их старшим инакам, складывавшим урожай в корзины. Собранные листья мы в тот же день подвешивали за черешки к верёвкам, протянутым от дерева к дереву, и оставляли до первых морозцев, а затем уносили в дом, складывали в стопки и придавливали тонной плоских камней. Чтобы дойти до кондиции, листу нужно около ста лет. Уложив урожай этого года под гнёт, мы проверяли стопки, заложенные примерно сто лет назад; если они оказывались годными, мы снимали камни и разлепляли листья. Хорошие укладывали в рамки для обрезания, а получившиеся страницы раздавали инакам для письма или переплетали в книги.

Я редко заходил в рощу после сбора урожая. В это время года она всегда напоминала мне, как мало листьев мы сняли. Остальные скручивались и опадали. Сейчас все эти чистые страницы хрустели у меня под ногами, пока я искал одно особенно большое дерево, на которое любил забираться. Память подвела меня, и я на несколько минут заблудился, а когда всё-таки нашёл дерево, не удержался и залез на него. Мальчиком, сидя здесь, я всегда воображал себя в огромном лесу – это было куда романтичнее, чем жить в матике, окружённом казино и шиномонтажными мастерскими. Однако сейчас деревья стояли голые, и я отчётливо видел, что чуть дальше на восток роща заканчивается. Заплетённое плющом владение Шуфа было как на ладони, и Арсибальт мог заметить меня в окно. Я устыдился своей ребячливости, слез с дерева и пошёл к полуразвалившемуся зданию. Арсибальт проводил там почти всё время и давно зазывал меня в гости, а я всё отговаривался. Теперь не зайти было бы неудобно.

Путь преграждала невысокая живая изгородь. Смахивая с неё скрученные листья, я почувствовал рукою холодный камень и в следующее мгновение – боль. Стена оказалась каменная, сплошь заросшая зеленью. Я перемахнул через неё, а потом ещё некоторое время выпутывал из растений края стлы и хорду. Я стоял на чьём-то клусте, сейчас похллом и съёжившемся. Чёрная земля, из которой выкопали последнюю в этом году картошку, лежала комьями. Из-за того, что пришлось лезть через ограду, я чувствовал себя нарушителем на чужой территории. Надо думать, для того Шуфово преємство и поставило здесь стену. И потому-то те, кто оказался по другую её сторону, в конце концов обозлились и покончили с преємством. Стену ломать они поленились и предоставили эту работу плющу и муравьям. Реформированные старофааниты в последнее время взяли привычку уходить во владение Шуфа для занятий, а когда никто не высказал возражений, принялись его обживать.

Гардана весы, логический принцип, приписываемый светителю Гардану (–1110–1063) и гласящий, что при сравнении двух гипотез их следует положить на чаши метафорических весов и отдать предпочтение той, которая «поднимется выше», поскольку «меньше весит». Суть заключается в том, что более простые, «легковесные» гипотезы предпочтительнее «тяжеловесных», то есть сложных. Также «весы св. Гардана» или просто «весы».

«Словарь», 4-е издание, 3000 год от РК.

Что обжились они тут всерьёз, я понял, когда поднялся по ступеням и толкнул дверь (вновь перебарывая чувство, будто вторгаюсь на чужую территорию). РСФские плотники настелили в каменном доме полы и обшили стены деревянными панелями. Вообще-то, инаков, избравших своим самодельем работу по дереву, правильнее называть не плотниками, а столярами или даже краснодеревцами; точности их работы позавидовала бы даже Корд. По сути, это была одна большая кубическая комната со стороны шагов в десять, под потолок заставленная книгами. Справа от меня пылал в камине огонь, слева (на северной стороне) располагался эркер, такой же большой, округлый и уютный, как Арсибальт, который сидел за столом у окна и читал книгу столь древнюю, что её страницы приходилось переворачивать щипцами. Значит, он всё-таки не видел меня на дереве, и я мог бы спокойно уйти. Однако теперь я не жалел, что заглянул: очень приятно было смотреть на него в такой обстановке.

– Ну ты прямо сам Шуф! – сказал я.

– Тсс! – Арсибальт огляделся. – Не стоит так говорить – кому-то может не понравиться. У каждого ордена есть такие укромные места, островки роскоши, узнав о которых светительница Картазия перевернулась бы в своём халцедоновом гробу.

– Тоже довольно роскошном, если подумать.

– Брось, там темно и холодно.

– Отсюда выражение: темно, как у Картазии в...

– Тсс! – снова зашипел он.

– Знаешь, если у эдхарианского капитула и есть островки роскоши, мне их ещё не показали.

– У вас всё не как у людей. – Арсибальт закатил глаза, потом оглядел меня с головы до пят. – Может, с возрастом, когда ты займёшь более высокое положение...

– А ты уже занял? Кто ты в свои девятнадцать? Пе-эр реформированных старофаанитов?

– Мы с капитулом очень быстро поладили, это правда. Они поддержали мой проект.

– Какой? Примиришь нас с богопоклонниками?

– Некоторые реформированные старофааниты даже верят в Бога.

– А ты, Арсибальт? Ладно, ладно, – торопливо добавил я, видя, что он готов зашикать на меня в третий раз. Арсибальт наконец встал и провёл для меня небольшую экскурсию. Он показал остатки былого великолепия, сохранившиеся от дней, когда владение процветало: золотые кубки и украшенные драгоценными камнями книжные переплёты. Теперь они хранились в стеклянных витринах. Я сказал, что у ордена наверняка припрятаны ещё золотые кубки, для питья. Арсибальт покраснел.

Потом, словно разговоры о кухонной утвари напомнили ему о еде, он убрал книгу на полку. Мы вышли из владения Шуфа и двинулись к трапезной. Провенер мы сегодня оба пропустили – роскошь, ставшая возможной, потому что теперь нас несколько раз в неделю подменяли младшие фраа.

Когда нас окончательно освободят от этой обязанности, то есть года через три, мы сможем завести себе серьёзное самоделье – что-нибудь практическое для нужд концента, а пока имели счастливую возможность перепробовать разные занятия и решить, что нам по душе.

Взять хоть фраа Ороло и его старания поладить с библиотечным виноградом. Наш концент располагался слишком далеко на севере, и лозу это не устраивало. Однако у нас был южный склон, между страничной рощей и внешней стеной концента, где виноград соглашался расти.

– Пасека, – отвечал Арсибальт на мой вопрос, чем он интересуется.

Я представил Арсибальта в облаке пчёл и хохотнул.

– Я думал, ты предпочтёшь работу в помещении с чем-нибудь неживым. Мне всегда казалось, что ты станешь переплётчиком.

– В это время года пчеловодство и есть работа в помещении с неживым. Может, когда пчёлы проснутся, мне разонравится. А ты, фраа Эразмас?

Арсибальт, сам того не зная, затронул щекотливую тему. Самоделье нужно ещё по одной причине: если ты ни на что лучшее не способен, всегда можно бросить книги, калькории, диалоги и до конца жизни работать руками. Это называлось «отпасть». Многие инаки так жили: готовили еду, варили пиво, резали по камню, и ни для кого не было секретом, кто они такие.

– Ты можешь выбрать что-нибудь смешное, вроде пчеловодства, – заметил я, – и это будет просто оригинальное хобби, потому что ты не отпадёшь, разве что РСФ вдруг наберёт целую толпу гениев. У меня шансы отпасть куда больше, так что мне нужно дело, которым я смогу заниматься восемьдесят лет и не сойти с ума.

Сейчас Арсибальт мог бы заверить меня, что я на самом деле очень умный и мне такое не грозит, однако не стал. Я не обиделся. После неприятного разговора с Тулией полтора месяца назад я меньше изводился и больше старался чего-нибудь достичь.

– Например, я мог бы отлаживать инструменты на звёздокруге.

– Особенно если тебя туда пустят, – заметил Арсибальт. Он мог говорить без опаски, поскольку мы шли по шуршащим листьям и рядом никого не было, если только суура Трестана не пряталась в куче листвы, приложив ладонь к уху.

Я остановился и поднял голову.

– Что такое? Ждёшь, что с дерева свалится инквизитор? – спросил Арсибальт.

– Нет, просто смотрю на него, – отвечал я, имея в виду звёздокруг. Отсюда, с холмика, мы хорошо его видели, однако роща закрывала нас от окон инспектората, и я не боялся смотреть долго. Телескоп светителей Митры и Милакса по-прежнему был направлен на север, как и три месяца назад.

– Я подумал: если Ороло смотрел в МиМ на что-то, чего ему не следовало видеть, мы можем найти зацепку в том, куда он направил телескоп в последнюю ночь. Может, он и картинки тогда снял, только их никто пока не видел.

– Ты можешь сделать какие-нибудь выводы из того, куда сейчас направлен МиМ?

– Один: Ороло хотел разглядеть что-то над полюсом.

– А что у нас над полюсом? Кроме Полярной звезды.

– В том-то и дело, – сказал я. – Ничего.

– То есть? Должно быть что-нибудь.

– Но это опровергает мою гипотезу.

– А ты можешь объяснить, в чём она состоит? Желательно по пути туда, где тепло и кормят.

Я снова зашагал и, обращаясь к спине Арсибальта, который прокладывал путь среди палой листвы, сказал:

– Я предполагал, что это камень.

– В смысле астероид, – расшифровал он.

– Да. Но камни не подлетают с полюса.

– Откуда ты знаешь? Разве они не со всех сторон летят?

– Да, но чаще с малым углом наклона – орбиты астероидов лежат в той же плоскости, что у планет. Их надо искать вблизи эклиптики, как мы называем эту плоскость, на случай, если ты забыл.

– Твой аргумент – статистический, – заметил Арсибальт. – Может, мы имеем дело с необычным камнем.

– Такая гипотеза не выдерживает проверки взвешиванием.

– Весы светителя Гардана – полезный методологический принцип. В жизни ему многое не подчиняется, – напомнил Арсибальт. – В том числе ты и я.

Я не говорил с Ороло уже лет сто, но сегодня он сел с нами, лицом к окну, выходящему на горы. Ороло смотрел на них примерно с тем же чувством, что я – на звёздокруг несколько минут назад. День был ясный, пики вырисовывались чётко, и казалось, что до них можно докинуть камнем.

– Интересно, хорошая ли сегодня видимость на Блаевом холме. – Ороло вздохнул. – Уж точно лучше, чем здесь.

– Это тот, на котором пены съели печень светителя Блая? – спросил я.

– Он самый.

– А он разве где-то близко? Я думал – на другом континенте или вроде того.

– Нет. Блай был наш, эдхарец. Можешь посмотреть в хронике. У нас и реликвии его где-то хранятся – священные рукописи и всё такое.

– А что, на его холме правда есть обсерватория? Или ты меня разыгрываешь?

Ороло пожал плечами.

– Понятия не имею. Эстемард построил там телескоп после того, как отрёкся от обетов и выбежал в дневные ворота.

– А Эстемард был?..

– Одним из двух моих учителей.

– Второй – Пафлагон?

– Им обоим стало тошно здесь примерно в одно время. Эстемард ушёл за ворота. Пафлагон как-то после ужина направился к верхнему лабиринту, и больше я его не видел, пока... ну сам знаешь. – Тут Ороло вспомнил, что я был тогда в другом месте. – А ты что делал во время призвания Пафлагона? Когда ещё гостил у Аутипеты?

Аутипета, согласно древнему мифу, подкралась к спящему отцу и выколола ему глаза. Я не слышал, чтобы сууру Трестану так называли, поэтому только закусил губу и затряс головой. Арсибальт фыркнул так, что суп брызнул у него из носа.

– Это нечестно, – сказал я. – Она просто исполняла приказы.

Ороло твёрдо решил меня уплощить.

– Знаешь, во время Третьего предвестия люди, совершавшие чудовищные преступления, часто говорили...

– Что просто исполняют приказы. Это мы все знаем.

– Фраа Эразмас страдает синдромом светителя Альвара, – вставил Арсибальт.

– Эти люди сгребали детей в печи бульдозерами, – сказал я. – Что до светителя Альвара, он в Третье разорение уцелел единственный из всего концента и тридцать лет провёл в плену. Закрывать на несколько недель доступ к телескопам – несколько другой масштаб, а?

Ороло обдумал мои слова, затем подмигнул.

– Тем не менее вопрос в силе: что ты делал во время воко?

Разумеется, мне очень хотелось всё ему рассказать. Я и рассказал – но в форме шутки:

– Пока никто не видел, я сбегал на звёздокруг провести наблюдения. К несчастью, светило солнце.

– Ах этот треклятый огненный шар! – воскликнул Ороло. Тут ему в голову пришла новая мысль. – Но ты знаешь, какие инструменты видят яркие предметы даже днём.

Ороло подыграл моей шутке, и не ответить было бы неспортивно.

– Увы, МиМ был направлен в неподходящую сторону, – сказал я, – а развернуть его у меня не было времени.

– В неподходящую для чего? – спросил Ороло.

– Чтобы смотреть на что-нибудь яркое: планету или... – Я не договорил.

Джезри сел за пустой стол по соседству, лицом к нам, и замер, словно забыл про еду. Если бы он был волком, то развернул бы уши.

Ороло сказал:

– Надеюсь, ты не перетрудишься, если доведёшь фразу до конца?

Я взглянул на Арсибальта. Вид у него был растерянный, почти испуганный. Думаю, у меня тоже. Всё началось с шутки. Теперь Ороло пытался подвести нас к чему-то серьёзному, а мы не понимали к чему.

– За исключением сверхновых, все яркие объекты близко – в Солнечной системе. А здесь почти всё сосредоточено в плоскости эклиптики. Итак, фраа Ороло, в нелепой фантазии, в которой я забежал на звёздокруг, чтобы посмотреть на небо среди бела дня, мне, дабы увидеть что-нибудь стоящее, пришлось бы развернуть МиМ с полюса в плоскость эклиптики.

– Я просто хотел, чтобы твоя нелепая фантазия была внутренне непротиворечива, – пояснил фраа Ороло.

– Ну, теперь она тебя устраивает?

Он пожал плечами.

– Твои доводы убедительны. Но не отмахивайся так запросто от полюсов. На них много что сходится.

– Например? Меридианы? – фыркнул я.

Арсибальт, в том же тоне:

– Перелётные птицы?

Джезри:

– Стрелки компасов?

И тут более высокий голос вставил:

– Полярные орбиты.

Мы повернулись и увидели, что к нам с подносом направляется Барб. Наверное, он слушал вполуха, пока стоял в очереди, и теперь выдал ответ на задачку мальчишеским дискантом, который можно было услышать с Блаева холма. Слова были столь неожиданными, что все в трапезной подняли головы.

– По определению, – продолжал Барб нараспев, как всегда, когда излагал что-нибудь выученное по книге, – спутник на полярной орбите должен при обращении вокруг Арба пройти над каждым из полюсов.

Ороло, чтобы не рассмеяться, затолкал в рот кусок хлеба, которым вылизывал подливку. Барб теперь стоял рядом со мной, держа поднос в нескольких дюймах от моего уха, но не садился.

Я почувствовал на себе чей-то взгляд и, повернувшись, увидел фраа Корландина несколькими столами дальше. Он как раз отводил глаза, но по-прежнему слышал, как Барб вещает:

– Телескоп, направленный на север, может с большой вероятностью обнаружить...

Я дёрнул его за край стлы. Рука у Барба пошла вниз, еда съехала на край подноса, Барб не удержал его, и всё лавиной посыпалось на пол.

Все повернулись к нам. Барб стоял в изумлении.

– На мою руку подействовала неведомая сила! – объявил он.

– Прости, это я виноват, – сказал я.

Барб зачарованно смотрел на пролитую еду. Зная, как работает его сознание, я встал прямо перед ним и положил руки ему на плечи.

– Барб, посмотри на меня.

Он послушался.

– Это я виноват. Запутался в твоей стле.

– Если ты виноват, значит, ты и должен это убирать, – спокойно проговорил он.

– Согласен. Сейчас уберу.

Я пошёл за ведром. У меня за спиной Джекзри задал Барбу вопрос про конические сечения.

Кальк. 1. (прото- и староорт.) Мел либо другой подобный материал, используемый для нанесения пометок на твёрдые поверхности. **2.** (средне- и позднеорт.) Расчёт, особенно требующий большого количества мела из-за своей нудности и громоздкости; финансовая калькуляция. **3.** (орт. эпохи Праксиса и позже) Объяснение, определение либо урок, нужные для развития более общей темы, но чересчур длинные, специальные или мудрёные, и потому вынесенные из основного текста диалога в примечание либо приложение, чтобы не отвлекать от основной линии доказательства.

«Словарь», 4-е издание, 3000 год от РК.

Одна грязная работа плавно перешла в другую: суура Ала любезно напомнила, что сегодня моя очередь убираться на кухне. Довольно скоро я заметил, что Барб увязался за мной: просто ходит хвостиком, а помочь не предлагает. Сперва очередное проявление его асоциальности меня раздражало, однако, переборов досаду, я решил, что так даже лучше. С некоторыми вещами проще справляться одному. Объяснять и показывать – больше мороки. Многие стараются помочь только из вежливости или чтоб завязать контакт. Сознание Барба подобные соображения не замутняли. Вместо этого он со мной разговаривал, что было, на мой взгляд, предпочтительнее «помощи».

– Орбиты – ещё противнее того, что ты сейчас делаешь, – серьёзно заметил Барб, наблюдая, как я встал на колени и по локоть запустил руку в засорившееся сливное отверстие.

– Я так понимаю, что прасуура Ильма сейчас тебе их объясняет, – буркнул я. Работа позволяла мне скрыть обиду, почти зависть. Мне про орбиты рассказали только на втором году. Барб был у нас второй месяц.

– Много иксов, игреков и зетов! – воскликнул Барб, так что я невольно рассмеялся.

– Да, немало.

– И хочешь знать, в чём дурость?

– Конечно, Барб. Выкладывай, – сказал я, вытаскивая пригоршню очистков, прижатых к решётке давлением двадцати галлонов грязной воды. Отверстие громко рыгнуло и принялось засасывать воду.

– Любой пен может встать ночью на лугу, увидеть одни спутники на полярных орбитах, другие на экваториальных, и понять, что это разные орбиты! – обиженно проговорил Барб. – А когда смотришь на иксы, игреки и зеты, то знаешь что?

– Что?

– Видишь просто кучу иксов, игреков и зетов, по которым совсем не ясно, что одни орбиты полярные, другие экваториальные, хотя любой тупой пен видит это, глядя на небо!

– Хуже того, – заметил я. – Глядя на иксы, игреки и зеты, ты даже не поймёшь, что это орбиты.

– В смысле?

– Орбита – траектория стационарная, стабильная, – сказал я. – Спутник, конечно, всё время движется, но всё время одинаково. И вот эту стабильность иксы, игреки и зеты никак не показывают.

– Да! Как будто, изучая теорику, мы только тупеем! – Барб возбуждённо рассмеялся и театрално глянул через плечо, словно мы затеваем какую-то шалость.

– Ильма заставляет тебя работать самым мерзким способом, в лесперовых координатах, чтобы, когда она начнёт объяснять, как всё делается на самом деле, это показалось тебе более лёгким.

Барб онемел от изумления. Я продолжал:

– Как бить себя по голове молотком: перестанешь – и сразу получаешь.

Шутка была с во-о-от такой бородой, но Барб слышал её впервые. Он так развеселился, что пришёл в сильное возбуждение и должен был несколько раз пробежать по кухне, чтобы выпустить лишнюю энергию. Несколько недель назад я бы испугался и стал его успокаивать. Теперь я привык и знал, что, если усадить его силой, будет только хуже.

– А что правильно?

– Параметры орбиты, – сказал я. – Шесть чисел, дающие тебе всё, что надо знать о движении спутника.

– У меня уже есть эти шесть чисел, – ответил он.

– И какие же они? – спросил я, чтобы его проверить.

– Лесперовы координаты спутника: x , y и z . Это три. И скорость вдоль каждой из осей. Ещё три. Всего шесть.

– Ты сам сказал, что смотришь на шесть чисел и не можешь представить орбиту зрительно. Я объясняю, что с помощью теорики их можно превратить в другие шесть чисел, параметры орбиты, с которыми работать куда проще, и с первого взгляда понятно, проходит орбита над полюсами или над экватором.

– А почему прасура Ильма сразу мне так не сказала?

Я не мог ответить «потому что ты чересчур быстро учишься», однако если бы я начал юлить, Барб бы меня раскусил и уплолил.

И тут меня снизило: не только Ильмино, но и моё дело учить фидов нужным вещам в нужное время.

– Ты уже готов перейти из лесперовых координат в другие пространства – те, в которых работают настоящие, взрослые теоры, – объявил я.

– Вроде параллельных измерений? – спросил Барб. Очевидно, он смотрел те же спили, что и я до прихода сюда.

– Нет. Я не о физических пространствах, которые можно измерить линейкой и в которых можно перемещаться. Это абстрактные теорические пространства, они подчиняются совсем другим законам, называемым принципами действия. Космографы предпочитают шестимерное пространство: по одному измерению для каждого параметра орбиты. Но это специальный инструмент, он используется только в одной дисциплине. Более общий инструмент разработал в начале эпохи Праксиса светитель Гемн...

И я дал Барбу кальк про Гемновы, или конфигурационные пространства, которые Гемн изобрёл, когда, как и Барб, устал от иксов, игреков и зетов.

Остолетиться (бран., жарг.). Потерять рассудок, стать неменяемым, безвозвратно свернуть с пути теорики. Выражение восходит к Третьему столетнему аперту, когда ворота нескольких центенарских матиков открылись и пришедшие обнаружили неожиданные результаты. Например, в конценте св. Рамбальфа – тела его обитателей, покончивших с собой всего несколькими секундами ранее. В конценте св. Террамора – ничего, даже человеческих останков. В конценте св. Бьяндина – неведомую прежде религиозную

секту матарритов (существующую по сей день). В концерте св. Леспера – неизвестный науке вид обитающих на деревьях высших приматов, и никаких следов человека. В концерте св. Фендры – примитивный ядерный реактор в системе катакомб. Эти и другие неприятные случаи привели к созданию инквизиции и учреждению системы иерархов в её нынешней форме, включая инспекторов, которые имеют право проверять матики и принимать к ним меры дисциплинарного характера.

«Словарь», 4-е издание, 3000 год от РК.

Ближе к вечеру я нагнал фраа Ороло, когда тот шёл из калькория. Мы постояли около личных ячеек со страницами и поболтали. Я знал, что бессмысленно спрашивать, к чему он нас подводил странным разговором про дневную космографию. Коли уж Ороло взялся учить нас таким методом, ответа из него не вытянуть. В любом случае меня больше волновало то, что он сказал раньше.

– Послушай, ты ведь не собираешься уходить?

Он улыбнулся и поднял брови, но ничего не сказал.

– Я всегда волновался, что ты уйдёшь в лабиринт и станешь столетником. Мне бы и этого не хотелось. А теперь мне кажется, что ты намерен податься в дикари, как Эстемард.

У Ороло были свои взгляды на то, что такое ответ на вопрос.

Он сказал:

– Что означает твоё высказывание «я волнуюсь»?

Я вздохнул.

– Опиши волнение, – продолжал он.

– Что?!

– Представь, что я никогда не волновался. Я заинтригован и растерян. Объясни мне, как волнуются.

– Ну... наверное, первый шаг – представить последовательность событий, которые могут произойти в будущем.

– Я постоянно это делаю и не волнуюсь.

– Последовательность событий с нехорошим исходом.

– Так ты волнуешься, что над концертом пролетит розовый дракон и пукнет нервно-паралитическим газом?

– Нет. – Я нервно хихикнул.

– Не понимаю, – с каменной физиономией проговорил Ороло. – Это последовательность событий с нехорошим исходом.

– Но это же чушь! Не бывает розовых драконов, пукающих нервно-паралитическим газом!

– Ладно, – сказал Ороло. – Не розовый. Синий.

Мимо проходил Джезри. Увидев, что мы с Ороло в диалоге, он подошёл, но не слишком близко, и встал в позе зрителя: руки под стлой, голова опущена, глаза не смотрят в лицо ни мне, ни Ороло.

– Дело не в цвете, – возмутился я. – Не бывает драконов, которые пукают нервно-паралитическим газом.

– Откуда ты знаешь?

– Никто такого не видел.

– Но никто не видел, чтобы я уходил из концерта – и всё-таки ты из-за этого волнуешься.

– Ладно. Поправка: сама идея такого дракона несуразна. Нет эволюционных прецедентов. Вероятно, нет способов метаболизма, при котором в природе может вырабатываться нервно-паралитический газ. Такие крупные животные не могут летать, потому что с увеличением размеров масса растёт быстрее, чем сила мышц. И так далее.

– Хм. Доводы из биологии, химии, теоретики. Значит ли это, что пены, не сведущие в подобных вопросах, постоянно волнуются из-за розовых драконов, пукающих нервно-паралитическим газом?

– Наверное, их можно убедить, чтобы заволновались. Хотя нет, есть... есть своего рода фильтр, который отсеивает... – Я на мгновение задумался, потом посмотрел на Джемри, приглашая его вступить в разговор. Тот поколебался, потом вынул руки из-под стлы и шагнул к нам.

– Если волноваться из-за розовых, – заметил он, – то не меньшую озабоченность должны внушать синие, зелёные, чёрные, пятнистые и полосатые. И не только нервногазопускающие, но бомбокакающие и огнерыгающие.

– И не только драконы, но и змеи, исполинские черепахи, ящерицы, – добавил я.

– И не только материальные существа, но и боги, духи и так далее, – подхватил Джемри. – Как только вы допустили существование розовых нервногазопускающих драконов, вы должны допустить и все остальные возможности.

– Так почему бы не волноваться из-за них всех? – спросил фраа Ороло.

– А я так и волнуюсь! – объявил Арсибалт. Он увидел, что мы разговариваем, и подошёл выяснять, в чём дело.

– Фраа Эразмас, – обратился ко мне Ороло. – Минуту назад ты утверждал, что можешь убедить пеню волноваться из-за розовых нервногазопускающих драконов. Как бы ты это сделал?

– Ну, я не процианин. А был бы процианином, наверное, рассказал бы убедительную историю, откуда такие драконы берутся. Под конец пены всерьёз бы разволновались. Но когда Джемри прибежал бы и начал кричать о полосатых огнерыгающих черепахах, его бы отправили в психушку!

Все рассмеялись, даже Джемри, который обычно не одобрял шуток на свой счёт.

– Что придало бы твоей истории убедительность?

– Она должна быть внутренне непротиворечивой. И согласовываться со всем, что пены знают о реальном мире.

– Это как?

Лио с Тулией шли на кухню – сейчас была их очередь готовить. Лио, услышав последние несколько фраз, встрял:

– Ты можешь сказать, что падучие звёзды – вспыхнувшие драконьи газы!

– Отлично! – сказал Ороло. – Тогда всякий раз, видя падучую звезду, пеня будет думать, что получил подтверждение мифа о розовом драконе.

– А Джемри он срежет, сказав: «Болван! Какое отношение огнерыгающие черепахи имеют к падучим звёздам?» – добавил Лио.

Все снова рассмеялись.

– Это прямиком из последних записей светителя Эвенедрика, – сказал Арсибалт.

Наступило молчание. До последней минуты мы думали, что просто забавляемся.

– Фраа Арсибалт забежал вперёд, – с мягкой укоризной проговорил фраа Ороло.

– Эвенедрик был теор, – напомнил Джемри. – Вот уж про что он бы писать не стал.

– Напротив, – возразил Арсибалт, набычиваясь. – В конце жизни, после Реконструкции...

– С твоего позволения, – начал Ороло.

– Конечно, – ответил Арсибалт.

– Если ограничиться нервногазопускающими драконами, сколько цветов, по-вашему, мы способны различить?

Прозвучали числа от восьми до ста. Тулия считала, что может различить больше, Лио – что меньше.

– Сойдёмся на десяти, – предложил Ороло. – Допустим, существуют двуцветные полосатые драконы.

– Тогда их будет сто разновидностей, – сказал я.

– Девяносто, – поправил Джекзри. – Надо исключить сочетания красный-красный и так далее.

– Допуская различную ширину полос, можем ли мы получить тысячу различных комбинаций? – спросил Ороло. Мы согласились, что можем. – Теперь перейдём к пятнам. Клетке. Сочетаниям пятен, полос и клетки.

– Сотни тысяч! Миллионы! – послышалось с разных сторон.

– И мы учли пока только нервногазопускающих драконов! – напомнил Ороло. – А как насчёт ящериц, черепах, богов...

– Эй! – Джекзри покосился на Арсибальта. – Вот это уже куда больше похоже на то, что мог написать теор.

– Почему, фраа Джекзри? Что тут такого теорического?

– Числа, – отвечал Джекзри. – Обилие различных сценариев.

– Объясни, пожалуйста.

– Как только ты впустил в мир гипотетические существа, которые не обязаны иметь смысл, ты сразу оказался перед целым диапазоном возможностей, – сказал Джекзри. – Число их практически бесконечно. Разум отбрасывает все как одинаково негодные и не волнуется из-за них.

– Это справедливо и для пенов, и для светителя Эвенедрика? – спросил Арсибальт.

– Думаю, что да, – отвечал Джекзри.

– Выходит, что фильтрующая способность – неотъемлемое свойство человеческого сознания, – сказал Арсибальт.

Чем увереннее говорил Арсибальт, тем настороженней становился Джекзри – он чувствовал, что его заманивают в ловушку.

– Фильтрующая способность? – переспросил он.

– Не прикидывайся дурачком, Джекзри! – крикнула суура Ала, которая тоже шла на кухню готовить. – Ты только что сказал, что разум отбрасывает подавляющее большинство гипотетических сценариев и не волнуется из-за них. И что это, если не «фильтрующая способность»?

– Ну уж извини! – Джекзри обвёл взглядом меня, Лио и Арсибальта, словно приглашая нас полюбоваться, как Ала творит разбой среди бела дня.

– В таком случае, каким критерием пользуется мозг, выбирая для волнений исчезающе малую долю возможных исходов? – спросил Ороло.

Послышался шёпот: «Правдоподобие». «Вероятность». Однако никому не хватило уверенности произнести свой ответ громко.

– Раньше фраа Эразмас упомянул способность рассказать складную историю.

– Это доказывается через Гемново... через конфигурационное пространство, – выпалил я, не задумываясь. – Тут и связь с теором Эвенедриком.

– Объясни, пожалуйста.

Я не сумел бы объяснить, если бы не мой недавний урок Барбу.

– Нет нормального принципа действия, позволяющего попасть из точки Гемнова пространства, где мы сейчас, в точку, где присутствуют розовые нервногазопускающие драконы. Собственно, это просто технический термин для складной истории, соединяющей один момент со следующим. Если просто выкинуть принципы действия в окошко, вы получаете мир, где можно свободно перемещаться в Гемновом пространстве, к любому исходу, без ограничений. Выходит полная ерунда. Разум – даже разум пена – знает, что есть принцип действия, определяющий, как мир развивается от одного момента к другому. Что этот принцип действия огра-

ничивает путь нашего мира точками, составляющими внутренне непротиворечивую историю. Поэтому разум и сосредотачивается на более вероятных сценариях, таких, как твой уход.

– Что?! – вскрикнула Тулия. Те, кто присоединился к диалогу позже, отреагировали сходным образом. Ороло рассмеялся, и я объяснил, с чего начался диалог, – торопливо, пока никто не убежал и не разнёс слухи.

– Я не считаю, что ты неправ, фраа Эразмас, – сказал Джекзри, когда все успокоились, – но, на мой взгляд, здесь проблема весов. Гемново пространство и принципы действия – слишком тяжёлый инструментарий для объяснения того факта, что у разума есть инстинктивный нюх на более правдоподобные исходы, из-за которых стоит волноваться.

– Замечание принято, – сказал я.

Однако Арсибальт расстроился, что я уступил без боя.

– Помните, что всё началось со светителя Эвенедрика, – сказал он. – Теора, посвятившего первую половину жизни строгим расчётам, связанным с принципами действия в различных типах конфигурационных пространств. Не думаю, что он просто выражался поэтически, когда предположил, что человеческое сознание способно...

– Так. Арсибальт остолетился, – произнёс Джекзри.

Арсибальт замер с открытым ртом и побагровел.

– Мы достаточно обсудили проблему, – подвёл итог Ороло. – Сейчас мы её не решим – во всяком случае, на голодный желудок!

Лио, Ала и Тулия, поняв намёк, направились в кухню. Ала через плечо бросила убийственный взгляд на Джекзри и что-то зашептала Тулии. Я точно знал, что она говорит: жалуется на Джекзри, который первым поднял тему множественности исходов, а потом, когда Арсибальт попытался её развить, струсил и отступил, да ещё и поднял Арсибальта на смех. Я попытался улыбнуться Але, но она не заметила. Я остался стоять, лыбясь в пространство, как идиот.

Арсибальт двинулся за Джекзри, чтобы доспорить.

– Возвращаясь к тому, с чего мы начали, – продолжил Ороло. – Из-за чего ты так волнуешься, фраа Эразмас? У тебя нет занятий продуктивнее, чем воображать розовых нервногазопускающих драконов? Или ты обладаешь особым даром проследить возможные будущие в Гемновом пространстве – проследить их к особо неприятным финалам?

– Ты мог бы ответить на этот вопрос, – заметил я, – если бы сказал, действительно ли ты подумываешь об уходе.

– Я провёл почти весь аперт в экстратурсе, – ответил Ороло со вздохом, как будто я наконец припёр его к стенке. – Я ожидал увидеть пустыню. Интеллектуальное и культурное кладбище. Ничего подобного! Я ходил на спили – с большим удовольствием! Я посещал бары и вёл вполне интересные разговоры с людьми. С пенами. Они мне понравились. Среди них были занятные личности – и не как букашки под микроскопом. Некоторые меня зацепили – я их запомню на всю жизнь. Какое-то время я был совершенно очарован. Потом, как-то вечером, у меня случился особенно живой разговор с одним пеном, который не глупее никого в нашем конценте. И между делом выяснилось, что он думает, будто солнце вращается вокруг Арба. Я обалдел. Попытался его разубедить. Он посмеялся над моими доводами. Я и вспомнил, сколько точных наблюдений и теорической работы нужно для доказательства того простого факта, что Арб вращается вокруг солнца. В каком долгу мы перед теми, кто был до нас. И это убедило меня, что я всё-таки живу по правильную сторону стены.

Ороло помолчал, шурясь на горы, словно решая, говорить ли мне остальное. Наконец он поймал мой вопрошающий взгляд и развёл руками, как будто сдаваясь.

– Когда я вернулся, то обнаружил пачку старых писем от Эстемарда.

– Правда?

– Он писал с Блаева холма каждый год, хотя знал, что я получу письма только в аперт. Он рассказывал мне о своих наблюдениях в телескоп, который выстроил своими руками, вручную

отшлифовав зеркало и так далее. Неплохие идеи. Интересное чтение. Но, безусловно, куда слабее того, что он писал здесь.

– Однако его пускали *туда*. – Я показал на звёздокруг.

Ороло рассмеялся.

– Конечно. И, думаю, нас тоже скоро пустят.

– Почему? Откуда ты знаешь? На чём основано твоё убеждение? – спросил я, хоть и знал, что ответа не получу.

– Скажем так: я, как и ты, одарён способностью строить предположения о дальнейшем развитии событий.

– Спасибочки!

– И та же способность позволяет мне вообразить, каково быть дикарём, – продолжал Ороло. – Письма Эстемарда не оставляют сомнений, что жизнь у него нелёгкая.

– Ты думаешь, он сделал правильный выбор?

– Не знаю, – без колебаний отвечал Ороло. – Здесь большой вопрос. Чего ищет человеческий организм? Помимо еды, питья, крова и размножения.

– Счастья, наверное.

– Плохонькое счастье можно получить, если просто есть, что едят там. – Ороло указал на стену. – И всё же люди в экстрамурсе к чему-то стремятся. Они вступают в разные скинии. Зачем?

Я подумал про семью Дрезри и мою.

– Наверное, людям хочется думать, что они не просто живут, но и передают другим свой уклад.

– Верно. Людям нужно чувствовать, что они – часть некоего существенного проекта. Чего-то, что будет жить и после них. Это придаёт им чувство стабильности. Я считаю, что нужда в такого рода стабильности не менее сильна, чем другие, более очевидные потребности. Однако есть разные способы её достичь. Мы можем презирать субкультуру пенов, но в стабильности ей не откажешь! А у бургеров стабильность совсем иная.

– И у нас.

– И у нас. А вот в случае Эстемарда это не сработало. Возможно, он чувствовал, что одинокая жизнь на холме лучше удовлетворит его нужду в стабильности.

– Или просто не нуждался в ней так, как другие, – предположил я.

Часы пробили один раз.

– Ты пропустишь увлекательнейшее выступление сууры Фретты, – сказал Ороло.

– Мне кажется, ты нарочно сменил тему, – заметил я.

Ороло пожал плечами, словно говоря: «Темы меняются. Привыкай».

– Ладно, – сказал я. – Я пойду на её выступление. Но если ты всё-таки решишь уйти, пожалуйста, не уходи, не предупредив меня, хорошо?

– Обещаю, если такое случится, сообщить тебе столько предварительной информации, сколько будет в моих силах, – произнёс Ороло тоном, каким разговаривают с нервными.

– Спасибо, – ответил я.

Затем я пошёл в калькорий светителя Грода и сел внутри большого свободного пространства, которое, как всегда, образовалось вокруг Барба.

Формально мы должны были называть его «фраа Тавенер», ибо это имя он получил, приняв обеты. Но некоторые люди дольше вживаются в свои иначеские имена. Арсибальт был Арсибальтом с первого дня; никто и не помнил, как его звали в экстрамурсе. Однако я чувствовал, что к Барбу ещё долго будут обращаться «Барб».

Тавенер, или Барб, в любом случае мальчик стал для меня спасением. Он многого не знал, но не стеснялся спрашивать, спрашивать и спрашивать, пока полностью не разберётся. Я решил сделать его своим фидом. Кто-то мог подумать, что я жалею Барба или даже готовлюсь

отпасть и выбрал заботу о Барбе в качестве самоделья. Ну и пусть думают! На самом деле мои мотивы были скорее эгоистичными. За шесть недель, просто сидя с Барбом, я выучил больше теорики, чем за шесть месяцев перед апертом. Теперь я видел, что в желании поскорей освоить теорику часто выискивал короткие пути, которые, как и на местности, в итоге оказывались длинными. Стараясь не отстать от Джезри, я прочитывал уравнение так, что тогда оно казалось проще, а потом обнаруживал, что затруднил – и даже сделал невозможным – дальнейшее продвижение. Барб не боялся, что другие его опередят – он не мог прочесть презрения на чужих лицах. Не было у него и тяги к далёкой цели. Он был замкнут в себе и не видел дальше своего носа. Он хотел понять задачку или уравнение, написанные на доске, сейчас, сегодня, вне зависимости от того, есть ли у других время с ним заниматься. И готов был стоять над душой, задавая вопросы, весь ужин и после отбоя.

Кстати, если подумать, Ала с Тулией открыли этот метод учёбы давным-давно. «Двухспинное существо» – окрестил их Джезри, потому что они вечно стояли перед калькорием, обсуждая – бесконечно – только что услышанное. Их не устраивало, что поняла одна или что обе поняли по-разному. Им надо было понять одинаково. Оттого что они постоянно что-то друг дружке объясняли, у всех начинала болеть голова. В детстве мы, завидев двухспинное существо, затыкали уши и бежали куда подальше. Но для них метод работал.

Готовность Барба идти трудным путём делала его движение к далёкой цели (которую он сам не видел и не ставил) более быстрым и надёжным. И теперь я двигался вместе с ним.

В качестве возможного самоделья я обучал новый подрост пению. В экстрамуресе все слушают музыку, но мало кто умеет петь. Новых фидов надо было учить всему. Это страшно выматывало нервы. Я уже понял, что такое самоделье не для меня.

Мы собирались три раза в неделю в большой нише того, что заменяло нам неф. Как-то, возвращаясь после очередной спевки, я столкнулся с фраа Лио, шедшим в дефендорат.

– Пошли со мной, – предложил он. – Я тебе кое-что покажу.

– Новый болевой приём?

– Да нет, совсем не то.

– Ты же знаешь, мне не положено смотреть с высоких уровней.

– Я ещё не выучился на иерарха, так что и мне не положено, – сказал он. – Я хочу показать тебе совсем другое.

Мы двинулись по лестнице. В какой-то момент я испугался, что Лио затевает набег на звёздокруг, потом вспомнил слова Ороло о лишних волнениях и выбросил тревогу из головы.

– За стену тебе смотреть нельзя, – напомнил Лио, когда мы приближались к вершине юго-западной башни, – но никто не запрещает тебе помнить, что ты видел во время аперта. Ведь так?

– Наверное, да.

– Ты что-нибудь заметил?

– Чего-чего?

– Ты заметил что-нибудь в экстрамуресе?

– Ничего себе вопрос! Я кучу всего заметил!

Лио обернулся и одарил меня сияющей улыбкой, давая понять, что это был приём. Юмор как разновидность искводо.

– Ладно, – сказал я. – Что я должен был заметить?

– По-твоему, город стал больше или меньше?

– Меньше. Без вопросов.

– Почему ты так уверен? Данные переписи смотрел? – Снова улыбка.

– Конечно нет. Я не знаю, просто у меня было такое чувство. От того, каким оно всё выглядело.

– И каким же?

– Ну... заросшим.

Лио повернулся и выставил указательный палец, как статуя Фелена, произносящего речь на периклинии.

– Держи эту мысль в голове, – сказал он, – пока мы пересекаем вражескую территорию.

Мы молча взглянули на опущенную и запертую решётку, затем прошли по мостику во двор инспектората и двинулись к лестнице наверх. Только когда мы достигли безопасного места – статуи Амнектруса, – Лио продолжил:

– Я думаю в качестве самоделья заняться садоводством.

– Если вспомнить, сколько сорняков ты выполол в качестве епитимьи за то, что меня бил, подготовка у тебя уже есть, – сказал я. – Только чего это тебя к земле потянуло?

– Давай я тебе покажу, что творится на лугу, – сказал Лио и повёл меня к карнизу дефендората. Двое часовых в огромных зимних стлах совершали обход, ноги их утопали в пушистых бахилах. Мы с Лио разгорячились на подъёме и холода почти не чувствовали, тем не менее накинули стлы на голову и выдвинули их края вперёд – не для тепла, а потому, что так требует канон. Таким образом мы смотрели как будто через туннель и, подойдя к парапету, увидели внизу концент, но ничего выше или дальше.

Лио указал на дальний край луга. Сразу за рекой вставало владение Шуфа. Если не считать нескольких вечнозелёных кустов, всё внизу было мёртвое и пожухлое. У реки клевер перемежался пятнами более тёмных, жёстких сорняков, которым, видимо, нравилась песчаная почва у берега, а ближе к воде и вовсе уступал место растительным агрессорам: бурянике и тому подобному. Здесь отчётливо выделялись зелёные пятна и полосы: некоторые сорняки были такие стойкие, что их не брал даже мороз.

– Я догадываюсь, что тема твоей сегодняшней лекции – сорняки, но не понимаю, к чему ты клонишь.

– Там, внизу, с наступлением весны я намерен реконструировать битву при Трантеях.

– Минус тысяча четыреста семьдесят второй год, – произнёс я роботоподобным голосом; это одна из тех дат, которую вбивают в голову фидам. – Думаю, мне ты отвёл роль гоплита, получившего в ухо сарфянскую стрелу? Ну уж нет, спасибо.

Лио терпеливо покачал головой.

– Не с людьми. С растениями.

– Что?!

– Мысль пришла мне во время аперта, когда я увидел, как сорная трава и даже деревья захватывают город. Отнимают его у людей настолько постепенно, что те и не замечают. Луг будет плодородной Франийской равниной, житницей Базской империи. Река – рекой Хонт, отделяющей её от северных провинций. К минус тысяча четыреста семьдесят четвёртому они были полностью завоёваны конными лучниками. Лишь несколько укреплённых пунктов ещё сдерживали натиск варварских орд.

– Можем ли мы считать владение Шуфа одним из них?

– Как хочешь. Это неважно. Главное, что холодной зимой минус тысяча четыреста семьдесят третьего степняки, предводительствуемые племенем сарфян, переходят замёрзшую реку и закрепляются на Франийском берегу. К весне, когда можно начинать боевые действия, у них здесь уже три армии. Базский полководец Оксас устраивает военный переворот, низлагает императора и выступает из города. Он клянётся утопить сарфян в реке, как крыс. После многодневных манёвров легионы Оксаса встречаются наконец с сарфянами на равнинном месте неподалёку от Трантей. Сарфяне предпринимают ложное отступление, Оксас, как последний болван, поддаётся на их уловку и попадает в клещи. Его окружают...

– А через три месяца Баз был сожжён дотла. И как ты хочешь проделать всё это с сорняками?

– Мы позволим видам-агрессорам с реки пробиться в клевер. Плети звездоцвета распространяются по земле с поразительной скоростью, как лёгкая кавалерия. Буряника медленнее, но закрепляется надёжнее – как пехота. Последними приходят деревья и остаются на века. Если аккуратно полоть и подрезать, можно сделать так, чтобы всё развивалось, как при Трантеях, только на битву понадобится месяцев шесть.

– Ничего бредовой я в жизни не слышал. Всё-таки ты чокнутый.

– Тебе что больше по душе – помогать мне или учить салаг держать ногу?

– Это такая хитрость, чтобы заставить меня полоть сорняки?

– Нет. Мы же, наоборот, позволим им разрастись.

– И что будет, когда они победят? Мы не можем поджечь клуатр. Разве что разграбить пасеку и выпить весь мёд.

– Кто-то это уже сделал во время аперта, – мрачно напомнил Лио. – Нет, наверное, потом нам придётся всё выполоть. Хотя если остальным понравится, можно оставить как есть и позволить деревьям вырасти на завоёванной территории.

– Я вижу в твоём плане один плюс: летом я смогу смотреть, как за Арсибальтом гоняются разъярённые пчёлы.

Лио рассмеялся. Про себя я подумал, что у его затеи есть и другое достоинство: полнейший идиотизм. До сих пор, присматривая за Барбом или уча новичков пению, я пробовал разумные, полезные дела – типичное поведение инака, который готовится отпасть. Провести всё лето за нелепейшим занятием – всё равно что громко объявить об отсутствии у меня такого намерения. Пусть мои недоброжелатели смотрят и злятся!

– Ладно, – сказал я. – Только нам придётся подождать ещё недели три, пока что-нибудь пойдёт в рост.

– Ты ведь хорошо рисуешь? – спросил Лио.

– Лучше тебя, но это ничего не значит. Технические иллюстрации делать могу. Барб потрясающе рисует. А что?

– Я думаю, нам надо будет документировать процесс. Зарисовывать разные стадии битвы. Отсюда как раз удобно.

– Спросить Барба, не захочет ли он?

Лио скривился – то ли потому, что Барб бывает таким несносным, то ли потому, что младшим фидам не положено самоделья.

– Ладно, я сам, – сказал я.

– Отлично! – воскликнул Лио. – Когда начинаем?

В следующие недели мы с Лио читали описания битвы при Трантеях и вбивали колышки, отмечая места основных событий, например, то, где Оксас, пронзённый восемью стрелами, бросился на меч. Я соорудил прямоугольную рамку размером с поднос и натянул на неё куски бечёвки, чтобы получилась квадратная сетка. Рамку я установил на парапет и, рисуя, смотрел в неё, как в окно, чтобы последовательные рисунки можно было сопоставить. Мы мечтали, что развесим их в ряд, и люди, идя вдоль стены, будут наблюдать войну сорняков, как в спиле.

Лио подолгу рыскал в зарослях у реки, выискивая особо агрессивные разновидности различных сорняков. Жёлтый звездоцвет должен был стать сарфянской конницей, белый и красный – их союзниками.

Мы оба ждали, когда нам устроят головомойку.

Недели через две после начала проекта я за ужином поднял голову и увидел, что в трапезную входит фраа Спеликон с иерархиней из инспектората. Разговоры на мгновение стихли, как когда электрическое напряжение падает и в комнате воцаряется полумрак. Спеликон оглядел трапезную и нашёл меня, потом взял поднос и потребовал еды. Иерархи могут есть с нами,

но редко этим правом пользуются. Они вынуждены так сосредотачиваться на том, чтобы не выболтать никакой мирской информации, что еда становится не в радость.

Все заметили, как Спеликон на меня смотрел, так что, когда затемнение прошло, некоторое время раздавался весёлый гул – очевидно, шутили на мой счёт. Я, вопреки обыкновению, ничуть не волновался. В чём меня можно обвинить? В тайном створе с целью позволить сорнякам разрастись? Может, нас с Лио вообще неправильно поняли. Я видел одну сложность: как объяснить наш замысел человеку вроде Спеликона.

Иерархиня – Рота – быстро поела и вышла из трапезной, обнимая толстую папку с листами, которая колыхалась при движениях её бёдер. Спеликон кушал основательно, однако от пива и вина отказался. Через несколько минут он отодвинулся от стола, вытер губы, встал и подошёл ко мне.

– Ты мог бы зайти для короткого разговора в калькорий светительницы Зенлы?

– Конечно. – Я взглянул на Лио, который ужинал за другим столом. – Фраа Лио тоже пригласить или...

– В этом нет надобности, – ответил Спеликон. Я удивился и даже ощутил первые симптомы тревоги – по пути через клуатр в калькорий светительницы Зенлы сердце у меня колотилось, а ладони стали липкими от пота.

Это был один из самых маленьких и древних калькориюв – обычно лишь самые чтимые эдхарианские теоры собирались в нём для бесед между собой или со старшими учениками. Я бывал здесь раз или два в жизни, и уж точно не посмел бы так запросто сюда припереться. В калькории был один маленький стол, за которым еле-еле поместились бы четыре инака на сферах. Рота уже разложила на нём созвездие светоносов: голубоватые отблески падали на стопку чистых листьев и какие-то рукописи. Рядом с открытой чернильницей аккуратным рядком лежали несколько перьев.

– Беседа с фраа Эразмасом из эдхарианского капитула деценарского матика концента светителя Эдхара, – произнёс Спеликон. Рота вывела на чистом листе цепочку значков – это были не обычные базские буквы, а скоропись, к которой иерархи прибегают для ведения протоколов. Спеликон продиктовал дату и время. Я, как зачарованный, следил за Ротой – её рука в мгновение ока пробежала через весь лист, оставляя ряд примитивных закорючек, которые, как мне казалось, никак не могли вместить весь смысл произносимых нами слов.

Я перевёл взгляд на другие рукописи, которые Рота разложила на столе. По большей части они были написаны той же самой скорописью, по крайней мере одна – обычным почерком. Моим почерком. Нагнувшись, я разобрал несколько слов. Это был дневник, который я начал писать в штрафной келье собора. Я увидел имена Флека, Ороло и Кина.

Все мои мышцы разом напряглись. Включился какой-то примитивный механизм реакции на угрозу.

– Это моё!

Спеликон проследил, чтобы мои слова записали.

– Опрашиваемый признаёт, что документ номер одиннадцать принадлежит ему.

– Где вы его взяли? – выкрикнул я голосом детским, как у Барба. Рота молниеносным движением руки запечатлела мой вопрос для вечности.

– Там, где он лежал, – с улыбкой ответил Спеликон. – Ты ведь знаешь, где твой дневник?

– Думал, что знаю.

Дневник лежал в одной из ниш рядом с калькориюм светителя Грода, на такой высоте, где немногие могли до него дотянуться. Однако вынуть чужие листы из ниши считалось верхом неприличия. Так делали, только если кто-нибудь умер или его отбросили.

– Но вы не должны были...

– Предоставь нам самим судить, что мы должны и чего не должны делать, – произнося эти слова, Спеликон сделал лёгкое движение рукой, и Рота перестала писать, потом другим

движением отменил заклятие, и её перо вновь заскользило по листу. – Наше расследование не касается тебя лично и много времени не займёт. Все нужные нам сведения содержатся в твоём дневнике, от тебя требуется только подтвердить их и уточнить. Перед апертом ты выступил в роли скриптора при беседе между фраа Ороло и экстрамурским мастером по имени Кин в Новой библиотеке?

– Да.

– Документ номер три, пожалуйста.

Рота вытащила ещё лист, тоже написанный моей рукой: запись беседы Ороло с Кином. Я не стал спрашивать, откуда его взяли. Очевидно, в нишах фраа Ороло тоже порылись. Возмутительно. Тем не менее я немного успокоился. В разговорах Ороло с мастерами не было ничего предосудительного. Даже если инспектора не поверят мне на слово, в библиотеке было ещё много людей – все подтвердят, что разговор был совершенно безобидный. Это какое-то мелочное копание под фраа Ороло, которое (по крайней мере, так я надеялся) закончится ничем, а фраа Спеликон только выставит себя идиотом.

Спеликон спросил, моей ли рукой написан этот документ, и лишь затем продолжил:

– Есть расхождения между записью беседы, сделанной тобою по её ходу, и версией, которую ты позже изложил в дневнике.

– Да. Я же так не умею. – Я кивнул на Роту. – Я не знаю скорописи, поэтому записывал только существенное для исследования, которое проводил Ороло.

– Какого исследования? – спросил Спеликон.

Мне казалось, что это очевидно, но я всё равно объяснил:

– Исследования политического климата в экстрамурсе – часть рутинной подготовки к аперту.

– Спасибо. Таких расхождений несколько, но я хотел бы привлечь твоё внимание к одному, в конце беседы с Кином, касательно технических характеристик спилекапторов.

От неожиданности у меня отшибло всякую способность соображать.

– Э... я смутно помню, что о чём-то таком говорили.

– Твоя память была куда лучше, когда ты писал вот это. – Спеликон перегнулся через Ротино плечо и взял мой дневник. – Согласно твоей записи, мастер Кин сказал, цитирую: «Флек ничего не заспилил». Теперь твои воспоминания прояснились?

– Да. Днём раньше, перед провенером, мы отправили мастера Флека к ита, чтобы те проводили его в северный неф. Флек хотел снять спиль. Потом Кин сказал, что ита не разрешили Флеку снимать на спилекаптор в соборе.

– Почему?

– Качество изображения слишком хорошее.

– В каком смысле?

– Кин нёс какую-то коммерческую прехню, которую я попытался воспроизвести в дневнике.

– Когда ты говоришь «попытался воспроизвести», означает ли это, что изложенное в дневнике – твои домыслы? Здесь говорится (снова цитирую): «Глазалмаз, антидрожь и диназум – со всем этим он мог заглянуть в другие части вашего собора, даже за экраны». Действительно ли Кин употребил эти слова?

– Не знаю. Я писал частью по памяти, частью – из общих соображений.

– Объясни, что ты в данном случае подразумеваешь под общими соображениями?

– Ну, основная техническая причина, по которой ита не разрешили Флеку включать спилекаптор, в том, что он мог из северного нефа через алтарь заснять столетников и тысячетников. Невооружённым глазом мы их не видим из-за контраста между светлоокрашенным экраном (космографы бы сказали, что у него высокое альбедо) и тёмным пространством нефа. А также из-за расстояния и других факторов. В общем, ита посмотрели характеристики Фле-

кова спилекаптора и сообразили, что в сумме они дают возможность видеть то, чего не различает глаз. Без толку разбираться в коммерческой прехне, которую пишут производители, но по своему знакомству с космографией я легко сообразил, что там должно быть: зум, позволяющий увеличивать изображение, способность воспринимать слаборазличимые объекты на фоне шумов и стабилизатор, чтобы скомпенсировать дрожание рук.

– И это ты подразумеваешь под общими соображениями, – сказал Спеликон. – Общими в том смысле, что всякий, знакомый с космографическими инструментами, пришёл бы к тем же выводам касательно возможностей данного спилекаптора.

– Да.

– В твоём дневнике говорится, – продолжал Спеликон, – что после этого фраа Ороло положил руку тебе на запястье, чтобы ты не записывал. Почему?

– Ороло старше и мудрее. Он видел, к чему идёт дело. Кин собирался сказать что-то мирское, передать нам разговор между ита и Флеком, а это явно не та информация, которую нам следует получать.

– Но, коли так, почему Ороло остановил твою руку? Почему не заткнул тебе уши?

– Не знаю. Может быть, просто повёл себя нелогично. В такие минуты люди не всегда чётко соображают.

– Или наоборот, – сказал Спеликон. – Так или иначе, это всё, что я хотел у тебя спросить про беседу Ороло с Кином. Остался один вопрос.

– Да?

– Что ты делал в девятую ночь аперта?

Я на мгновение задумался, потом наморщил лоб.

– Вот на такие простые с виду вопросы нормальному человеку отвечать труднее всего.

Спеликон как-то очень легко со мной согласился.

– Если под «нормальным человеком» ты подразумеваешь не-иерарха, то позволь тебя заверить: я тоже не помню в подробностях, что делал в тот вечер.

– На следующее утро я должен был вести экскурсию, поэтому не стал засиживаться допоздна. Я поужинал, потом, кажется, сразу пошёл спать. Я много думал.

– Надо же! – удивился Спеликон. – О чём?

Наверное, у меня стало очень удивлённое лицо. Во всяком случае, Спеликон хохотнул и сказал:

– Праздное любопытство. Не думаю, что это важно. – Он взял следующий лист. – Хроника сообщает, что на ту ночь тебе была назначена келья с фраа Остабом и фраа Браншем. Если бы я их спросил, подтвердили бы они, что ты провёл всю ночь вместе с ними?

– Не могу представить, зачем бы им утверждать иное.

– Отлично, – сказал Спеликон. – Тогда всё. Спасибо, что уделил нам время, фраа Эразмас.

Спеликон открыл мне дверь. Я вышел и увидел, что в галерее ждут фраа Бранш и фраа Остабон.

В тот вечер моя способность строить в голове истории взяла выходной. Я не мог понять, чего Спеликон от меня добивался и как это всё понимать, поэтому счёл весь разговор лишним доказательством, что суура Трестана сходит с ума и скоро её увезут во врачебную слободу для лечения (желательно на долгий срок).

На следующий день я встал рано, чтобы помочь раскладывать завтрак. Потом разбирал с Барбом основы внешнего дифференцирования, которые должен был усвоить давным-давно, но только сейчас начал понимать по-настоящему. Я дошёл до той точки, когда голова отказывается ещё что-нибудь воспринимать, и начал ловить себя на глупых ошибках, но тут, по счастью, зазвонили к провнеру.

В тот день часы заводила моя старая команда, поэтому я отправился в собор. Народу было совсем мало, из иерархов явились всего несколько. Я не видел ни Ороло, ни его старших учеников. Джезри тоже сачканул – пришлось нам с Лио и Арсибальтом отдуваться за него.

После долгого утра в калькории и физической нагрузки в соборе я здорово проголодался и в трапезной наворачивал за обе щёки. Я уже доедал, когда вошёл Ороло, взял себе лёгкий перекус и сел один на то место, которое облюбовал в последние недели: за стол, откуда в ясную погоду можно было смотреть на горы. Сегодня небо затянули облака, но чувствовалось, что холодный ветер с реки скоро их разгонит. Доев, я подсел к Ороло. Я почти не сомневался, что Спеликон и его одолевал вопросами, но не хотел заговаривать о том, от чего Ороло наверняка и так тошно.

Он улыбнулся.

– Благодаря иерархам, я скоро вновь смогу проводить наблюдения.

– Звёздокруг откроют? Ура! – воскликнул я. Ороло снова улыбнулся. Картина начинала проясняться. Иерархам что-то померещилось: они усмотрели в действиях Ороло перед апертом что-то, чего я по-прежнему не понимал. Теперь они наконец увидели свою ошибку, и скоро всё будет по-старому.

– Должен признать, у меня в МиМ лежит табула, которую мне до смерти охота заполучить, – сказал Ороло.

– Когда его откроют?

– Не знаю.

– И на что ты будешь смотреть в первую очередь?

– Позволь мне пока не отвечать. Во всяком случае, мощи МиМ для этого не нужно. Хватит и небольшого телескопа или даже коммерческого спилекаптора.

– Спеликон задал мне кучу вопросов про...

Ороло поднёс палец к губам.

– Знаю. И хорошо, что ты ответил так, как ответил.

Я ненадолго отвлёкся, обдумывая услышанное. Новость хорошая. Однако если звёздокруг откроют и кто-нибудь найдёт табулу, которую я оставил в Оке Клесфиры, то плохи мои дела. И дёрнуло же меня её туда засунуть! Как её теперь забирать?

Ороло посмотрел в другое окно – на часы.

– Я видел Тулию несколько минут назад. Они с Алой собирают звонщиц. Она просила кое-что тебе передать.

– Что?

– Она не придёт обедать, так что вы увидите только за ужином.

– И всё?

– Да. Им предстоит вызванивать редкую мелодию, которая потребует всего их внимания. Начнут примерно через полчаса. Она почему-то решила, что именно тебе важно это знать. Почему – понятия не имею.

Воко.

Снова воко. У меня есть шанс проскользнуть на звёздокруг – вот что на самом деле хотела передать мне Тулия.

Понял ли Ороло? Знает ли он, что происходит?

Однако, когда зазвонят колокола, я не смогу взбежать по лестницам собора навстречу потоку служителей инспектората и дефендората. Значит, надо подняться заранее и спрятаться.

А благодаря Лио у меня есть для этого великолепный предлог.

Я встал.

– Увидимся в соборе.

– Да, – сказал Ороло, потом подмигнул. – Или нет.

Я на миг застыл, снова гадая, сколько ему известно. Ороло, глядя на мою физиономию, расплылся в улыбке.

– Я всего лишь хотел сказать, что неизвестно, кто после такого акта останется в соборе, а кто – нет.

– Думаешь, на воко могут призвать тебя?

– Крайне маловероятно! – ответил Ороло. – Но вдруг призовут тебя?

Я фыркнул. Ну вот, теперь он просто надо мной потешается.

– На случай, если тебя призовут, – сказал Ороло, – знай, что я видел твой прогресс в последние месяцы. Я тобой горжусь. Горжусь, но нисколько не удивлён. Продолжай в том же духе.

– Хорошо, – сказал я. – Буду продолжать. Вообще-то у меня к тебе ещё несколько вопросов, но сейчас я побежал.

– Беги, – сказал он. – Осторожнее на лестницах.

Я заставил себя выйти, а не выбежать из трапезной, забрал из ниши рисовальные принадлежности и зашагал к собору, стараясь не подавать виду, что спешу. Довольно скоро я был на трифории и оттуда заглянул на балкон звонщиц. Ала и Тулия со своей командой водили руками в воздухе, не касаясь верёвок – репетировали звон. Тулия меня увидела. Я отвёл глаза, чтобы мы с ней не выглядели заговорщиками, и начал торопливо подниматься по лестнице в юго-восточной башне.

Во дворе инспектората былолюдно, но тихо, как будто все сосредоточены на чём-то чрезвычайно важном. Ничего удивительного, перед воко. Я даже заметил сууру Трестану, когда та шла из одного помещения в другое. Мать-инспектриса посмотрела на меня несколько удивлённо, потом перевела взгляд на рамку, что-то, видимо, вспомнила и поспешила дальше по своим делам.

Лио ждал меня возле статуи Амнектруса, тоже немного раскрасневшийся от быстрого подъёма.

– На карниз не выходи, – шепнул он. – Пошли за мной.

Я надвинул стлу на голову и зашагал вслед за Лио. Мы молчали, потому что рядом всё время кто-нибудь был. Наконец Лио юркнул в помещение с множеством тяжёлых деревянных дверей.

– Ты всё заранее спланировал, да? – прошептал я.

– Я создал возможности на случай, если они понадобятся. – Лио открыл одну из дверей. За ней оказались аккуратные штабеля металлических ящиков. Лио схватил меня за стлу и втолкнул в чулан. К тому времени, как я восстановил равновесие, дверь уже закрылась. Я остался в темноте, спрятанный.

Меньше чем через минуту колокола начали вызванивать незнакомую мелодию.

Глаза понемногу привыкли к темноте, и я отважился легонько засветить сферу. На ящиках были написаны непонятные слова и числа, но я почти не сомневался, что внутри боеприпасы. Мне о них рассказывали. Срок хранения боеприпасов – несколько десятилетий, потом их приходится увозить на уничтожение. Дальше все инаки выстраиваются на лестнице и по цепочке передают ящики со свежими боеприпасами наверх. Последний раз такое происходило задолго до моего прихода в концент, но старшие инаки отчётливо это помнили.

По крайней мере мне было чем занять мысли, пока звонили колокола и тянулись полчаса, отведённые на общий сбор. Иерархам до своего нефа было рукой подать – они могли ещё минут пятнадцать – двадцать заниматься своими делами. Я ждал. Наконец фраа Делрахонес лично обошёл этаж, крича, чтобы все шли вниз. Он хотел спуститься последним и не имел намерения бежать сломя голову.

После этого я решился открыть дверь чулана. Я дал глазам привыкнуть к свету, затем шагнул в коридор, присел на корточки и вслушался. Ниоткуда не доносилось ни звука, даже нефы как будто вымерли.

Я боялся, что Делрахонес ещё выискивает опоздавших, да и спешить было некуда. Поэтому я дождался, когда в колодце зазвучит голос Стато. Тогда я вышел из укрытия, добежал до лестницы и помчался наверх. Стато говорил довольно долго, с паузами, как будто перекладывает наспех составленные листки или собирается с духом.

Я был уже на середине подъёма, когда снизу впервые донеслось слово «анафем».

Колени у меня подогнулись, как у зверя, которого неожиданно схватили за спину. Я застыл на месте, чтобы не упасть.

Такого просто не могло быть. В нашем конценте актал анафема не отмечали более двухсот лет. Однако колокола и впрямь звучали непривычно – это был не воко. Перед акталом в соборе стояла мёртвая тишина, которая теперь сменилась зловещим гулом.

Всё, случившееся перед апертом, обрело новый смысл, как будто груды осколков подбросили в воздух, и она сложилась в зеркало.

Какая-то часть сознания призывала меня двигаться дальше и забрать табулу. Не ради того, что на ней записано, – это теперь было совершенно неважно. Однако Ороло меньше часа назад сказал мне, что хочет получить табулу из МиМ. Я должен извлечь обе. Если я что-нибудь сделаю не так, будет плохо. Возможно, меня отбросят. Хуже того, я подведу Ороло.

Сколько я простоял неподвижно? Потерянное время! Потерянное время! Я побежал дальше.

Чьё имя назовут? Может быть, моё? Что будет, если я не выступлю вперёд? В ситуации был свой мрачный юмор. Он стал ещё мрачнее, когда я вообразил единственный способ откликнуться на зов: прыгнуть в колодец. Если повезёт, я приземлюсь на сууру Трестану. Вот уж точно будет история, которую наш концент и весь матический мир запомнят навсегда! Может быть, она даже попадёт в местные газеты.

Но она не поможет мне вытащить табулы из Ока Клесфиры и МиМ. Ради них стоило рискнуть.

Стато читал какую-то древнюю дребедень про канон и необходимость его блюсти. Наверное, я мог бы взбираться быстрее, но мне хотелось услышать, кого отбросят. У самой двери звёздокруга я остановился и целую минуту просто тянул время.

Наконец Стато произнёс: «Ороло». Не «фраа Ороло», поскольку с этой минуты Ороло перестал быть фраа.

Удивился ли я? С того мига, как прозвучало слово «анафем», я знал, что это будет Ороло. И всё равно выкрикнул: «Нет!» Никто меня не услышал, потому что все остальные кричали то же самое: возглас прокатился по колодцу, как барабанный бой. А на смену ему пришли ещё более странные звуки. Я таких никогда прежде не слышал. Внизу *вопили*.

Почему же я крикнул «нет!», если всё понимал заранее? Не потому, что не верил своим ушам. Это был возглас возмущения. Гнева. Объявление войны.

Ороло был готов. Он вышел из двери в нашем экране и плотно закрыл её за собой, не дав бывшим братьям и сёстрам времени на прощание, которое заняло бы годы. Лучше уж сразу, как будто его задавило упавшим деревом. Ороло вышел в алтарь и бросил сферу на пол, затем принялся развязывать хорду. Она упала ему на щиколотки. Он перешагнул через неё, взялся за нижний край стлы и потянул её через голову. Мгновение он стоял голый, держа скомканную стлу, и смотрел прямо вверх, как фраа Пафлагон во время воко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.